

Тим
Вернер

ПОСЛЕДНИЙ
ШАМАН
ЩИТРУСА

© 2014 Warner Bros. Entertainment Inc.
All Rights Reserved.
TM & © DC Comics

В битве с Чужими человечество одержало победу. Флот отразил атаку на Цитрус, а обломки кораблей противника рухнули в оранжевые пески планеты. У Кима «Миста» Джонса все схвачено: под его руководством на обломках возведена исследовательская База, из-за периметра регулярно доставляют новый материал. Но песчаные бури становятся все сильнее, еще немного — и Поселок снесут. Это ясно — к шаману не ходи. Да и не к кому ходить: последний действующий шаман давно свихнулся, а его единственный сын видел все это шаманство в гробу. Мальчик рвется в Академию Флота, и Мист его поддерживает. Ведь, если честно, все шаманские истории — глупые сказки. Шаманы никогда не останавливали бури.

Тим Вернер

Последний шаман Цитруса

Глава 1. Штиль

— Когда-нибудь я спасу мир, — сказал Ивор, глядя в небо. Глаза у него были синие, абсолютно и совершенно синие, идентично синие здешнему искусственному небу. Иногда даже хотелось ткнуть ему пальцем в глаз, чтобы проверить, действительно ли они настоящие.

За пределами теплиц небо было серым, грозovým. Всегда грозovým. Там было холодно, и приходилось ходить в комбинезонах и утяжеленных ботинках, чтоб не сдуло к чертовой матери. Теплицы казались Рэю кусочками дома в этом холодном заброшенном месте. И потому его очень раздражало, что небо здесь не настоящее.

И хотелось ткнуть Ивора в глаз. Небо ж не ткнешь — не дотянешься.

И конечно же, здесь нельзя было курить — могла полететь вся система.

Но когда Ивор соблюдал правила? Серый дым от его сигареты поднимался тонкой ровной струйкой вверх. Такой ровной, что тоже казался ненастоящим.

Всё было фальшивым.

— От кого ты спасешь мир? — спросил Рэй. И напомнил. — Ты генератор в школе сломал.

Это означало, что ничего героического в действиях Ивора не было никогда. Скорее, наоборот. Так себе спасатель.

— От пришельцев, — сказал Ивор.

На Земле Рэй не водился с такими. Может, на Земле таких и не было. Может, были в очень отдаленных районах с закрытым доступом.

Но здесь выбирать не приходилось. Здесь, на Мирре — третьей планете Земной Гряды — никаких закрытых районов не было. Здесь районов не было вообще, здесь были теплицы, разбросанные по холодным грозovým пустошам.

Сюда им пришлось переехать, потому что отец стремительно терял былую хватку и влияние, а специалисты его области были необходимы уже не на Земле — в глуши.

Мирра была для Рэя глушью и казалась краем вселенной. Рэй тогда был наивен, еще не посмотрелся на настоящие края вселенной.

В школу его определили только через месяц после прибытия, и весь месяц он сидел дома. Не хотел выходить. В школу — пришлось, и вот тогда впервые прозвучало непривычное для Рэя родительское «не связывайся с хулиганами».

Но больше связываться здесь было не с кем, а хулиганы, по крайней мере соседские, оказались дружелюбными. Только издевательскую кличку «землянин» прицепили. И все не могли отстать от его короткой стрижки.

Тут принято было ходить лохматыми, смотреть исподлобья и быть похожими на пещерных людей.

И чем больше всего ломаешь — тем лучше.

Рэю это совсем не нравилось, он старался держаться подальше от разрушительных действий, потому его всегда оставляли стоять на стреме. А Ивор Дартаг ломал с удовольствием. Генераторы, окна, заборы.

И был при этом человеком широкой души. Очень простым был, свойским, добрым и в чем-то недалеким, но по-сельски хитрым парнем.

Рэю казалось, что ломает он не со зла. Скорее, пытается понять, как что работает.

Проникнуть в суть вещей. В школе же не учится — хоть так проникнуть.

Но то казалось Рэю, а Ив попросту был малолетним вандалом, прогульщиком и курильщиком, прочитавшим за всю свою жизнь от силы пару книг, и то — как-то случайно.

Он не любил читать, зато любил ковыряться в механизмах. И в машинах разбирался. И в школе учиться отказывался, потому что утверждал: ничего нового там ему не расскажут. Летать и стрелять не научат. А именно это — он был твердо уверен — станет главным делом его жизни. Откуда в нем была эта уверенность, Рэй не мог понять. Самого Рэя уже несколько лет швыряло во все стороны, когда он пытался определить собственные планы на будущее, у него не было ни одного четкого варианта, тем более — настолько четкого. Чтоб так уверенно говорить. Чтоб заложено с рождения и выбито в камне: «спасти мир от пришельцев».

Хотя Рэй догадывался: позже, когда Ив вырастет, именно этими своими детскими мечтами он будет прикрываться, если придется разносить черепа взбунтовавшихся сограждан. Ивору понравится: разносить черепа — тоже ведь акт разрушения.

— Нет никаких пришельцев, — пожал плечами Рэй и сплюнул на землю разжеванный кусок горького корня. Рэй не курил одну за другой, как Ивор, — предпочитал травиться местными корнями. Это хотя бы не нарушало баланс замкнутой экосистемы. — Флот работает на Совет. Совет руководит Грядой и устанавливает на планетах свои порядки. Если кому-то эти порядки не нравятся — туда летит Флот. А вдруг на Мирре кому-то что-то не понравится? Кого ты от кого тогда будешь спасать?

Ивор косо глянул на него, снова затянулся и выпустил дым в небо, откинувшись на спину.

— Дурак ты, землянин, — сообщил он задумчиво. — Умный, а дурак. Это твой папка тебе рассказывает? Про Совет, про Гряду? Чё ж он здесь-то, если такой умный, а? Слушай сюда, МакКейн. Гряда растет слишком быстро. Рано или поздно мы столкнемся с кем-нибудь, с кем не поделим планету. И придется делить на месте. Понял?

Рэй задумчиво хмыкнул.

Когда они оставались вдвоем, Ивор начинал строить адекватные предложения. Даже интонации менялись, даже взгляд. И Рэю всё труднее было определить, где Ивор прикидывается, а где — настоящий.

— Так папке и передашь, — добавил он, глубоко затянулся и выпустил в небо с десяток дымовых колец.

У Ивора отца не было. Иногда он злился на то, что у Рэя — был. Утверждал, что потому Рэй не самостоятельный, что Рэй тряпка, и у него нет своего мнения. Возможно, в чем-то Ивор был прав.

— Сам приди и скажи, — пожал плечами Рэй. — Отец удивится. Особенно, учитывая, что он ни о чем таком не говорил.

— И что меня он в дом не приглашал, — напомнил Ивор.

— Ты генератор сломал, — напомнил в ответ Рэй. — Кому захочется тебя приглашать? Чтоб ты еще и дом сломал?

— Нечего в тех развалинах ломать, — равнодушно отметил Ивор. И неожиданно добавил, будто все это время спорил сам с собой, а теперь пришел к твердому, финальному мнению. — Когда-нибудь они прилетят. И тогда я спасу от них мир.

Им тогда было почти по пятнадцать. С тех пор прошло уже больше десяти лет, но тот день Рэй помнил, будто он был вчера. Тот день и ровную струйку серого дыма, что тянулась к синему небу.

Память стиралась задом наперед.

А может, диалог не забывался, потому что постоянно всплывал. Потому что тогда Ивор говорил так же уверенно, как Мист — сейчас. Только Мист говорил не «они прилетят».

Мист говорил: «Они вернутся».

И больше никто не называл их пришельцами. В обиход вошел используемый в пламенных речах навархом Флота Джонсом куда более точный, агрессивный термин — «Чужие».

Рэй вел машину медленно, над самой дорогой, вдоль бесконечных рыжих песков. Дороги здесь были условными, по ним несколько раз в сутки проходила очистительная техника, но их почти сразу же вновь заносило песком. А по обочинам, как у посадочных полос, всегда горели огни. И благодаря им, да еще маякам на Базе и в нескольких ключевых точках в здешних песках можно было ориентироваться.

Рэй тут и с закрытыми глазами ходить мог, но он был одним из немногих, кто продержался на оранжевой планете достаточно долго, чтоб запомнить все повороты, дюны и барханы. Большинство же не могло продержаться и полугода — уровень текучести кадров на Цитрусе зашкаливал.

Цитрус был совершенно непригоден для жизни. Максимум — для существования. Крайняя планета в Гряде, которая и планетой в полном смысле этого слова не была. Обитаемой — так точно.

Здесь обитали только на Базе и на близлежащих территориях — Поселке, обнесенном стеной. Дальше были сплошь рыжие пески, ржавые обломки машин и остатки построек. Вокруг бродили непредсказуемые бури, готовые проглотить тебя, стоит только зазеваться, жилищные условия не выдерживали никакой конкуренции, а главным в этом всем был Мист. Вот это «главным был Мист» — это вообще было самым страшным.

Зак ждал у ворот Поселка. Тот все еще не открыли после ночи — не опустили щиты. И Зака на фоне громады щита, темно-багровой, почти бурой в красных рассветных лучах, было почти не видно — мелкая фигурка на борде. Он поднял борд высоко, почти на высоту ворот, и сидел на нем, как на лавке, беспечно свесив ноги. Рэю поплохело от одной мысли о том, что оттуда, с этой висящей на высоте десятого этажа тоненькой доски, свалиться проще простого. Чихнет чучело — и потеряет равновесие. Или толкнет его внезапный порыв песчаного ветра — а такие тут сплошь и рядом — и всё. Прощай, Зак.

Зак вечно лез повыше. Иногда Рэй думал, что это он так пытается быть дальше от поверхности, от самого Цитруса, от его ветров и бескрайних рыжих песков. Рэй, если честно, и сам был бы не против оказаться подальше.

Но кто его спрашивал?

— А ну-ка, юноша, — сказал Рэй, включив коммуникатор, традиционно прикрепленный на запястье, — спустись с небес на землю.

— Легко! — фыркнул в ответ ком голосом Зака.

Фигурка на борде одним прыжком оказалась на ногах, и борд плавно пошел на снижение широкими дугами, которые Зак закладывал то в одну, то в другую сторону.

Пацан уже хорошо знал свой борд и его возможности. Ему никогда не говорили о том, что так можно опускаться доску. Никто, кажется, до него и не пробовал так делать. Ему вообще ничего не говорили — он изучал варианты сам. Потому не раз был гостем травмпункта, а уж сколько на нем вечных царапин, синяков и ссадин — знал он один.

Рэй плавно повел свою Муху вниз. Остановил в полуметре от поверхности на низких оборотах — Мух укладывали в песок только в крайних случаях, Мухи песок не любили, Мухи любили, чтоб стерильно, а лучше вообще в вакууме.

Зак заложил последнюю волну, затормозил, задирая нос борда так, что на долю секунды тот стал почти вертикально. Вернулся в исходное, пяткой переключил борд в режим сна и перемахнул Мухе на крыло. Он был высоким, по-подростковому нескладным — хотя какой он подросток, вот-вот восемнадцать стукнет — со смешно оттопыренной косичкой, торчащей из черного ежика волос и взлетающей вместе с ним в прыжке. Ввысь он рос быстрее, чем вширь — вытянулся за последние пару лет и выглядел так, будто не знал, что со своими длинными руками-ногами делать. Казалось, если куда прыгнет — упадет, сломает ногу и еще что-нибудь по дороге.

Но это только выглядел. Прыгал Зак так, что любой десантник обзавидуется. И замирал на крыле после прыжка со знанием дела: ждал, пока Муха пустит волну дрожи, калибруясь под новое распределение веса на борту. И только потом усаживался на задницу прямо на крыле. Что было строго запрещено, но что до этого Заку? Который за последние пять минут нарушил технику безопасности уже, как минимум, трижды.

Хорошо, что Мист этого не видел. Сейчас даже Рэя подмывало дать Заку подзатыльник. Ласковый и отеческий — чтоб с крыла не сбросить, но чтоб осознал. А Мист мог и сбросить — чтобы точно осознал.

— Как мой тест? — спросил Зак с надеждой. — Он проверил?

Если б не эта детская надежда в оранжевых глазах, Рэй хоть отругал бы его. И напомнил бы, что надо здороваться со старшими по званию и старшими в целом. Что надо хотя бы учиться здороваться. Если он собирается в Академию Флота, пора начинать понимать принципы субординации.

— Он не сказал, — ответил Рэй. — Ты что прыгаешь, как тушканчик? Хватит прыгать, Зак. Учись ходить. На Рейне не любят слишком прыгучих. И притяжение другое.

— Прости, — виновато улыбнулся Зак, но оранжевые глаза были совсем не виноватыми. Они были раскосыми и хитрыми. — Если ты пришел за результатами следующего, значит, предыдущий он проверил?

Рэй устало вздохнул и протянул ладонь.

Зак поднял запястье и нажал на рычажок в широком браслете-коммуникаторе. Такие девайсы носили только ребята с Базы.

Один Рэй как-то умыкнул, чтобы подарить Заку. А через неделю почуял неладное: вновь Заку было не дозвониться, вновь шумели эфирные помехи, будто песок на зубах скрипел. Пришел на встречу и увидел его со старым, самопальным. Зак виновато признался, что потерял игрушку.

Рэй пошел сдаваться Мисту. Тот выслушал историю и неожиданно расщедрился.

— Дай ему второй. Скажи, что детали оснащены наномаячками, теперь не потеряет.

— А они оснащены? — спросил Рэй, потому что от Миста и такого поворота можно было ожидать.

— Думаешь, у меня нет дел более приоритетных, чем вкручивать маячки в ком? — холодно уточнил Мист.

— Как будто тебя разберешь, что у тебя приоритетное... — пробормотал себе под нос Рэй.

— Ком такой же, — раздраженно прервал его бормотание Мист, — но если сказать, что там маячки, которые он не сможет найти, ребенок побоится раскручивать ком и использовать детали в своих це...

Окончание слова Мист проглотил, отвлекшись на свои записи. Когда разговор ему надоел, он мог так сделать. Прервать на середине не просто фразы — слова.

Рэй молча забрал со стола ком и унес. И сказал Заку, что тот чипирован. И этот, второй ком, и правда до сих пор болтался у Зака на запястье.

Рычажок сработал, пластина двинулась в сторону, механизм выплюнул Заку в руку чип с записью его прохождения очередного Мистовского теста.

— Ты раскрутил предыдущий? — спросил Рэй.

— Что? — удивился Зак.

— Первый ком, — объяснил Рэй, — ты его раскрутил?

— Зачем мне его раскручивать? — еще больше удивился Зак. — Ну, то есть... Зачем мне такие детали? В борд они не пойдут, в комп — тоже. Подъемник, дверной механизм... Что еще? Холодильник еще и воздушный фильтр. Это все, что у меня есть, Рэй. И ни в один из этих механизмов не пойдут такие детали.

— Ага, — понимающе кивнул Рэй, глядя Заку в глаза. Если Зак врал, то врал он прекрасно. Рэй почти верил. Только прямого ответа на вопрос так и не получил. — Ага... Знал я одного товарища, который раскрутил бы не «зачем». Просто так раскрутил бы, интереса ради.

— Нет, — твердо проговорил Зак, глядя Рэю в глаза. — Я не раскручивал ком. Я его потерял.

Голос у него на последнем слове дрогнул, но Рэю показалось, что это от обиды. Зак был хорошим парнем. А чужая паранойя — заразной штукой.

— Понял, — кивнул Рэй. — Потерял так потерял. Прости, должен был уточнить. Не хотелось бы рекомендовать в Академию человека, который может своровать оборудование.

Зак понимающе кивнул. Кажется, не обиделся.

* * *

Фигурка Зака, одинокая черная точка в оранжевой пыли, уже скрылась из виду, но Рэй знал: он все еще стоял на своем борде, вновь поднявшись высоко-высоко над песками — провожал взглядом.

Понемногу расплылись в оранжевой песчаной дымке щиты Поселка. Рыжее светило медленно вываливалось из-за горизонта и тянуло лучи-щупальца. А впереди вырисовывались могучие очертания Базы.

Рэй пошел еще медленнее. Такой штиль на Цитрусе — чтоб ни малейшего дуновения — был чрезвычайно редким явлением, которым обязательно нужно было насладиться. Следующего такого еще год может не быть. Такого, чтоб воздух прозрачный. Чтобы песок не летел в глаза и не мешал дышать. Чтоб не мелькали песчаные миражи где-то на грани видимости, а лучи Медузы — здешней звезды — были желтыми, будто потеряли с рассветом кровавый оттенок, и теперь всё замерло в янтарном безветрии.

Или желтым свет казался на контрасте — после красных отблесков ночи, которые Рэй застал, благодаря все чаще посещающей его бессоннице.

В любом случае момент надо было поймать, и Рэй ловил.

Муха ползла на минимальных, тихо-тихо, и было слышно, как шелестит над дорогой песчаная поземка. И было хорошо и спокойно.

Пока Рэй не увидел Миста.

То есть сначала он увидел поднятый щит Базы — изогнутую пластину, похожую на гигантский металлический лепесток.

И мрачно пробормотал себе под нос:

— Прекрасно.

Настроение стремительно портилось. Когда к Базе шла буря, цветок поднимал лепестки и прикрывал собой все постройки. Но сейчас щит был один, никто не бил тревогу, не было сирен, молчал ком, потому Рэй уже догадывался, что всё, в общем-то, в порядке, просто Мист в очередной раз решил к чему-нибудь придраться.

Заскучал.

— Чего это нас принесло с утра пораньше? — пробормотал Рэй.

А вскоре и самого Миста разглядел — темный силуэт, колеблющийся вдали, искривленный воздушными волнами и песчаным ветром. На самом деле Миста редко выносило за территорию Базы. Мист, как Рапунцель, никогда не покидал своей башни. И даже волосы редко состригал. И не до конца. Волосы у него жили своей жизнью — то агрессивно топорщились во все стороны, то безвольно болтались тонкими безжизненными прядями. Соответствовали, в общем, характеру хозяина.

Рэй повернул Муху и направил ее к Мисту. Подвел, затормозил, крутанув штурвал, и спрыгнул в песок, не дожидаясь, пока Муха завершит разворот. Мист рассматривал стену, и даже громкие чихи тормозящей за спиной Мухи не смогли оторвать его от этого занятия.

— Может, сменить обшивку? — спросил он, не оборачиваясь. — Чтоб не менять всю конструкцию. Прочнее сделать обшивку... Как думаешь, Рэй?

— У тебя вторая пара глаз на затылке? — спросил Рэй, остановившись рядом и с

преувеличенным интересом изучая его голову. — Нано-зеркала заднего вида?

Мист безошибочно определял любого, кто подходил со спины.

И редко отвечал на вопросы, заданные в шутку. И не отвечал на вопросы, на которые не хотел отвечать. Он был главным, мог себе позволить.

— Видишь вмятину? — задумчиво проговорил он. И так же задумчиво, очень медленно, поднес руку к стене и осторожно ткнул ее длинным пальцем, будто ожидал, что от этого тычка стена рухнет.

Вмятина была размером с ноготь на мизинце. Как Мист вообще ее заметил из кабинета наверху своей рапунцелевской башни? Но теперь, когда заметил, он вцепится в нее мертвой хваткой. Он так цеплялся за все, что идет не по плану. Странно даже, что Зак до сих пор жив, с Мистовой-то хваткой и Заковой абсолютной внеплановостью. Заку очень повезло, что Мист его не упразднить решил, а тесты для него составлять.

— Ты пришел посмотреть на обшивку? — уточнил Рэй.

— Пощупать, — отозвался Мист. — Посмотрел я на нее с дрона. Мне не сообщали о вмятине. Почему, дорогой?

Он говорил тихо, невнятно, будто набрал в рот этого чертового песка. Чтоб разобраться, что говорит Мист, к нему нужно было очень внимательно прислушиваться.

— Потому что это не основная проблема, — сообщил Рэй. — Не приоритет. Сюда еще с десяток таких шуток должно прилететь, чтоб это стало проблемой.

Мист медленно развернулся, уставился на Рэя пристальным змеиным взглядом. Включился, зараза. И четко — он умел говорить четко, если хотел, он мямлил и отсутствовал почти всегда, но иногда включался на полную мощность, — спросил:

— Думаешь, стоит подождать, пока это станет проблемой? Пока нам пробьют дыру в щите? Насколько большой должна быть дыра, чтобы привлечь твое драгоценное внимание?

Рэй вздохнул.

— Разберись, — отрезал Мист.

— Принято, — протянул Рэй. Миста не стоило злить дальше. И Рэй, покосившись на ворота, уточнил:

— Тебя подвезти? Если ты закончил ковырять стену, конечно.

— Пройдусь, — отозвался Мист. — Тест у тебя?

Рэй вынул из наручного браслета чип, протянул Мисту.

— Угу, — кивнул Мист, осторожно сжал чип узловатыми пальцами. Пальцы его не всегда слушались. И когда отказывались, Мист действовал нарочито медленно, с поразительными спокойствием. Не с первого — так с десятого раза запихивал мизерную пластину с данными в щель на собственном браслете. Когда пальцы отказывались его слушаться, он повторял попытки совершить действие раз за разом и наблюдал за собственными руками, будто ставил эксперимент. Будто не на свои руки смотрел, а на только что запрограммированного робота. И пытался оценить его действия по десятибалльной шкале.

В какой-то степени оно так и было. Сколько после битвы за Цитрус там, в тех пальцах, осталось от него, в пальцах, в руках, в сухожилиях, костях и суставах, Рэй не знал. Знал только, что мало.

Мист наконец справился с чипом и переключился на очки. И уже бегущей перед глазами строке еще раз сказал:

— Угу...

Отключил очки и, бездумно глядя вдаль, вновь забормотал:

— Помогал? Самородку.

И тут же ответил себе:

— Хотя, да... Ты бы так третью схему не решил.

Рэй возмущенно фыркнул, и Мист, отвлекшийся было на созерцание ржавых песков вдали, поднял на него чистый отсутствующий взгляд.

— Ты мыслишь, как тебя научили, — сообщил он. — Самородок — как умеет.

— И как он ее решил? — спросил Рэй.

— Довольно... амбициозно, — отозвался Мист. — Быстро. Оригинально.

Повторил себе под нос:

— Оригиналь... — проглотил окончание и побрел к воротам, прихрамывая.

— Ким, — позвал Рэй, и Мист замер. Разворачиваться ему было слишком сложно.

— Как ты угадываешь, кто именно к тебе подходит?

— Ситуационно, — ответил Мист. — От обстоятельств. Кто где находится, кто чем занят. Кому от меня что-то может быть нужно. Кто додумается тормозить Муху не по правилам прямо у меня за спиной.

С Мухами нельзя было обращаться небрежно. С любимыми детищами Миста. И хоть машины были послушными, идеальными, точными и тонкими, если Муху заносило на таком торможении, Муха могла, случайно закрутившись в штопоре, уничтожить все сущее в радиусе поражения. Вот как Мист, когда включался, и если его вовремя не отвлечь.

Но Рэй давно привык к Мисту. И давно научился управляться с Мухами. Так что пока он держал ситуацию под контролем, сущему ничто не угрожало. Если, конечно, на Цитрус не вздумают вернуться Чужие.

— Это я тебя ругаю, — отметил Мист.

— Да на здоровье, — разрешил Рэй, прыгнул в Муху и поплыл к Базе. Намеренно прошел рядом с Мистом. Чтоб того обдало волной воздуха и песка. Но чтоб не сшибло. С ним нужно было очень точно рассчитывать: упасть он мог легко, а подняться ему было трудно.

И Рэю надоело постоянно его поднимать.

Глава 2. Свалка

— Можно пролезть на Свалку, — сказал Зак и сплюнул.

Плевать было высоко — с самой вершины смотровой башни. Башню не успели отстроить после очередной бури. Но и разрушенной до основания, как в прошлый раз, она не была. Немного покосило, пару блоков вывалилось.

Подумаешь.

Теперь Мист, вроде как, собирался взяться за башню всерьез, и Зак заявил Гоше со Снежком, что надо срочно на нее залезть, потому что, если Мист за что-то берется всерьез, то непременно теперь разрушит это до основания, а потом отстроит заново по совершенно новым и обязательно секретным чертежам.

И лезть надо сейчас — потом засекретят.

На башне было хорошо: ветрено, но песок не лез в глаза, не скрипел на зубах — песок рыжими облаками носился внизу, далеко под ногами. И даже Снежок стащил с лица Гошин шелковый шарф, которым вечно прикрывался, как маской.

Стоял рядом, вцепившись в остатки перил смотровой площадки, шурился на оранжевый свет и казался очень бледным. То ли так падали лучи Медузы, то ли побелел от страха — высоко все-таки — но стойко молчал.

Короче говоря, ему было некомфортно. Еще некомфортнее, чем обычно. Вытянулся, как струна, даже будто выше стал, почти до Закового плеча доставал белокурой макушкой. И, казалось, перила вот-вот захрустят под его пальцами. Доломает следом за бурей, что осталось.

* * *

Снежку вообще было плохо на Цитрусе. Он постоянно шурился — до сих пор не привык к местному яркому свету, бликующему в бесконечных оранжевых песках. Зак пытался помочь. Как помог ему самому когда-то и продолжал помогать сейчас Рэй МакКейн. Но куда там. Снежка уже плотно взяла под крыло Гоша.

— Учись, — твердил Зак под ее косыми мрачными взглядами. — Учись хорошо. Свалишь отсюда следом за мной.

— Без документов? — тихо спрашивал Снежок. — Кому я нужен?

— Мне нужен, — тут же встревала Гоша, хватаясь за фразу, потому что он ей и правда был нужен. А сама она никуда не сваливала — возраст не тот, чтоб начинать учиться — всего-то на год младше Зака. Ну, и мозги, если честно, совсем не те. Она не была глупой, скорее, наоборот, просто думала всегда не в ту степь. Она уже была мелкой космической пираткой. Достойной преемницей своего отца. До поры до времени — единственной преемницей.

А потом мистер Чернофф притащил это белобрысое чучело. И чучело стало ей братом. Младшим и нежно любимым.

* * *

И сейчас у нежно любимого брата барахлил борд. Новый им никто не выдал бы. Их по идее здесь вообще не было. Гоши со всей их Черноффской братией — так точно, Снежка — тем более. Зак был чисто теоретически. И лишь потому, что Мист негласно ему помогал. Мист не был добрым дядей. Мист был, скорее, злым дядей. Жутковатым мужиком, о котором Зак знал совсем немного, исключительно со слов МакКейна да по местным слухам. Слухи ходили противоречивые, МакКейн отвечал на все вопросы односложно, потому Зак практически ничего не знал.

Шесть лет назад Ким Джонс спас человечество и отхватил себе Цитрус за это. И почему-то сменил имя. Теперь на Цитрусе, крайней планете Гряды, свои порядки, Совет к ним не лезет, потому что боится, хоть и не признается. А Мист заправляет всем. И иногда закрывает глаза на таких, как Гошин папа, к примеру. Если это ему выгодно.

А еще Мист ценит человеческий ресурс. И Зака, с его результатами тестов по общей системе, лично.

Но как бы Мист ни ценил Зака, новый борд или даже плату для борда Зак вряд ли получит. У Миста все под расписку и по отчетам. Особенно — технологии, созданные на базе внеземных. И плевать, что борд — просто парящая над песком доска, которая ничем не угрожает ни Гряде, ни Совету, ни лично Мисту. Нельзя — и все тут.

Но нельзя — это под расписку. А незаметно умыкнуть на Свалке — совсем другое дело.

— Пролезть на Свалку! — презрительно фыркнула Гоша. Она сидела пролетом ниже, на шатком обломке бетонной плиты, и, свесив между торчащими сваями длинные худые ноги, болтала ими. Ноги у Гоши были в синяках, колени — в здоровенных шрамах. Она остервенело грызла ноготь на большом пальце и таранилась вдаль. Глянула, шурясь, на Зака, покачала головой, мол, глупость сморозил. И снова уставилась вперед. Грустила по неисправному борду. Борд еще не отказал окончательно — пока только набок заваливался. Но Снежок уже пару раз с него грохнулся. И Гоша заявила, что надо срочно что-то решать.

— А что не так со Свалкой? — уточнил Зак.

— А то что туда невозможно пролезть, — уверенно отрезала Гоша. — Думаешь, батя не пытался?

— Думаю, не пытался, — ответил Зак. — Потому что если бы пытался, и у него бы все вышло, ты бы знала, как. А не вышло — сидел бы сейчас в карцере и ждал бы транспортировки на Рейну. Или даже на Землю.

Мист ценил ресурсы. Но если ресурсы откровенно нарывались, Мист скручивал их, звал силовиков и старательно делал вид, что не знает, что это за хрен, и откуда появился на его планете. Точнее, скручивал Рэй. Мист, говорят, после того самого героического подвига, уже никого бы не скрутил. А Рэй был большой, сильный и с пулеметом.

И работы у него было невпроворот. Особенно поначалу.

* * *

Когда Цитрус заработал как База, сюда, на мусорную свалку, оставшуюся после драки с Чужими, столько всех поперло. Еще бы! Технологии разбросаны по пескам, охраняет это дело пара сотен желторотиков-новобранцев, только после Рейны. Чего б не полезть?

Они не учли двух вещей. Что во главе свалки стоит Мист, и что добрая половина местного командного состава уже отличилась в битве за Цитрус. Что им пара-тройка

криминальных элементов под носом, когда они Чужих с трех орбит отбросили? Запугали так, что те убрались восвояси и вот уже шестой год даже не пытаются вернуться.

А вот Гошин отец поступил мудро — взял бутылку запрещенного спиртного и двинул напрямик в кабинет к Мисту. За спиртное Мист его отругал, бутылку забрал и спрятал в ящик стола. Но в целом — выслушал. Гошин отец возил это самое спиртное и кофе тем идиотам, которые еще не отказались от подобной дряни, не заменили, как положено, здоровыми энергетиками. Идиоты хотели травиться, мистер Чернофф на этом зарабатывал, и ему была нужна база.

Мист согласился предоставить базу на Цитрусе. И одному богу известно, что попросил взамен. Вряд ли ограничился бутылкой.

Вместе с базой к Гошиному папе прилагалась группа сотрудников, пара десятков кораблей и сама Гоша. А потом они еще Снежка приперли.

Мист сделал вид, что не заметил.

* * *

— Батя все пробил, — объяснила Гоша, — все достал. Схему, планы, время обходов и марку замка на двери. Сказал, безопаснее в Пятую Зону сходить, чем на Свалку. И плюнул.

Гоше отец доверял. Более того — Гошу уважал он сам, уважали его люди, а в отсутствие Черноффа на Цитрусе Гоша уже совершенно спокойно перенимала руководство на себя. Потому о его делах и планах знала абсолютно все.

Раньше Заку казалось, появишься в семье еще ребенок, она, это дикое создание, ребенка лично загрызет — чтобы больше никаких наследников. Своими острыми зубами, которые даже здесь, под оранжевым небом, сверкали белым: генетика, говорила она.

Но появился Снежок, и теперь Гоша была готова грызть за Снежка.

Все бы ей грызть, чучеле зубастой.

Свалка находилась на Базе — огромная территория, куда свозили из изученных Зон найденные ошметки от внеземных машин. Будь то плата, расплавленная часть обшивки или ржавый винтик.

Говорили, Мист лично изучает привезенный хлам и составляет протоколы. Говорили, у него есть секретные чертежи кораблей Чужих.

О нем много чего говорили. И все у него было страшно секретное.

А на деле — пока только доски летающие свинтили. И Мух — мелкие легковушки, на одного-двух человек.

Хотя Зак не раз слышал о тайных ангарах. Мол, настоящая боевая мощь — там. Что было логично — иначе лавочку бы уже прикрыли. Чужие-то знают, где Цитрус. А дойти от Цитруса по чреваточинам до других планет Гряды — вопрос времени. И если нечем от них отбиваться, то нечего и сидеть здесь: вдруг им реванша захочется?

Это ведь в Совете должны понимать? И если Мист упрется, откажется сворачивать работы, Флот прислать. Пойти силовым путем. Почему нет? Не могут же его настолько бояться всем Флотом? Чужих он, предположим, запугал, местных — тоже. Но не Совет же, не Флот, не всю Гряду.

Значит, раз сидит тут спокойно, на этой ржавой планете, то есть у него козырь в рукаве. А так как тяжелая техника в рукав не влезет, то — в секретном ангаре.

Правда, когда Зак осторожно спросил об этом у Рэя, тот только фыркнул в ответ и отшутился, что в секретном ангаре Мист запирает непослушных детей, распускающих глупые слухи. А с Гошей и Снежком Зак об этом даже не говорил. Им не до того. У них борд сломался. А если не борд, то еще что-нибудь. Не умели обращаться с техникой. Даже новехонький ком, который он подарил Гоше — у нее вечно были проблемы со связью, — от силы месяц прожил.

— Нет у твоего бати творческого мышления, — серьезно сообщил Зак.

— А у тебя, значит, есть? — фыркнула Гоша.

— У меня его — завались! — ухмыльнулся Зак. — Мне так по результатам тестов сказали.

— Задолбал со своими тестами, — закатила глаза Гоша. Ей не нравилось слушать о тестах. И о том, какой Зак умный. Перспективный.

— О! — обрадовался Зак. — Вот сейчас! Сейчас на девочку похожа!

* * *

Зак любил шутить над ее короткими волосами, тяжелыми ботинками и умением матерно выразить любую мысль. Называл мужиком. Заку нравилось ее задевать.

Заку нравилась Гоша. Не так, чтоб влюбиться, — как красивый диковинный зверек с острыми белоснежными зубами.

— Приходится быть мужиком, — ухмылялась она ему. — Вокруг сплошные бабы. Снежок по ночам плачет в подушку...

— Эй! — обижался Снежок.

— ...ты вон с косичкой ходишь, — продолжала Гоша.

— Это традиционная прическа шаманов Цитруса! — гордо провозглашал Зак.

Так его стригли с детства. Так его стригла мать, а ей помогали сестры: стригли коротко, но обязательно оставляли сзади по центру прядь — чтоб заплести в косу. И эта стрижка была единственным, что осталось ему в память о них. По крайней мере, так все обстояло, по словам отца. Сам-то Зак ничего этого не помнил, потому что как раз с памятью у него были очень серьезные проблемы.

Но не выкладывать же Гоше такие подробности о прическе. Слишком личное, а она только зубы будет скалить в ответ. К тому же про традиционную прическу он не врал. Когда-то такую же носил его отец. Пока не зарос, старый алкаш.

— Ты не шаман, — фыркала Гоша.

— Еще какой, — возражал Зак. — Шаманство у меня в крови! Вот сейчас тебе платье ка-ак нашаманю! Страшно?

Он хотел бы увидеть Гошу в платье. Но понимал: такое и впрямь можно только нашаманить, только вся эта чушь про шаманов — древние сказки.

А жаль.

* * *

— Твой батя искал подход изнутри, из Базы, — сказал Зак и снова сплюнул. — А надо

— снаружи. Со стороны стены.

— Во-во, там стена, — напомнила Гоша. — И дроны.

— Стена меня не удержит, — Зак запрокинул голову, закрыл глаза и улыбнулся — ветру и солнцу. — А дроны... — глянул вниз на Гошу. — Что мне сделают дроны?

— Откроют огонь на поражение, например, — пожала плечами Гоша. — Мне-то пофиг, пусть тебя там хоть размажут, но Снежок опять плакать будет.

— Эй! — лениво возмутился Снежок. Наверное, ему уже надоели однообразные шутки Гоши. К тому же, насколько знал Зак, он уже давно не плакал.

— Шучу, — бросила она и подняла взгляд на Зака. С хитрой улыбкой кивнула на Снежку и сообщила. — Видишь, он тоже по тебе не будет плакать.

— Надо чтобы Миста не было на месте, — сказал Зак. — Без него стрелять не станут. Не в ребенка.

— Да какой ты ребенок! — смерила его презрительным взглядом Гоша. — Здоровый мужик уже. Сколько тебе? Восемнадцать?

Ха. Было бы ему уже восемнадцать, не было б его на Цитрусе. Почти. Ему почти восемнадцать. Из-за этого проклятого «почти» еще год здесь сидеть.

— Потому нужно, чтоб мой борд узнали, — кивнул Зак.

Гоша пристально уставилась ему в глаза, даже щуриться меньше стала, и после паузы уточнила:

— Ты идиот?

Снежок развернулся наконец к нему и задумчиво уставился, будто пытался определить, идиот или нет. Снежок и впрямь понемногу осваивался.

— Я лица не покажу, — ответил Зак. — Меня узнают по борду, потому сразу стрелять не будут. Придут потом, а я им — извиняйте, дяди, борд сперли еще вчера.

— А то они не поймут, — неуверенно хмыкнула Гоша.

— Поймут, — согласился Зак, — но не докажут.

— Не надо, — попросил Снежок, осознав, что Зак настроен серьезно. И что, судя по всему, таки идиот. — Это просто борд. А ты рискуешь. Если Мист разозлится, если тебя задержат, ты же никуда не попадешь. Не поступишь в Академию. Навсегда тут останешься. Из-за борда.

Гоша презрительно фыркнула, круто развернулась и сиганула вниз. Ухнула в пролет между сваями, приземлилась по-кошачьи на уцелевшую площадку этажом ниже, по-кошачьи же повела плечами и побежала вниз по полуразрушенным ступеням.

— Чего она... — не спросил — сказал Снежок, провожая ее взглядом.

— Переживает, — Зак наклонился, вглядываясь вниз, но Гоши уже не было видно сквозь дыру на полу. Только отдаленно и очень глухо топали далеко внизу тяжелые ботинки. — Гуляет сама по себе...

— Она думает, я хочу, как ты, — сказал Снежок. Он снова смотрел вдаль и щурился на оранжевые блики в воздухе. — Свалить в другое место.

— А ты не хочешь? — уточнил Зак.

Снежок подумал, потом качнул белобрысой головой, неуверенно ответил:

— Н-нет... — а потом твердо. — Нет. Я был в другом месте. Здесь мне лучше.

— Есть еще и третье, и четвертое место, — мягко напомнил Зак. Снежок поднял на него светлые глаза и, щурясь, сказал:

— Но мне нравится здесь.

— Продолжай повторять себе это, парень, — хмыкнул Зак, легонько хлопнул его по плечу и сиганул вниз — следом за Гошей.

Он немного злился. Пацан же сам себя тут закапывает, в ржавых песках, среди ржавых обломков, на свалке, буря его разорви! Ему всего пятнадцать, по крайней мере, он так говорит. А выглядит — и того младше. Если возьмется за ум, все догонит, все выучит. Мист поможет. Мисту свои люди на Рейне нужны. Мисту везде нужны свои люди.

Но когда Снежок поймет, что здесь ловить нечего, когда устанет постоянно шуриться и дышать через Гошин шарф, может быть уже слишком поздно. Заку проще — он прогнал пятилетнюю программу за год. Снежок мягче, слабее, нежнее. Странно вообще, что до сих пор тут не расплавился и не задохнулся. Снежку нужно браться за ум сейчас же.

А он все потекает прихотям Гоши.

Которая тоже по-своему умная, очень по-своему красивая и совсем уж по-своему добрая, но на самом деле — обычная вздорная девка. Собственница. Ей надо, чтобы все были рядом, под боком. Пусть хоть задохнется от норвящего забиться в глотку песка. Пусть сожжет оранжевое солнце. Пусть сдохнут здесь, разгружая контрабандные поставки. Лишь бы под боком.

— Подожди, Зак! — крикнул вслед Снежок. Он еще не научился прыгать — все боялся, сколько ни тверди, что тут гравитация такая, что ничего ему не будет, грохнись он хоть с самой верхушки башни — ну, ушиб будет, ну, вывих, максимум — перелом. Но ничего серьезного. Снежок боялся даже ушибов. Его когда-то напугали так, что он до сих пор не мог перестать бояться. Не только высоты — всего на свете.

Кроме Зака, конечно. И Гоши. Хотя Гошу, может быть, и следовало начинать. Пока не сожрала с потрохами.

* * *

Зак сбежал два пролета — до места, где не было стены.

Крикнул:

— Догоняй!

Стал на край, глубоко вдохнул и, оттолкнувшись ногами, прыгнул. Воздух подхватил его, Зак раскинул руки в стороны — и лишь потом сгруппировался. Глупая идея, но ему казалось, раскинутые в полете руки помогают замедлить падение.

«Ещё с зонтиком прыгни», - злобно бормотала Гоша. Она завидовала — она, как все приезжие, боялась прыгать с таких высот. Не могла довериться притяжению, которое у поверхности-то обычное, а вот выше — совсем другое. Потому и прыгать тут можно по-другому. Гоша прыгала по пролетам. Могла с крыши дома — на гараж. А Зак мог просто с крыши дома. И ничего ему не было.

Приземляясь, он спружинил ногами, дал еще одну точку упора рукой. Медленно поднялся.

Зак не боялся ничего. С ним было иначе, чем со Снежком. Наоборот.

Однажды Зак тоже очень сильно испугался. Только он с тех пор перестал бояться — будто весь запас страха израсходовал за раз. Он почти ничего не помнил о том дне и еще меньше — о днях ему предшествующих. Ему сказали: защитный механизм психики так сработал. Просто отрезал травмирующие воспоминания, а вместе с ними случайно — всё его

детство.

Иногда ему казалось, будто он вот-вот что-то вспомнит. Приходили голоса и смутные запахи. Было, кажется, жарко. Воздух, кажется, пах гарью. И что-то выло вдали, будто какие-то звери, но он-то знал: зверей на Цитрусе никогда не было, это по-звериному выли сирены.

На кораблях-эвакуаторах их включали, чтобы призвать людей пошевеливаться. Чтоб успеть всех спасти.

Отец не раз говорил, что до шаманского селения корабли спасателей не добрались, не успели, но Зак помнил вой сирен. Старик часто врал, и Зак подозревал, что он делал это уже неосознанно: запутался в словах и мыслях, да и вообще давно их все пропил.

Зак помнил вой.

И помнил, что песок был теплым и сыпался сквозь пальцы. И помнил, как поднимается, а отец подхватывает его под руку, и Зак смотрит ему в глаза и не понимает, что за человек его схватил. Не помнит отца. Не помнит ничего. А в голове страшный шум, но больше никто не воет, только что-то кричит отец, тащит его куда-то за собой. И песок — теплый.

Все случилось между этими двумя моментами: между воем и теплым песком.

Шаманы никуда не полетели с планеты, атакованной пришельцами. Шаманы решили по-своему. Просто потому что были упертыми болванами — думал Зак.

Шаманы не любили Флот. Флот, Совет, правительство Цитруса, руководство ближайшего поселка: всех, кто ими командовал. Шаманы всегда были сами по себе. Не принимали ни советов, ни помощи от людей со стороны. Даже если люди со стороны пытались спасти их чертовы жизни. Даже если началось Вторжение.

А ведь все, что нужно было сделать этим мудакам, — открыть ворота поселка. Отправить женщин и детей подальше от бойни. Даже не отправить. Показать, черт побери, спасателям, откуда их забирать. И все! Они могли бы жить.

Его маму, его сестер, всех можно было бы спасти.

Да, взрослые мужчины вышли в поле. Читать заклинания Чужим, петь им песни, осыпать их проклятиями или что они там делали — Зак совершенно не помнил. Но женщин, девочек, малышей — ведь можно было не загонять в бункер. Отправьте со спасателями детей — и занимайтесь на здоровье своим чертовым шаманством.

А их тем временем увезли бы. В бункер бы прилетела та ракета, но их бы там не было. Одно прямое попадание — и все. Никто даже не целился туда. Случайное, буря их разорви, прямое попадание. Эта мысль, как кость в горле, мешала дышать уже не один год. Душила его.

«Их бы увезли».

И душило чувство вины. Потому что Зака по какой-то причине отец ребенком не посчитал и взял с собой. И Зак-то как раз по нелепой случайности выжил. Вместе с кучкой обкуренных травами безумцев.

И хотелось кого-нибудь если не убить, так побить, чтоб до крови. Но побить Зак мог только отца, а тот и без него медленно умирал. Гнил. Оставалось только ненавидеть его тихо, сквозь зубы.

Однажды Зак очень сильно испугался — и с тех пор перестал бояться.

И очень, очень сильно разозлился.

Глава 3. Фактор риска

Что Рэй всегда умел — это бегать. Сейчас он, конечно, подрастерял былую прыть, но утешал себя тем, что попросту утратил обтекаемость формы. Разросся вширь и раздался в плечах после тренировок в Академии.

До Академии он не слишком занимался физподготовкой. Разве что в футбол любил играть. Ну, и нормативы сдавал, как все сдавали. Ивор там заметил этот его скрытый талант — скорость.

— Землянин, — с привычной угрозой в голосе говорил он, — я ж теперь не успокоюсь, пока не придумаю, как тебя использовать в корыстных целях.

— Я ничего воровать не буду, — серьезно предупреждал Рэй, Ивор фыркнул, а в холодных синих глазах с вечным насмешливым прищуром читалось четкое: «С волками жить — по-волчьи выть, землянин».

Им было по пятнадцать, Рэй уже был своим среди местных. Но его все равно продолжали прощупывать на прочность. Будто ждали, что сломается.

Ему было пятнадцать, когда он сломался.

Чем-то насолили их группе — или лучше сказать группировке? — парни из выпускного класса, и Ивор с командой придумали, как сорвать им, собственно, выпускной. Рэй остался на стреме, а те тихонько пробрались в школу через подвал.

Там, говорил Ивор, проще отключить сигнализацию. Но что-то пошло не так, и сигнализация сработала. Тихая гадкая сигнализация, когда никто еще ничего не понял, а у копов уже загорелась лампочка, и копы шуруют к тебе на всех парах.

Рэй стоял в двух шагах от черного входа, когда увидел полицейскую машину. Отскочил за крыльцо, вжался в стену, замер, задержал дыхание. Или просто забыл, как дышать. Копы выскочили, хлопнули дверцами и, перекинувшись парой слов, деловито двинули к двери, заранее потянувшись к оружию. Они шли мимо Рэя ко входу в здание, надвигались твердо и неумолимо, а он не мог пошевелиться, сбросить оцепенение, всё пытался бороться со спасительной мыслью, что это — сон.

Рэй уже слишком привык к тому, что они не попадают. Все привыкли. И тут — копы. Почти в дверях. Уже с оружием в руках. Их двое, а он — один. И стоит дернуться — пальнут. Конечно, у них не огнестрел — парализаторы.

Но лучше уже огнестрел — иначе мама с отцом дома убьют. После того, как его отпустят. Когда его отпустят. И неясно еще, на каких условиях отпустят.

Нет, ну, а чего он хотел?

Связался с бандитами.

Говорила ему мама...

«Соберись! — сказал себе Рэй, обрывая поток сознания. — Не можешь пошевелиться — шевельни хоть пальцем. Начни с пальца».

И впрямь пошевелил рукой, будто разминая ее. Сжал и разжал кулак, прокрутил кисть.

«Вот. Можешь, значит, когда захочешь», - сказал себе.

Копы остановились у двери. Пискнул кодовый замок.

«Теперь — беги!».

Рэй присел, нащупал заточку в голенище ботинка — оружие детям, ясен пень, нельзя было носить. Но с волками ведь жили. И делали, и покупали, и воровали его, и прятали, как

умели.

* * *

— Ногу не порежь, — советовал ему Ивор, потом еще задумчиво хмурился и добавлял. — И вообще — тебе-то это зачем? Одуванчики срезать?

Все ржали, но Рэй привык. Это у них считалось дружеским подкалыванием. Они волчата, и друг друга доставали постоянно. Кого-то на предмет вечной немытости, кого-то из-за родителей, у кого-то никогда не было денег, кому-то просто не везло.

А Рэй отдувался за всех землян, которых здесь не любили.

Рэй потом понял: землян нигде не любили.

Ивор был у них главным — вожаком стаи. Но и он получал. В основном — за Рэя. И еще за папку своего, который поматросил и бросил мамку. А у детей Мирры, как понял Рэй, такое не прощалось.

* * *

Рэй сжал в руке заточку и взял низкий старт. Рванул вперед, добежал до машины, с размаху ткнул переднее колесо, бросился к заднему, проткнул и его. Замер, прислушиваясь. И, неуверенный, что привлек достаточно внимания — тихая гадкая сигнализация! — на всякий случай дал короткий мощный пинок дверце, стараясь ударить плашмя всей подошвой. Чтобы не зашибить случайно ногу — нога ему еще пригодится.

Сработало. Из дверей к машине выскочили оба. Не разделились, не отправили одного проверять школу, а второго ловить нарушителя, побежали вдвоем. Гневно что-то кричали и целились в него.

«А теперь, — подумал Рэй, — попробуйте поймать».

И рванул вперед по дороге.

Логичнее было бы перемахнуть через забор, но забор заставил бы их затормозить, подумать. Разделиться. А Рэю не нужно было, чтоб они делились. Ему нужно было отвести их подальше. Потому он просто мчался по прямой. И потом — безо всяких заборов, через ворота и на пустынные городские улицы.

Иногда озирался через плечо.

И бежал дальше.

Ему попались достойные соперники. Тоже могли бежать быстро и долго. Тоже легко брали невысокие барьеры. И даже пытались стрелять на бегу. Но в итоге все-таки отстали.

Рэй потом до самого утра отсиживался в кустах.

Утром дома получил нагоняй от мамы. И встретил задумчивого папу, который, кажется, слышал новости про полицейское авто у школы, всё сопоставил, но промолчал.

«Ничего не докажете», - упрямо твердил себе Рэй, но на душе было гадко.

По дороге в школу он зашел в подворотню, где его ждал Ивор. Тот, сволочь неблагодарная, встретил холодным взглядом, а стоило Рэю подойти ближе, коротко отвесил тяжелый подзатыльник. И рывкнул совсем по-отечески, будто восполняя пустоту, образованную папиным молчанием:

— Ты чем думал?!

— Не за что, — процедил Рэй и оттолкнул его от себя.

— Машину портить! Копам! — продолжал возмущаться Ив, но уже тише, чтоб не услышали. — Ты стоишь на стреме! Все, что тебе надо было сделать — предупредить! Пропустить их внутрь, чтобы тебя не заметили! Свистнуть! Уходить! Все!

— Так все считают? — холодно спросил Рэй. Он был крайне возмущен, ему было очень обидно, но он старательно сдерживался. Чтобы не впасть в глупую истерику прямо здесь и сейчас.

Чего еще им нужно?!

Они ждали, что он сломается? Пожалуйста, он сломался. И что в ответ? Опять подзатыльники.

— Так я считаю! — снова перешел на повышенный тон Ивор. — Этого мало?!

— Да что не так?! — не выдержал и тоже закричал Рэй. — Что вам вечно не так?! Я сделал именно то, что сделал бы любой из вас!

— Но ты не из нас, — жестко оборвал его Ивор. — Ты — землянин.

— И что? — вскинулся Рэй. — Чем я хуже?

— Тебя раз пнуть — развалишься!

— Но не пнули же! Не догнали!

— Зато теперь ясно, чего ты так быстро бегаешь, — пробормотал Ивор. — Чтоб выжить. Был бы не такой нежный, тебя, глядишь, тоже во Флот взяли бы. Забрасывать в тыл противника. И диверсионные навыки, можно сказать, уже имеются.

Ивор все еще хмурился, но взгляд вернулся в норму: стал хитрым, насмешливым. И говорил он так уверенно, будто уже пару лет там отучился, в той Академии Флота. Будто точно знал, кто им там и зачем нужен.

— Сдался мне твой Флот, — фыркнул Рэй.

— Ну да-а, — протянул Ивор. — Ты ж у нас пацифи-ист.

А Рэй, кажется, только сейчас, вместе с фырком, выдохнул остатки адреналина. И только сейчас начал осознавать ситуацию. И ему опять захотелось проснуться. Всё случилось как-то слишком быстро. Он слишком быстро из самого себя превратился непонятно во что.

Стал еще хуже, чем они, потому что они-то не знали, как быть другими. А он знал.

Да черт, ему местный хулиган мозги вправляет!

А он стоит здесь и фыркает.

А еще — начинает понимать, что, наверное, что-то с ним не так. Что он не хороший человек, каким себя считал. Если так легко переключается на нехорошие действия. Что это даже нездорово — так переключаться. Ивор вон хоть знает, зачем ломает вещи, — ему это нравится. А Рэй не почувствовал, что ему понравилось. Для Рэя ничего не изменилось.

И еще хуже становилось от мысли, что остальные и вовсе встретят его как героя. Ив разумный, каким бы ни прикидывался, он, хоть и смутно, но понимает, что что-то здесь не так. А остальные — на руках носить будут. Тогда Рэй впервые понял еще одну вещь: что быть героем — довольно-таки противно. По крайней мере, если сам-то знаешь, что никакой ты не герой. Когда сам понимаешь, что внутри у тебя пустота.

— Завис? — сочувственно спросил Ивор и сплюнул под ноги. — Ты вообще кем планируешь становиться, а, землянин?

— Хорошим человеком, — честно ответил Рэй.

Не героем. Не пустышкой. Хорошим человеком.

Ивор как-то тоскливо глянул на него и сокрушенно вздохнул. И серьезно попросил:

— Ты только никому так не говори, ладно?

Рэй пожал плечами.

Больше сказать ему было нечего. Он не знал, кем станет, когда вырастет. Учился хорошо — по инерции. И совершенно не представлял, куда ему дальше. Ему не хотелось дальше. Может быть, он даже специально копам колеса проткнул — чтоб его все-таки поймали. Чтоб ему не нужно было никуда дальше.

И самое страшное — он не понимал, отчего это с ним. Что за внутренняя, мать ее, трагедия? Все у него ведь было в порядке. Его не обижали родители. С ним рядом были друзья. Даже здесь, на Мирре. Хоть и странные.

У него было вполне нормальное человеческое детство. Ему просто больше ничего не хотелось.

Может, он и правда был слишком нежным, и переезд сюда сломал его, но как-то тихо, незаметно. А может, он попросту заранее чувствовал, что ничего хорошего дальше не будет. Что будет только хуже, а закончится и вовсе Чужими, Вторжением и Цитрусом с Мистом во главе.

* * *

— Там? — спросил Рэй у Кейры, заворачивая от лифта к площадке перед кабинетом и не сбавляя шаг. Замер лишь у двери в кабинет, обернулся через плечо к ней, ожидая ответа.

Кейра задумалась на мгновение, закусив ручку. Она пользовалась бумажными блокнотами и шариковыми ручками. Это нравилось Рэю. Рэю в ней вообще много чего нравилось. Ленты в волосах, большие карие глаза, длинные разноцветные ногти и десятки безделушек на столе.

— В дверь не выходил, — медленно проговорила она наконец, будто раздумывая, не могли Мист в окно выйти. Или выбраться куда-нибудь по секретным ходам.

Рэй кивнул, шагнул вперед. Створка двери поехала в сторону, он вошел в кабинет.

Там царил привычный хаос. По углам валялись куски железа — новые макеты деталей кораблей. Мист скручивал их у себя, потом относил в лаборатории и цеха, сверял с тем, что получалось там. Нередко выходило так, что у Миста получалось лучше. Нет, он не был умнее тщательно подобранной им же самим для работ на Цитрусе ученой братии. Он просто был маньяком. Упрямым маньяком.

На настенных плавучих мониторах мелькали картинки с дронов, какие-то в хорошем качестве, другие — слабые и с подвисанием, с дронов, что работали далеко.

На огромном столе в хаотичном порядке были разбросаны схемы. Рэй видел их все уже столько раз, что многие, пожалуй, смог бы воссоздать по памяти. Правда, попытайся он что-нибудь соорудить по этим схемам, нихрена бы не соорудил. У Миста пока тоже не слишком получалось, судя по хаосу вокруг и отсутствию новых макетов, но Мист же был упрямым маньяком.

В зазорах между схемами, на встроенном в стол мониторе, можно было распознать бегущую строку метеорологических показателей. Теперь Мист еще и бури решил предсказывать. Рэй уже сбился со счета уволенных метео-команд, а с бурями становилось

все хуже. И бури доигрались — за них взялся самолично великий и ужасный.

Великий и ужасный сидел за столом, перебрасывая рассредоточенный взгляд с одного монитора на другой. На появление Рэя демонстративно не обратил внимания. А может, правда не заметил. Он мог сидеть в таком состоянии часами. Такая у него была форма медитации.

— Делегирование полномочий, — напомнил Рэй с порога. — Слышал о таком?

Дверь за спиной бесшумно закрылась, Рэй прошагал к столу, пнул по дороге пару железяк, попавшихся под ноги, уселся на крутящийся стул. Покрутился.

Мист перевел на него все тот же мутный взгляд, скользнул им по схеме на столе, остановился на собственных пальцах. Надолго. Подвисал Мист иногда — не хуже картинки с дальних дронов.

— Маникюр забыл сделать? — участливо спросил Рэй и даже вытянул шею, чтобы тоже посмотреть, чего там у него с ногтями.

Мист мог забыть. Мист и поесть забывал, что уж говорить о ногтях. Скорее всего, он никогда и не стриг ногти. Но ногти были ровными, гладкими и чистыми. Боялись хозяина и стриглись сами. Иначе этот феномен Рэй объяснить не мог.

Зато флотская униформа не боялась. Темно-зеленый комбинезон, который в принципе не мнется, ткань такая, висел на Мисте бесформенным мятым мешком и топорщился на остром плече — том, что всегда было выше. И сам Мист сейчас был особенно помятым — под стать форме, а из-за мешков под глазами казался старше — накинул пяток лет за ночь.

От Кима, которого Рэй знал до Вторжения, не осталось ничего. Перед ним сидел очень уставший, иссушенный, едва живой человек с сухим мертвым взглядом.

— Нашел данные по новому ребенку? — спросил он наконец.

— Ищу. Трудно определить, откуда взялся ребенок, у которого нет ни имени, ни фамилии, а есть приблизительный возраст. И кличка собачья. А Чернофф ничего не говорит.

— Беседу вел в дружеском тоне?

— Предлагаешь надавить? — уточнил Рэй.

Мист задумался, качнул головой.

— Нет, не предлагаю. Давай своими силами. Этого ребенка кто-то ищет. Найди, кто. Проследи по своим каналам маршруты кораблей контрабандистов. Проверь все остановки, где его могли подобрать. Мальчик назвал имя, не свое, как мы понимаем, но имя. Мэй. Это слово что-то значит для него. Может, месяц... Май, а? С него можно начать. Ты ведь даже не начинал, верно? Даже не пытался искать?

Да, Рэй не начинал искать, потому что Мист, узнав о Мэе, бросил задумчиво: «узнай, откуда» и переключился на другую задачу. Но он-то был многозадачным, а Рэй-то — нет. Рэй расставлял приоритеты, у Миста приоритетом было всё, о чем он говорит.

— Чего ты привязался к нему, Ким? — спросил Рэй. — Ребенок сбежал откуда-то, спрятавшись на корабле контрабандистов. Думаешь, от сладкой жизни?

— Не понимаю, почему я должен об этом думать, — холодно сообщил Мист. — Мне есть, о чем думать. Много о чем есть думать. Ребенок — не моя проблема. И я не хочу, чтобы он становился моей проблемой. Потому еще раз, дорогой, очень прошу тебя: выясни, чья она.

— Да кому он здесь мешает?

— Мне, — ответил Мист и уставился в глаза, включаясь. — Нам. Вместо того, чтоб сосредоточиться на работе, мы отвлекаемся на группу детей, которые взрывоопасны во всех смыслах этого слова. Я пытаюсь избавиться от них, но не успеваю. Как тараканы, честное

слово...

Он откинулся на спинку стула и яростно потер переносицу. Он всегда так делал, когда нервничал. Нервничал он часто, потому глаза у него были красными постоянно.

— Это ты так мозг массируешь? — предположил Рэй. Мист оторвал руку от лица, уставился на Рэя убийственным взглядом и душераздирающе вздохнул.

— Найди информацию, — сказал он. — Ты ведь не знаешь, не сходит ли где-то с ума убитая горем мать. Не плачут ли по нему братья-сестры. А может, щеночек где-то без него помирает, а? Помоги щеночку, Рэй.

Мист смотрел пристально, холодно и равнодушно. Он даже когда шутил, не менял ни взгляда, ни интонации.

Рэй тоскливо уставился перед собой, уперся взглядом в стену. В единственную, на которой экран был не включен. Мист покосился на него и сказал:

— Да. Сейчас и кино покажу.

Щелкнул пальцами, включая. Взмахнул в воздухе расслабленной кистью — вызвал картинку. Ткнул указательным пальцем в сторону экрана — и тот считал сигнал. Картинка ожила.

Три придурка на бордах неслись над бесконечными ржавыми барханами. Кое-где из песков торчали обломки стен, сваи, полуразрушенные строительные блоки, темные обугленные остатки человеческих сооружений, по которым уже невозможно было определить, чем они были раньше.

— Первая Зона, — сообщил Мист. Он смотрел не на экран — на Рэя. — Зоны — места работ. Засекречены и закрыты. Почему дети там летают?

— Ким, — примирительно заговорил Рэй, разворачиваясь к нему, — это же Первая. Там давно все изучено, просканировано на метры под землей, там безопасно.

Мист, не глядя на монитор, сжал руку в кулак — картинка замерла.

— Как и со щитом, ты не видишь ситуацию в перспективе. В перспективе щит разобьется. А им станет мало. Они ползут во Вторую, в Третью. В Пятую... У меня слишком много дел, чтоб еще и их контролировать.

— Делегирование, — вставил Рэй.

— У всех здесь есть работа, — продолжил Мист, — которая гораздо важнее слежки за мелкими уродцами, чтоб их не разнесло каким-нибудь взрывом, чтоб не напоролись на сваю, чтоб на них ничего не свалилось... Мне продолжать? Гибель ребенка на Цитрусе вынудит нас закрыть проект. Тогда и сам наварх не сможет удержать его.

Мист никогда не называл наварха Джонса, главнокомандующего Флотом и собственного родителя, отцом. Всегда только по званию.

И естественно, Мист совершенно не переживал за детей, как на какой-то момент показалось Рэю.

А вот за любимый Цитрус — это да. За любимый Цитрус Мист сам кого хочешь был готов разнести и на сваю насадить.

— С ними Зак, — напомнил Рэй. — Он умный парень.

— Потому он с ними ненадолго, — напомнил Мист в ответ. — И когда его не будет рядом, кто присмотрит за оставшимися двумя?

— Я могу взять под контроль, — предложил Рэй.

— У тебя другой работы нет, дорогой? — удивился Мист. — Так я найду тебе работу!

И почему-то надолго уставился в одну из схем на столе. Помолчал, глядя в нее, но

насовсем в себя не ушел. Вскинулся, будто, изучив схему, в чем-то уверился окончательно, уставился Рэю в глаза и сообщил:

— Проблема не в черноффском подкидыше. Не в нем одном. Не в одном Заке. Не в одной девочке. С одним ребенком проблемы бы не было. Однако детей несколько. И когда Зак улетит, их останется двое. А потом еще кто-нибудь сердобольный третьего привезет.

— Няньку бы им нанять... — вздохнул Рэй.

— Такую здоровую, — поддакнул Мист, — с пулеметом... Но, повторюсь, у тебя уже есть работа. И скоро будет еще больше. Как готовность к вылазке во Вторую?

Вторая Зона, второй условный периметр вокруг базы, был почти изучен. Остался последний сегмент, и потом уже — Третья.

Третья ждала. Дроны просканировали, убрали лишнее, подготовили почву, насколько было возможно. Но из-за бурь они сильно увязли во Второй. И добывать нужно было срочно. А то Мист скоро метеорологом станет, если ему новых винтиков не притащить. Или в детей вцепится, которые гоняют себе на бордах над песками и никого не трогают.

Пацан давным давно тут опшивается, а Миста заклинило сейчас. Срочно винтиков ему.

— А если Мэй хочет остаться? — спросил Рэй.

Мист уперся в него холодным недобрим взглядом:

— Я просил у тебя узнать его мнение? Насколько я помню, я не просил.

— Черт тебя дери, Ким, — Рэй вздохнул. — Ну, чего ты к ним прицепился? Ты знаешь, что тебя клинит иногда? Вот сейчас — тебя клинит. Посмотри на это со стороны. Они здесь живут, и Цитрус — не твоя частная собственность, чтоб ты решал, кому отсюда улетать.

— Не моя? — переспросил Мист. Что конечно же означало «еще как моя».

- «Государство — это я», - пробормотал Рэй.

— Людовик, — тут же отозвался Мист, который любую цитату воспринимал как очередной тест. Любого человека, любую ситуацию, даже сам Цитрус — как тест. — Не помню только, который. Ты не помнишь?

— Ты же любишь Цитрус? — спросил Рэй. — Ты помнишь, как рвался сюда? Как смотрел фотографии, изучал данные, с планировщиками вместе стены Базы чертил? Как требовал не в эпицентре, а на краю, чтобы все обломки — по одну сторону? И рисовал им, где край, потому что они вообще ничего не понимали. Помнишь, как пытался прилететь сюда, когда еще даже строительство не началось? Так почему бы не попытаться понять, что кто-то еще его любит, вашу драгоценную свалку! Мне здесь ничерта не нравится, но даже я понимаю этих детей!

Рэй выдохнул, а Мист смотрел в глаза внимательно, долго. Потом отметил:

— Интересная точка зрения, — и уставился в свои схемы. Задумчиво повторил себе под нос. — Я люблю Цитрус.

Повторил с очень, очень глубоко скрытой издевкой.

— Что ты попросил первым делом, как в себя пришел? — спросил Рэй. — Карандаш и бумагу! И меня на телефон посадил! А я тебя просто проведать зашел! Допроведывался, чтоб тебя! До сих пор проведываю!

— Только я запомнил детали, — спокойно напомнил Мист. — Что ты запомнил об их кораблях? Ничего. И что думал делать дальше? Ты не думал, правда? Я готовил план по Цитрису в то время, пока остальные занимались своими личными трагедиями. Я вернулся с того света, пришел в себя, составил план, а вы все еще размазывали сопли.

— Ты мои личные трагедии не трогай, — тихо попросил Рэй.

— Не буду, — не стал спорить Мист, — ни трагедии, ни сопли. Если это поможет тебе прекратить бесполезный спор и заняться делом. Детей надо отсюда убрать, Рэй. Поскорее. Конец беседы.

Рэй открыл было рот, чтоб возразить, но наткнулся на предупреждающий взгляд Миста и его поднятую ладонь. Потом взгляд вновь соскользнул на ногти, и Мист задумчиво спросил:

— Ты нашел психолога, дорогой? Я давно просил тебя найти себе психолога.

Рэй поднялся.

— Потому что мне надоели эти задушевные беседы, — добавил Мист.

— Я тебе его найду, — угрожающе пообещал Рэй. Соврал — не найдет и даже искать не будет. Жалко психолога: Мист же его сломает.

— И разберись со щитом, — донеслось ему в спину, когда он уже выходил. И так получилось, что Кейра услышала, как он, шагая за порог, не сдержался — выругался сквозь зубы.

— Ну, как? — доверительно спросила она, когда дверь закрылась. Она у всех выходящих спрашивала. Очень сочувственно.

— Он приходил сегодня? — спросил Рэй. Глаза у Кейры стали очень большими от удивления. У нее были красивые глаза — глубокие, большие и немного коровьи. И волосы — мягкие длинные локоны. Ее волосы напоминали о Земле. Рэй уже совсем плохо помнил Землю, но такое от них было ощущение — ощущение Земли. Волосы, ленты и браслеты на запястье, звенящие каждый раз когда она шевелила рукой.

Кейра казалась куском совершенно иной, нормальной жизни. Она была ходячим напоминанием того, что где-то существует нормальная жизнь.

Мист знал, кого сажать за стол в приемной. И даже ее безделушки на столе терпел.

— Он приходил сегодня утром или с вечера тут сидит? — объяснил вопрос Рэй.

— Не знаю, — растерянно ответила Кейра и надолго задумалась.

— Забудь, — махнул рукой Рэй. — Проследи, пожалуйста, чтоб он что-нибудь съел. Он может забыть поесть.

Кейра вынырнула из размышлений, глянула на Рэя очень внимательно и серьезно спросила:

— Ты знаешь, что ты очень добрый?

— Да я вообще сокровище, — не стал спорить Рэй, подмигнул ей и направился прочь.

Нужно было готовиться к вылазке.

О детях и щитах — позже.

Глава 4. Свечение

Зак мягко перекатывал вес с носков на пятки, и борд послушно кренился то в одну, то в другую сторону. К вечеру ветер усилился, и теперь его можно было поймать. Заметить по поземке, волнам-змеям, увидеть, куда Цитрус швыряет песчаные ленты, догнать одну из них и пролететь немного вместе.

И перескочить на другую. Уже красноватую: Медуза ползла к горизонту, окрашивая воздух, и песок, и сам ветер в багряные оттенки ночи.

Зак выбросил в сторону руку, чтоб удержаться на вираже. Второй рукой натянул маску. Вовремя: неожиданно ветер швырнул в лицо горсть песка, будто хотел сбросить с борда и забрать игрушку себе.

Зак не сопротивлялся — поддался удару, откинулся назад и с силой толкнул пятками борд, выводя на кувырок. Борд сделал оборот, Зак сделал сальто — и вернулся в исходное положение.

Он знал: с ветром не стоит спорить. Да любой дурак, проживший на Цитрусе хоть немного, знал это. Песчаные ветра, бури, ураганы здесь всегда. Это часть мира. Данность. Условия, в которых ты живешь.

Так кто додумался создавать этот шаманский культ? Кто выдумал сказки, что людям под силу колдовать погоду и останавливать бури?

Зак щелкнул пяткой переключатель скоростей — и рванул вперед. Ветер стал жестче, песок покраснел.

До дома нужно было добраться до того, как Медуза окрасит всё вокруг кровью. Иначе отец будет нервничать. Отец, конечно, нервничал всегда, но Зак уже четко определил те границы, до которых его доводить нельзя. За которыми ему станет хуже.

Потом он увидел остатки стены старого шаманского селения. Она была гораздо ниже, чем в нынешнем — единственном — Поселке. Почти утонула в песке, как рано или поздно здесь тонет все. Если остановиться, замереть, дать песку немного времени — он проглотит, утащит в небытие, вглубь. Цитрус пожирает все вокруг. И радостно переваривает, ворочая рыжим набитым брюхом.

Он и в старом селении давно все сожрал — даже крыш не видно.

Правда, от домов здесь и так после Вторжения немного осталось. Какие, к черту, дома, если даже бункер разворотило. Так что фактически дом здесь был один: тот, который отстроил отец. Да и не дом это был — отец превратил остатки их бывшего дома в еще один бункер. Над землей виднелась лишь будка подъемника и твердая площадка вокруг нее, которую Зак каждое утро расчищал от песка, а под вечер ее вновь заносило.

Оставалась только будка. И безумный старик в инвалидном кресле, который всегда там сидел. Щурясь, всматривался в пески. Ждал Зака. Он со своим креслом дальше порога годами не выбирался. Не мог, утонул бы в песках. И поделом, конечно.

Шаман, буря его разорви...

Зак остановил борд, спрыгнул. Ноги по щиколотку ушли в песок.

«Меня так просто не сожрешь», - подумал он и с отвращением выдернул ногу. Ею же пнул борд и подхватил, когда тот взлетел от пинка. Сделал шаг, еще, пошел быстрее, побежал — увидел языки пламени в метре от отца. Сначала ему показалось, что под ногами у того что-то вроде разбитого зеркала, и так в нем играют кровавые отблески заката.

Но нет.

Старый хрен зачем-то развел костер. Зачем-то и непонятно каким образом — Зак уже давно и привычно прятал от него все колющее, режущее и воспламеняющееся. Нашаманил, гад, не иначе.

Зак затормозил в нескольких шагах от огня. Костер был уже хорошо виден — догорающий в неглубокой яме у ног гада. И все в нем было красно-черным: алели раскаленные угли, тлели черные полосы ткани.

Он, сволочь, еще и ткань аккуратно разрезал, прежде чем жечь.

— Мой костюм? — процедил сквозь зубы Зак.

Хотелось плакать от обиды. Чистой детской обиды. И смеяться — потому что это же бред. И голову оторвать грязному старику.

Но Зак только повторил:

— Костюм? Серьезно, пап? Окончательно двинулся?

— Ты никуда не полетишь, — отчеканил отец и поднял на него темный пронзительно-безумный взгляд. Иногда у отца случались обострения. Судя по взгляду и дрожащему на грани срыва голосу, очередное было на подходе. Зак тяжело вздохнул. Разгреб носком ботинка угли. Эмблема Флота — металлическая пластинка — почернела, но все еще была видна среди кусков тлеющей ткани. Наполовину сгорел один сапог. И одиноко, безжизненно лежал у самых колес кресла обгоревший кусок шнура, вывалившийся из кострища в песок.

— Да я хоть в пижаме полечу, — ответил Зак и сам услышал: его голос дрожит ничуть не хуже папиного.

— И костюм — не твой, — продолжил отец, не обратив на него внимания.

— Мне его Рэй подарил! — неожиданно сорвался на крик Зак. Лучше уж в крик, чем рыдать над кострищем. — Зачем?!

— Будешь знать, как принимать от НИХ подарки, — отец поднял на него помутневший взгляд и воздел к небу кривой палец. Обострение обошло стороной. Вполне возможно, через несколько секунд он спросит, что за костер тут Зак разводил. И отругает его за несоблюдение техники пожарной безопасности.

«А кто мне вернет костюм? — устало подумал Зак. — Кто мне вернет хоть что-нибудь?!».

И так же устало ответил отцу:

— Мы живем за ИХ счет, папа. Не они начали войну с Чужими. Не они убили тут всех пап. Они защищали нас. И сейчас защищают!

— Делая оружие?

— А чем еще защищаться?! — Зак закричал было снова, но вовремя себя оборвал. Смысл спорить с больным человеком? К тому же — по сотому, тысячному разу. Всегда — об одном и том же.

Отец не любил военных. Отец нелюбил всех, но Флот — с какой-то особенной яростью. Может, потому Зак так усердно рвался туда. В самое сердце Флота — в Академию, на Рейну.

— Цитрус не просто так насылает на них бури, — многозначительно сообщил отец. — Выгоняет их. Ему не нужно здесь оружие. Ему не нужны здесь они.

— Тут всегда были бури, — устало напомнил Зак. Присел у кострища и осторожно подобрал обрывок шнура. Сжал в кулаке. Протянул руку к эмблеме, но отдернул — обжегся. — Еще когда первые колонизаторы прилетели. И наши предки прилетели с ними. Ты забыл уже? Мы не жили тут всегда. Мы все — все! — прибыли сюда на тех машинах,

которые ты так ненавидишь.

— И откуда тебе знать, что Цитрус не поднял первую бурю, когда сюда навезли железок? — спросил отец.

Зак поддел эмблему носком ботинка, та по высокой дуге перелетела на песок. Зак выхватил ее, остудил, перебрасывая с ладони на ладонь, пока песчаная поземка не проглотила. Не-ет, этого рыжебрюхому монстру не сожрать.

Сунул в карман — вместе со шнурком.

— Спроси у Цитруса, — говорил отец. — И послушай, что он скажет. Его надо слушать, а не топтать. Цитрус — наш дом.

Отец пил давно и плотно. Он и до того, как запил, был не в себе. Зак смутно подозревал, что еще до Вторжения он был не в себе. Что все шаманы были не в себе. Но сейчас в голове отца и вовсе все окончательно перепуталось, и теперь безумная развалюха в кресле была лишь отдаленно похожей на того человека, которого раньше знал Зак. Помнила какие-то фразы, обрывки, совершала действия, но внутреннюю логику этих действий не всегда было возможно понять. Он просто окончательно сошел с ума.

И вроде как, это было логично и естественно, но Зак сходил с ума от безысходности рядом с ним. Больше у Зака никого не было.

Пока на него случайно не наткнулся Мист.

Сейчас Мист был Заку куда больше отцом, чем это, отвратительное, в кресле. Рэй был куда больше отцом. Черт, да Заку сейчас подпорка под крышей Базы была больше отцом.

Хренов Цитрус с его песками и бурями был больше отцом, чем это.

«Ничтожество», — процедил про себя Зак. Но заговорил мягко, как с ребенком:

— Если на то пошло, наш дом — Земля, пап. Мы прилетели с Земли. Что теперь? Собираем вещи и летим слушать Землю?

— Земля уже давно мертва, — ответил отец, вглядываясь в тонкие струйки дыма, пытающиеся пробиться сквозь пелену песка, что уже стелилась на кострище. Медуза огромным красным диском висела над самым горизонтом, отражалась в лунах — дисках поменьше, что уже выглядывали из-за песчаных барханов по другую сторону горизонта. И красные лучи отражались в глазах отца, делая его взгляд еще более безумным.

— Такие вот, как они, — кивнул он в сторону Базы, — как ты... убили ее. Цитрус жив. Мы прилетели сюда много столетий назад. И слышали его. А он слышал нас. Нигде больше не было шаманов, ни на одной другой планете, все планеты мертвы. Но не Цитрус.

«Ага, — мрачно подумал Зак, — прямо-таки самое живое место в Гряде».

* * *

Черт его знает, что творилось в голове у старого безумца. Для Зака Цитрус был не просто мертв. Он был самой смертью. Занесенной кровавыми песками смертью, сожравшей уже даже обломки кораблей, даже развалины домов, дожевывающей стены, которые раньше казались несокрушимыми.

Люди пытались жить здесь, люди везде пытаются. Но только здесь, как только они построили свои дома и стены, как только песок не смог с ними управиться, только здесь смерть свалилась и с неба.

Зак не раз пытался воссоздать картину по неровным, отрывочным рассказам отца.

Небо почернело, грохотало и взрывалось. Шамны вышли с барабанами, и на грохот с неба отвечали барабанным боем. И призванные бури были в унисон их камланию — так говорил отец, а Заку припоминалось, что вой и впрямь менялся. Что вой сирены был лишь поначалу, а потом стало еще громче, еще страшнее, будто выл сам Цитрус, потому что его небо разорвали на части, и небо теперь валилось на головы.

Падающее небо Зак то ли вспомнил в конце концов, то ли слишком четко представил, нарисовав ложное воспоминание. Но оно стояло перед глазами, если их закрыть и вызвать образ.

Черное падающее небо.

Конечно, не само небо падало. Черным кусками обрушивались вниз обломки кораблей. И что-то горело, он точно помнил, что что-то горело, хотя там, посреди песчаной бури, попросту нечему было гореть.

Может, он придумал себе и это — отчетливый запах гари.

Отец говорил, что они подняли бури, и бури метались вокруг, пытаясь достать до кораблей, а они стояли в эпицентре. И там, как внутри торнадо, был полный штиль. И время шло иначе. И все стихло. Но это — Зак был почти уверен — это отец выкурил слишком много трав. Это для него все стихло.

Зак помнил оглушительный грохот. Далекий, будто из другого мира, будто из-за стены. И такие же далекие шаманские завывания. Идиоты очень старались докричаться до Чужих. Вероятно, чтобы запеть их до смерти.

А потом был мягкий песок под рукой.

И отец рывком поднимает за запястье, и тащит прочь очень быстро. А Зак просто молча и послушно идет следом.

Зак потом долго не говорил после случившегося. Замолчал. Немножко умер под расколотым небом, среди бурь и душных песков, под песни идиотов и бой барабанов.

А идиотам естественно ничего не прилетело на головы. Прилетело в селение. Разворотило бункер. Убило всех, кто остался там.

Он так и не спросил отца, почему его не оставили в бункере. И со временем оставил вопросы позади. Некого было спрашивать.

Вот же глупо получилось. Пока была возможность спросить остальных, Зак не говорил. Отец его и из дому не выпускал. Отпаивал всякой дрянью, пока Зак лежал на твердой кровати и молча смотрел в потолок.

Отпоил.

А остальные к тому времени все-таки поумнели — свалили подальше с Цитруса. Кого не успели увезти во время Вторжения, эвакуировали постфактум.

И только этот старый пень отказался. Уперся. Построил новый бункер. И Заку некуда было из этого бункера бежать.

— Здесь все не так, — сказал отец. — Здесь человек меняется. Притяжение здесь другое? Да как же! Не-ет, мальчик, это Цитрус дает нам силы парить над песком. Но! — поднял снова свой кривой палец. — Но только тебе. И мне. Только тем, кто слышит его, кто его чувствует. Оранжевый свет — это душа. В твоих книгах написано, почему здесь все оранжевое? А я скажу — не написано. Микрочастицы в атмосфере... Пф! Это свечение! Цитрус — живой. Цитрус помог людям справиться с нападением иных форм...

— С нападением иных форм справился один человек! — Зак уже не кричал — цедил сквозь зубы. — Человек на корабле и с оружием, которое ты так ненавидишь! И в чертовой форме! Ким Джонс! Слышал о таком?!

— И что именно с ним случилось, знаешь? — прищурился отец. — А я знаю. Его корабль взорвался и упал. Почему он выжил, мальчик? Цитрус спас его! В благодарность за то, что он спас Цитрус.

— Потому что спасательные капсулы давно изобрели! — застонал Зак. — И потому что притяжение! И спасатели с медицинской помощью! И химкоктейлями, которые ты не признаешь, и потому уже третий год не можешь оторвать свою задницу от кресла! И я не могу больше этого терпеть! Твои травы, твои медитации... Тут все пахнет гнилью! Ты гниешь! Почему твой Цитрус не поднимет тебя?! Почему не вернет маму?! Как мне здесь теперь жить?! В этом! Доме!

— Это — твой дом, мальчик, — ровно ответил отец, и Заку уже не впервые показалось, что тот доволен собой — доволен, что смог вывести сына из себя. Опять. Это у старого пня игра такая. «Достань Зака».

— Это твой дом, — повторил пень. — И я сделаю все, чтобы ты здесь остался.

— В таком случае я рад, что Цитрус не может поднять тебя с кресла! — прошипел Зак. Снова сплюнул под ноги, решительно двинулся к отцу и оттолкнул кресло от подъемника.

Он хотел домой, а кресло загораживало путь.

Постоял, глядя перед собой. Устало вздохнул, развернулся к откатившемуся отцу и вернулся за ним. Не оставлять же его посреди песков. Первый закон Цитруса: никого не оставлять среди песков.

Потатил кресло за собой. Решительно сказал:

— Я иду домой. Ты тоже. Хватит с тебя свежего воздуха. Тебя еще мыть и укладывать.

— Ты хороший мальчик, — устало, но неожиданно мягко резюмировал отец.

— Даже слишком, — пробормотал себе под нос Зак.

— Но ты еще не готов, — наставительно добавил отец.

— Мыть тебя я никогда не готов, — признался Зак, — но больше это делать некому.

— Я не об этом, сын, — отозвался тот. Он редко называл Зака сыном, чаще — мальчиком. И почти никогда — по имени.

Зак знал, о чем он. Отец постоянно ему говорил, что он не готов. Что он — тоже шаман, что у него оранжевое свечение в крови, не зря же глаза такого же цвета, как песок. Волосы у Зака были черными, кожа — смуглой, и по всем законам природы глаза должны были быть карими. Зак втайне надеялся, что вдали от Цитруса они приобретут нормальный оттенок.

Что вдали от Цитруса все может стать нормальным.

Что вдали от Цитруса даже он сам может стать нормальным.

— Ха! — выдохнула Гоша и обошла Снежка справа, толкнув его борд так, что тот закрутился. Снежок чуть не рухнул, с трудом выровнялся, прокричал ей в спину:

— Нечестно! — и погнал следом.

Если бы борд не заваливался, его бы так не закрутило. Гоша всегда играла нечестно. Во все игры. Победа любой ценой — именно это было бы ее девизом, если б ей был нужен девиз. Но он был не нужен. Гоша безо всяких девизов могла уделать кого угодно в чем угодно. Кроме, разве что, Зака.

Снежок подозревал, что именно поэтому Зак ей нравился не всегда.

У дома Гоша почти дала себя догнать — так играть было интересней — но потом увидела отцовскую Муху. Та, тихо бурча, висела у ворот, в метре над песком. И Гоша вновь рванула вперед, легко перемахнув через забор.

Поместье Чернофф было огорожено отдельным забором и представляло из себя мини-поселок в Поселке.

* * *

— Матрешка! — радостно провозгласил как-то раз в связи с этим Чернофф. Иногда он выдавал странные слова с таким видом, будто все вокруг должны знать их значение. Снежок тогда вопросительно покосился на Гошу, а та шепотом объяснила:

— Кукла в кукле.

Снежок нахмурился, раздумывая, зачем и, главное, как засовывать одну куклу в другую. Аналогию он в принципе понял, но очень серьезно и тоже шепотом сообщил Гоше:

— Вы странные.

— Мы знаем, — гордо ответила она.

* * *

Снежок развернул борд и повел его обратно. Взмыть над стеной, взлетев почти вертикально, как это только что сделала Гоша, он не мог — сейчас его борд был непредсказуем и на вираже вполне мог влипнуть в стену. Или просто перевернуться — и тогда Снежок грохнется с него головой в песок. А песка у него в волосах и так предостаточно.

Ему был нужен разгон и плавная дуга. И пока он отходил для разгона, ему уже открыли ворота. И со снисходительным сочувствием кивнули.

Здесь все понимали, что такое Гоша. И как нелегко бывает провести рядом с ней целый день. Сочувствовали Снежку искренне и даже сладости с кухни втихаря передавали.

Похоже, здесь один только Снежок не понимал, как тяжело ему с Гошей. Гоша ему нравилась. Да, иногда она раздражала, иногда злила, изредка даже пугала, но совсем чуточку. Ровно настолько, насколько положено любимой сестре. Снежок, конечно, был в этом не эксперт, у него раньше сестер не было, да и не любил он никого, и его никто не любил, но так ему казалось. Так он чувствовал.

Гоша стояла на борде в метре от входа в особняк. Обернулась через плечо и хитро улыбалась, дожидаясь, пока Снежок выведет борд над дорогой — выйдет на финишную

прямую.

Он осторожно выровнял борд. Очень мягко, пяткой, включил максималку. Выдохнул и рванул вперед на ускорении. Гоша тут же понеслась к двери — у нее не было времени включать ускорение.

А у Снежка — выключать.

Потому и в захлопнутую перед носом дверь он тоже въехал на ускорении. И с грохотом. Из-за двери ехидно заржали.

— Эй! — возмутился Снежок. Спрыгнул на порог и подхватил борд. Потер ушибленный локоть. — Я чуть нос из-за тебя не сломал!

— Ты чуть дверь не сломал, — фыркнула Гоша, — носом.

А потом послышались тяжелые шаги и бас мистера Черноффа. Сначала тот басил издали, и его было не разобрать, потом оказался ближе, и Снежок четко расслышал:

— А ну, с дороги, козочка, — и дверь распахнулась. Снежок шагнул внутрь и тут же угодил в мощные отцовские объятия.

— Ну, привет, бандит, — сказал ему Чернофф и потрепал по волосам. Трепал он жестко — не в пример Гошиным мягким подзатыльникам. И ласкательные эпитеты, обращаясь к детям, тоже подбирал довольно странные. Но что с него возьмешь? Он сам был странным. Странным и огромным. Поражал своими размерами, даже сейчас, когда Снежок успел морально подготовиться и настроиться.

Чернофф был огромен и лыс. И казался бы опасным грозным дядькой, если бы Снежок не знал: он хороший. Чернофф обнаружил его на борту и никому не сдал. Не кричал. Не ударил. Привел в свой дом. Отнесся очень по-человечески. По-отечески. Если, конечно, Снежок правильно понимал значение этого термина.

Чернофф дал ему дом и семью. Теперь дом Снежка был на Цитрусе.

И ему сложно было понять Зака, у которого дом здесь был всегда, и отец был, и Гоша, в конце концов, а он так стремился все это покинуть. Улететь и никогда не возвращаться. Зака никогда так не говорил, но было ясно: если он улетит, уже не вернется.

И ладно — дом, ладно — отец. Но Гоша! Как ее можно оставить?

— Иди сюда, дай глянуть на тебя! — отец отстранился и потрепал по щекам, заглядывая в лицо. — Вырос-то как, а, Гоша? Мужик у нас растет! Мужик-ик! Ну, иди, переоденься, — и мощным отеческим подзатыльником дал ускорение по коридору.

— Твой мужик уже борд сломал, — нажаловалась Гоша.

— Починим! — решительно сказал мистер Чернофф. — Как Мэй будет готов — зайдите в кабинет.

Широко и тяжело ступая, двинулся прочь. Гоша так же тяжело вздохнула ему в спину.

Снежок шагнул в комнату, поспешно стащил шарф. Тряхнул — и на пол посыпался песок. Наклонил голову, взъерошил волосы — и посыпалось еще больше, чем с шарфа. Сбросил куртку и ботинки. Босиком вышел в коридор и наткнулся на Гошу.

Та стояла, привалившись к стене напротив двери и скрестив руки на груди.

— Ну? — спросила у него. — Какие идеи?

— Насчет чего? — растерялся Снежок.

— В кабинет зовет, — она ткнула пальцем вверх — кабинет отца был на втором этаже, — не просто так. Серьезный разговор. Какие идеи?

— Не связываться с плохой компанией? — предположил Снежок и двинулся вперед по коридору. Гоша шагнула следом. — Это у него всегда.

— Никак не поймет, — вздохнула Гоша, — что мы и есть плохая компания.

— Не нарушать правил, — продолжил Снежок. — Что мы в последнее время нарушали, о чем ему могли рассказать?

— А чего мы не нарушали? — резонно спросила Гоша.

Снежок задумчиво хмыкнул. Они взбежали по лестнице. На верхней ступеньке Гоша ощутимо толкнула его острым плечом — чтобы оказаться сверху первой. Ну, и в кабинет, ясное дело, тоже первой влетела.

На огромном столе лежала россыпь конфет. Чернофф пригласил обоих садиться, кивнул на сладости. Гоша скривилась, и Снежок, протянувший было уже руку, замер, вопросительно покосился на нее.

— Тряпка, — бросила она ему. Перевела взгляд на отца и с хитрым прищуром сказала. — Прибыл, обнимал, целовал, принес сладкое, значит, пытается подкупить. Значит, что-то плохое скажет. Да, бать? Колись. Кто умер?

— Типун тебе, — погрозил ей пальцем мистер Чернофф. — Но в целом Гоша права, Мэй. Есть к вам серьезный разговор.

— Ха! — снова сказала Гоша.

— Пока мы разгружались, я говорил с МакКейном.

Снежок тихо вздохнул, а Гоша тут же схватила его руку под столом. МакКейн был представителем власти, а Снежок, как ни крути, — контрабандным ребенком. Это Зака МакКейн, судя по всему, любил. А Снежка мог и отправить куда подальше. Прощай тогда дом, прощай семья, прощай Гоша.

— Ага, с МакКейном он говорил, — фыркнула Гоша. — Будто этот боров говорить умеет. Он, бать, не человек — он радио. Он говорит голосом Миста.

— Маргарита, — строго оборвал ее Чернофф. Гоша пожалала плечами, но замолчала. Правда, ненадолго. И помолчав, уточнила:

— Так что тебе сказал голос Миста?

— Голос Миста, — после тяжелого усталого вздоха проговорил Чернофф, — сказал вам держаться подальше от шаманенка.

— Ты смотри, — уважительно покосилась на Снежка Гоша. — Угадал!

И с преувеличенной серьезностью воззрилась на отца.

— И чем он это аргументировал? Мы портим его золотому мальчику карму? Репутацию? Подхватит от нас еще чего-нибудь?

— Ну, вся в мать, — добродушно рассмеялся мистер Чернофф и заговорил совсем ласково. — Змеюка ты подколодная, ты хоть дослушай, прежде чем ядом плевать!

Гоша выпустила ладонь Снежка, скрестила руки на груди и задрала нос.

— Не вы на него — он дурно на вас влияет. Держитесь подальше. Сидите потише. Не покидайте поселка. Никаких больше вылазок на запрещенные территории. Глядишь, все и уляжется.

— Что уляжется? — тут же вскинулась Гоша.

— Он опасен, — отчеканил отец. — Пока вы не познакомились, ты где гуляла? Тут, возле дома. Вот тут и гуляй. А с ним рядом — опасно. Мист думает, вы вместе чудите. Но я-то знаю: вы дети умные, а этому — только на Рейну дорога. Во Флот. Чтоб его там построили, гайки чтоб ему подкрутили. К тому же он, считайте, человек Миста, а от Миста и всех его людей надо держаться подальше. Запомните, дети: как можно дальше. Мист куда опаснее. Насколько — вам лучше не узнать никогда. Так что ситуация сейчас, можно

сказать, опасна вдвойне.

— Да ты боишься! — прищурилась Гоша.

— За вас, — пояснил отец. — За тебя и за Мэя. Как иначе? Вы — мои дети.

— Все вы боитесь, — сказал Гоша. — Мист боится Чужих. Ты — Миста. И за нас. Рэй боится за всех. И всех. И Миста. И Зака. А Зак никого не боится. Вам не надоело бояться?

— Гошенька, — мягко сказал отец. — Ты злишься, козочка, я понимаю. Но твой Зак скоро улетит. Это уже точно, абсолютно точно. Не привязывайся к нему.

— А если я уже привязалась? — спросила Гоша с вызовом, и голос у нее нехорошо задрожал.

— Тогда чем раньше начнешь отвыкать, тем лучше, — жестко отрезал отец. — Никаких больше контактов с ним. Поняли?

И так как Гоша мрачно молчала, развернулся к Снежку. Уставился прямо в глаза, и Снежок тихо ответил за них обоих:

— Поняли.

Гоша фыркнула, поднялась из-за стола и решительно вышла, хлопнув за собой дверью.

— Вся в мать, — с легкой улыбкой повторил отец, глядя ей вслед. А потом стал серьезным и вновь развернулся к Снежку. — Ты проследи за ней, парень, хорошо? Ты умница, я знаю. И я тебе доверяю, понял? Она-то — баба, что с нее возьмешь. Но ты — ты мужик. И мой сын.

Снежок смотрел с опаской и легким недоверием. Он всегда так смотрел, когда Чернофф называл его сыном. И никак не мог понять, с чего это ему доверяют.

И тихонько тащил со стола конфеты в карман. А Чернофф старательно не смотрел на его руки.

— Ну, иди, — сказал он, когда карман был полон. — Поговори с ней, хорошо? А я посмотрю, что с твоим бордом.

Снежок послушно поднялся и направился к Гоше в комнату. Постучал, проигнорировал «вали отсюда, мелкий!» и вошел. Осторожно прикрыл за собой дверь. Гоша прямо в ботинках сидела на кровати, обнимала подушку и смотрела поверх нее очень сердито.

Снежок высыпал на кровать конфеты. Сам сел рядом и тихо сказал:

— Все не ешь, оставим Заку.

Гоша подозрительно прищурилась.

— Он устал, — Снежок кивнул на дверь, — скоро уснет. Выпьет перед сном. Будет спать крепко.

— Ты хочешь нарушить запрет отца? — недоверчиво уточнила Гоша.

— Я прибыл на Цитрус на корабле контрабандистов, — напомнил Снежок. — Как думаешь, я был очень послушным мальчиком?

И улыбнулся.

* * *

И Гоша будто впервые увидела его.

Улыбался Снежок редко, а улыбка у него была светлая. Он сразу становился как будто бы старше. И красивее. Может быть, даже красивее противного Зака, с его оранжевыми глазами и чертовой косичкой.

Глава 5. Пирамиды

Ивор перемахнул забор и с хрустом приземлился в подзаборный куст. Родители Рэя пытались создать сад в маленьком дворике. Думали, так будет уютнее. Думали, так возникнет ощущение, будто они дома. Но было наоборот. Темная, с перекрученными стволами, местная флора прямо-таки кричала: вы не дома, ребята. Тут все не так. А так — никогда не будет.

Сама природа протестовала против создания земного уюта. Природе старательно помогал Ивор. Он жил совсем рядом — за двухметровым забором. А заборы никогда не были ему помехой.

Рэй оторвался от монитора, на котором почти начертил схему для новой гидравлической системы укладчика дорог. В последний год обучения в школе он отошел от хулиганских дел и от всей их хулиганской компании. Вот как с той машиной случилось — так и отошел.

Ивора и команду видел куда реже, но те зла не держали. Кивали издали. И Ивор иногда в гости через забор прилетал. Все не оставлял попыток вытащить на прогулку. Но Рэй знал, чем эти прогулки заканчиваются, и прятался за мониторами. Вполне оправдано прятался — им всем стоило бы уже думать о поступлении.

— Опа, — сказал Ивор, подошел, навис над сидевшим на бревне Рэем и заинтересованно уставился в его монитор. — Рисуешь?

— Это чертеж, — отметил Рэй. — Отец предложил попробовать...

— Ах, па-апа... — понимающе перебил Ивор.

Рэй нажал на кнопку, свернул монитор и сердито уставился на Ивора снизу вверх.

— Я готовлюсь к поступлению, Ив. Да, отец дает мне советы. Потому что, знаешь, не всем хочется тупо взять и пойти в долбаную Академию Флота!

— Думаешь, чтобы туда поступить, ничего не надо делать? — вкрадчиво уточнил Ивор.

— Ну, почему, — пожал плечами Рэй, — можно прыгать через заборы, бить людей, ломать кусты, генераторы...

— Думаешь, это так просто? — еще раз уточнил Ивор. Все еще вкрадчиво, но уже со вполне ощутимой в голосе угрозой. — Раз плюнуть, да?

— Времени у тебя твоя подготовка, судя по всему, немного отнимает, — пожал плечами Рэй и поднялся. Чтоб Ив не нависал над ним так сильно. Конечно, Ив все равно продолжил нависать — он все еще был выше. К последнему классу Рэй почти догнал его в росте. Почти.

«Заторможенный ты, землянин, — говорил Ив, — растешь вон тоже заторможено».

— Потому что сидеть сутками напролет на жопе — не значит «учить», — пожал плечами Ивор. — Ты ж закопался в эти свои... картинки. И либо ты очень тупой, раз никак не выкопаешься, либо прячешься за ними.

И доверительно заглянул в глаза:

— Признайся, землянин, ты нас боишься теперь что ли? Меня и парней? — и с деланным сочувствием протянул. — Мы чем-то напугали деточку?

«О-о, — мысленно протянул Рэй, — началось».

Он все ждал, когда начнется. И уже понадеялся было, что не начнется. Но оно началось. Его хулиганское прошлое пришло за ним. Сломало куст и пришло.

Рэй вздохнул, попытался подобрать ответ, не смог и неожиданно честно сообщил:

— Я себя боюсь.

— Так ты опасный па-арень, — почти не меняя интонации протянул Ивор. — Ну да, да... Вон какую страшную картинку нарисовал...

— Да хватит ржать! — возмущился Рэй. Вслух Ивор, конечно, не ржал, но там по глазам все было видно.

— Что ты! — Ивор поднял руки. — Страшно над тобой ржать. Ты ж опасный.

— И умный, — напомнил Рэй. — И в отличие от вас, мне есть чем заняться.

Ивор прищурился. Задумался над чем-то на мгновение, а потом будто решил.

— Ладно, — неожиданно серьезно сказал он, деловито отодвинул Рэя, сел на бревно и развернул его монитор. Сунул туда свою карточку. — Смотри, умный. Вот ландшафт. А вот цэшка. Здесь — вводные данные. Ну, как? Сможешь решить задачу? Время пошло.

— Время? — машинально переспросил Рэй, растерянно глядя на монитор. Схематичная ландшафтная 3-Д карта медленно вращалась перед глазами. В углу вращался в обратную сторону такой же схематичный летательный аппарат, и от этих вращений немного мутило.

Рядом с изображением аппарата лениво ползла строка цифр и буквенных обозначений. Справа так же неспешно двигался сверху вниз непонятный столбец, все надписи в котором виделись не иначе как шифром.

— Оно все специально в разные стороны крутится? — спросил Рэй.

— Ага, — кивнул Ив, самодовольно ухмыльнулся, будто это он сам нарисовал, и напомнил. — Время. Видишь? Противник на подлете.

— Не вижу, — честно признался Рэй.

— И кто теперь умный? — спросил Ив и принялся вбивать в ползущий столбец свои данные. Рэй, кажется, впервые видел, чтоб Ивор взял в руки монитор. В школе он так ничего и не учил. А здесь — пальцы легко и уверенно скользили по сенсорам, ландшафт двигался, повинаясь его касаниям, линии, возникшие вверху — траектории полетов, как понял Рэй, — поворачивали, изламывались, тянулись вперед и вновь поворачивали.

Данные рядом с цэшкой менялись по мере того, как Ивор вводил свои. Совершенно Рэю непонятные.

— Это тебе не картинки рисовать, — бормотал Ивор себе под нос.

— Чертежи, — исправлял Рэй, заглядывая ему через плечо.

— Не чертежи чертить, — отстраненно исправлялся Ивор. — Вот так. И теперь так. И... так!

Нажал последний раз на «ввод» и, картинно взмахнув рукой, свернул монитор, встряхнул, поймал в ладонь карточку. Синие глаза победно сверкнули.

— Я даже не понял, ты правда что-то сделал, или ввел набор символов от фонаря, — честно сообщил Рэй.

— Правда что-то сделал, — сказала Ивор. — Это пробный тест. На поступлении будут такие. Я тренируюсь.

— И что именно ты сделал? — спросил Рэй.

— Тебе интересно? — удивился Ивор. — Это же всё хрень, примерно как генератор ломать, разве нет?

— Хорошо, — вздохнул Рэй, — признаю. Это немного сложнее, чем сломать генератор. Но будь у меня время разобраться в этом...

— А ты не разберешься, — фыркнул Ивор, — тут нужно быстро соображать. А ты медлительный.

— Я медлительный?! — возмутился Рэй.

— Бегаешь ты быстро, — охотно пояснил Ивор, — а думаешь медленно. И нерешительно. Тряпка то есть.

И поднялся, оставив монитор на земле.

Рэй не стал объяснять ему, что он как раз очень решительный. Вот решил больше не связываться с ними, и не связывается. Даже если тошнит уже от чертежей и домашних работ, и от этих кустов.

Не связывается — и все тут. И пусть тошнит.

Он ведь нормальным человеком хочет стать. Пусть даже не хорошим — хотя бы нормальным. И очень старательно не думает о том, что на самом деле ему ничего не хочется...

— Ладно, — серьезно сказал Рэй, точно так же серьезно и деловито, как пару минут назад говорил Ивор, — ладно. Хочешь поспорить? Я сделаю тебя в этих твоих тестах.

В конце концов, подготовиться еще к одному варианту экзаменов, думал он, это ведь не с плохой компанией гулять. И безопасно, и правоту свою доказать можно, и смена вида деятельности не помешает.

— Ты?! — с непередаваемой интонацией переспросил Ивор.

— Возьму и поступлю в элитный корпус твоей Академии, — Рэй с вызовом скрестил руки на груди. — Буду тобой командовать. Я же умный.

— Да без вопросов, — ухмыльнулся Ив. — На что спорим?

— На твой дом, — сказал Рэй. — Снесу его к чертовой матери. Чтобы в будущем никто не лез на мою частную собственность и не ломал кусты.

— Да хоть на десять домов, — согласился Ивор. — Тебя в Академию на порог не пустят. Ты же в курсе — чтобы поступить туда, не говоря уже об элиткорпусе, нужно физподготовку сдавать?

— Да нормальная у меня подготовка! — всерьез рассердился Рэй. До чертиков надоело, что его — с подачи, с постоянных подач Ивора — безо всякой на то причины считают слабаком. Да, он с Земли, он до сих пор не может привыкнуть к их прическам, одеждам и местным перекрученным стеблям растений. Но он, черт побери, ничем не хуже их!

— Ага! — насмешливо фыркнул Ив.

— Хочешь проверить? — Рэй вышел из себя окончательно, с силой толкнул его в плечо. — Давай. Давай проверим! Я же с чертовой Земли! — толкнул еще раз. — На меня раз плюнуть — развалюсь!

Третий раз толкнуть не получилось — Ивор перехватил руку, заломил запястье в болевой захват и попытался швырнуть его на землю. Сохранить равновесие не удалось, но, падая, Рэй утащил его за собой. Они покатались по серой пыли, Рэй наносил удары, пропускал сам, пытался вцепиться в волосы, чтоб оттащить, чтоб дать себе простор для размаха, но не выходило. Пропустил несколько мощных ударов по ребрам, попытался ударить по уху, но удар пришелся вскользь. И от этого злость перешла в отчаянную, абсолютную, в почти что ненависть. И когда Рэй смог наконец оттолкнуть Ивора коленом, чтоб сделать хороший замах, он от этой ненависти уже почти задыхался. А Ивор неожиданно легко поддался, и Рэй не успел ничего — пропустил короткий резкий удар в нос. Взвыл, схватился за лицо, откатился в сторону, перевернулся на спину, так и остался лежать — спрятавшись в ладонях. И даже заплакал от обиды, утешая себя тем, что просто глаза слезятся. От такого удара — не удивительно.

Ивор сел. Сплюнул кровь в серую землю. Дышал тяжело — это Рэй слышал даже через собственное сорванное дыхание.

А Ивор пробормотал с насмешливым удивлением, делая паузы для вдохов:

— Да ты дикий, землянин. Тебя... надо изолировать... от общества.

— Нахрен иди, — пробубнил через руки Рэй. — Я пытался изолировать. Общество само пришло.

Ивор фыркнул.

— Нарвалось на драку и сломало кусты, — добавил Рэй, осторожно сел, отнял руки от лица, вытер рукавом кровь под носом и покосился на Ива. Тот несколько мгновений задумчиво молчал, будто пытался подобрать ответ, а потом неожиданно расхохотался. У него был такой искренний заразный смех, что трудно было не засмеяться вместе с ним. Тем более сейчас и правда смешно получилось. Адреналин хлынул в кровь, и от него было легко и весело. И хотелось еще адреналина.

До вступительных тестов оставалось полгода.

Рэю впервые, наверное, что-то давалось так непросто, как эти чертовы схемы с корабликами. Схемы-полеты-маршруты, амуниция и оружие. Наборы команд и списки символов. Он вгрызся в тему всерьез, потому что привык побеждать все темы. И очень хотел победить в споре. А еще ему надо было прогнать довольно-таки большой объем информации за оставшиеся полгода.

* * *

В этом Зак был похож на него — ему тоже нужно было проглотить и обработать очень много информации за очень малое время. Отличался Зак тем, что ему все давалось куда проще.

* * *

А Рэй был очень упрямым. Под театральное закатывание глаз матери и мрачное молчание отца забросил другие темы, те, в которых разбирался хорошо. И продолжал пытаться понять, как летают цэшки в заданных условиях атмосферы и без. Куда рулить и как стрелять. И как при этом не убится.

И в конце концов, разобрался.

Он поступил.

Естественно, не в элитный корпус. Он даже Ивора не сделал, как обещал, так что дом с забором остался.

Наверное, до сих пор стоял там. Скорее всего, пустой.

* * *

Муха шла ровно, послушно.

У самых Пирамид Рэй мягко потянул штурвал на себя, затормозил, задирая нос.

Оранжевый свет бликовал на темной обшивке, и казалось, будто она сделана из какого-то редкого драгоценного металла. Казалось, будто не свет — сама Муха искрится и мерцает.

Кто придумал такое чудо назвать Мухой?

Вопрос риторический — Рэй знал, кто придумал. Кто Муху сделал, тот Муху и назвал. Эта машина, заменившая громоздкие неповоротливые цэшки, была первым прорывом Миста: небольшой маневренный корабль на движке внеземного происхождения. Результат кропотливых работ над здешними обломками.

Нет, такие на Цитрус не нападали, а жаль. Такие бы Флот разнес в два счета.

Мухи были гибридом человеческих и инопланетных технологий. И человеческих в них было больше.

Муха сверкнула напоследок и вошла в тень ближайшей Пирамиды. Их было две, и обе, возвышаясь над песчаными барханами, закрывали собой Медузу, так что той ничего не оставалось, кроме как бросать косые оранжевые лучи мимо. Черные и неровные, собранные, сваренные из частей кораблей, оружия и значков всех тех, кто не дожил до сегодняшнего дня, они были укрыты прочными прозрачными куполами, чтобы ни песок, ни ветер не смогли им навредить. Чтобы выстояли даже в буре. Первую, высокую, завершенную, Мист распорядился построить, как только начались работы на Цитрусе.

Памятник защитникам Гряды, павшим в бою.

Вторую, приземистую, широкую, до сих пор готовую лишь наполовину, начали возводить после первых смертей в первой песчаной буре. И вторая понемногу росла.

Но Рэй сейчас шел не к ней.

Он остановил машину окончательно, оставил висеть на низких оборотах и спрыгнул в ржавый песок. Цитрус был тих и светел. Под ногами рыжими змеями струилась песчаная поземка, и Рэй ненадолго засмотрелся на нее.

Щелкнул пультом, перевел Муху в спящий режим и направился к куполу. Приложил руку к прозрачной стене. Сенсорные датчики сработали, распознали, и стена плавно поехала в сторону — его впустили.

Рэй шагнул внутрь, панель за спиной двинулась обратно.

— Ну, привет, — сказал он, глядя на Пирамиду.

* * *

— Людям нужен памятник, — небрежно бросил Рэю Мист, когда работы стартовали. В первые недели Рэю приходилось отвечать за все сразу, пока сам Мист не соизволит доползти. Куча проблем свалилась на голову в одночасье.

Теперь еще и памятник.

В ответ на вопросительный взгляд Рэя, Мист неопределенно взмахнул рукой, подбирая нужное слово, будто тот, дурак такой, не понял с первого раза:

— Капище, святилище, ме-мо-ри-ал... Памятник.

— Когда? — устало спросил Рэй.

— Вчера, дорогой, — неожиданно жестко отрезал Мист. Включился. — Позавчера! Или ты не спешишь увековечить подвиг человечества? Спешишь? Хорошо. Найди скульптора. Делайте оптимально. Минимум расхода материала и человеко-часов. И чтоб эту фигню не снесло бурей. Все ясно? Выполняй.

И Рэй выполнял. Пирамиду построили за неполных два месяца.

Но не до конца.

Там не было ничего из принадлежащих Ивору вещей, а без них Пирамиду нельзя было считать готовой. Они так и не нашли ни корабля, ни капсулы, ни тела, ни жетона, вообще ничегошеньки. И начали возводить над постройкой купол, решив, наверное, что и без этого всего хватает. Что и так сойдет.

Не сошло.

— Пирамида не закончена, — мрачно сказал Рэй строителям, нагрянув на рассвете, стоило им отметить с планом работ в системе Базы. — Рано купол. Стоп работам.

Ему попытались возразить, но Рэй был упрямым.

— Мы будем искать, — сказал он. — Еще раз прочедем квадрат. А потом еще раз. Если надо, вызовем технику и будем разгребать песок.

— Мист приказал ограничить использование ресурсов... — начали было объяснять ему, и тогда Рэй сорвался. Во второй раз в жизни и впервые — в сознательном возрасте.

— Да плевать, что Мист сказал! — кричал он. — Плевать на его постройки и ресурсы! И на Базу плевать! Миста нет рядом! Есть я! И я сказал: стоп работам!

Они остановились, но не ушли. И Рэй не ушел.

А они, наверное, втихаря настучали Мисту, потому что тогда он — всего пару недель как прибывший на Цитрус — впервые нарушил собственное добровольное заточение в гребаной рапунцелевой башне. Прошел час, прежде чем у начатого купола, фыркая и брыкаясь, круто затормозила цэшка. Мист выбрался из нее очень медленно, очень осторожно. Ступил на песок, остановился, будто прислушался к нему. Медленно шагнул к Пирамиде.

И шел, хромя, останавливаясь и прислушиваясь перед каждым шагом. А Рэй вышел вперед, скрестил руки на груди и демонстративно ждал.

«Сам дойдет, инвалид хренов», — сердито думал он.

Он был уверен: Мист сейчас будет ругаться и увольнять его. В очередной раз. Если кто и был упрямее Рэя, то это Мист. Самолично прибыл, сволочь такая, чтоб аргумент «его здесь нет» не сработал.

Но Мист не ругался.

Прохромал мимо. Отодвинул с дороги растерянных строителей. Вынул из-за пояса баллончик с белой краской, вывел поверх темных деталей, сплавленных между собой, огромную, сколько размаха хватило, цифру «10». И направился обратно.

— Успокоился? — спросил у Рэя, поравнявшись с ним. Сунул ему в руки баллончик и, не дожидаясь ответа, направился прочь.

Рэй успокоился.

Безвольно отмахнулся от ребят, мол, делайте что хотите. И пошел следом за Мистом. Придержаться все-таки. А то вдруг опять упадет.

* * *

И сейчас Рэй остановился напротив десятки, протянул руку, провел пальцами по краске. Она не стерлась, даже не поблекла.

— Чем тебя Ким написал? — задумчиво пробормотал Рэй. Сел рядом, подперев плечом

Пирамиду и уставился вдаль, в бесконечные оранжевые пески. Почти у самого горизонта черной точкой виднелась База.

— Теперь он вцепился в детей, Ив, — сказал Рэй, глядя вдаль. — Что ему дети-то сделали? Может, я чего-то не понимаю, но он ведь не рассказывает. Он ничего не рассказывает, и я не знаю, как ему помочь.

«Ты уверен, что ему нужно помогать, землянин?» — спросил бы Ивор. Спросил бы насмешливо и жестко, так, как он говорил всегда, когда дело касалось Кима. Ивор не любил Кима. Это у них было взаимно, с самой первой встречи, с первого, так сказать, взгляда.

Рэй прищурился, глядя вдаль. Хотелось щуриться, а то и вовсе закрыть глаза. Сказывались старые травмы и нервные срывы. Кто бы мог подумать — Рэю казалось, он еще молод и полон сил. Ему двадцать с копейками, на Земле вон до ста живут! Но Цитрус считал иначе. Цитрус давил на голову. С местным давлением всегда было что-то не то. Судя по показателям, Цитрус должен был максимум — вызывать легкое головокружение. Но он давил.

Здесь было душно, песок скрипел на зубах, казалось, что песок уже давно и в легких, и в горле, что дыхание — хриплое, шершавое. И дышат они — песком. И сами — песок. И никакие маски не помогали. Мэй обматывался шарфом так, что только глаза были видны. Гоша гуляла в маске, прикрывающей нижнюю часть лица. Зак только всегда был открытым. Всем, всему и Цитрусу в том числе. Но что с Зака взять — он местный. Привычный.

А вот Рэй так и не смог привыкнуть. Ему казалось, что они все тут, с местным давлением и в местном песке, понемногу сходят с ума. Что Мист сходит, а Рэй этого не замечает, потому что сам сходит. Потому и оправдывает действия Миста. Любые действия Миста. И прикрывается мыслью, что таков, значит, план. Что Мист знает, куда ведет всех. Он ведь Гайд, ему положено знать и вести. Да, пятый год ничего толком построить на этих обломках не может, кроме маяка да пирамид, а что строит — сносит бурями, но это не он, это планета тут такая.

Мист заново колонизирует ее. Как умеет.

— Но дети ему чем мешают? — спросил Рэй. Вынул из кармана флягу и сделал глоток. Поморщился, закрутил, сунул обратно. У него с Черноффым были свои договоренности, и тот каждый раз по прибытию на дром исправно снабжал Рэя содержимым для фляг.

Учитывая, сколько Рэй выпил за эти годы, выглядеть он уже должен был в разы хуже того же Миста. И шататься так же. Но нет. Тут не пьянеешь. И плохо наутро не бывает. Будто гадкая планета вытягивает из организма весь алкоголь. Устанавливает свои правила. Рэй никогда не задавался идеей всерьез напиться здесь — не имел права. Но ему казалось, что даже если попытается — не получится.

— Я думал, — проговорил он, — Мист хочет помочь Заку. Прикидывается гадом, но хочет помочь. Но теперь он вцепился в мелкого, и мелкому он точно не собирается помогать...

И почти услышал тот самый заразительный смех Ивора.

«Джонс? — переспросил бы Ивор. — Ким Джонс? Помочь? Я смотрю, снова тупим землянин».

И был бы прав.

Ким Джонс никогда никому не умел помогать, даже не пытался. Он умел руководить. Жертвовать. Командовать. И всех спасать в последний момент.

И обязательно так, чтоб героически. И так, чтоб всем назло.

Особенно — наварху.

Глава 6. Рейна

На Рейне свет почти так же резал глаза, как теперь — на Цитрусе.

Правда, там он был наоборот — слишком белым. Казалось, воздух здесь абсолютно прозрачный, и потому пропускает сквозь себя чересчур много света. Как на Земле, когда под ногами лежит снег, и солнечные лучи многократно отражаются отовсюду, от каждой снежинки, только снега здесь не было, а свет — был. Слепящий и бликующий, от которого хотелось щуриться и носить черные очки. У них и костюмы для вылазок были под стать освещению: почти горнолыжные, с очками на пол лица и затемненными стеклами.

Рейна, твердый спутник газового монстра Аквилона, была десятой планетой Земной Гряды. По сути дела она и планетой не была — небольшим куском тверди, условия существования на котором смогли почти дотянуть до земных. Разреженный воздух и мерцание здешнего солнца напоминали о горнолыжных земных курортах, но курортом Рейну вряд ли кто-нибудь назвал бы. Скорее, наоборот.

Когда пять сотен лет назад к ней, дистанционно обнаружив там подходящие условия, начали пробивать коридор, общественность возмущалась: зачем? Проблему перенаселения решили уже давно. На планетах Гряды относительно спокойно, жизнь понемногу устаканилась даже на Орхе. Зачем человечеству еще один астероид?

Но тут пришли умные дяди и сказали, что астероид будет не человечеству. Астероид будет тем ненормальным, которые на каждой планете летают на своих леталках, стреляют, иногда взрываются, устраивают испытания, шумят, мешают спать по ночам и всячески не дают мирным жителям мирно жить. Тогда мирные жители радостно согласились на все.

Флот перебрався на Рейну. На орбитах, естественно, оставили по огромной станции, напичканной крейсерами, оружием и бойцами, дежурившими посменно. А в наземных штабах и правительстве — флотских начальников и представителей. Но основную часть кораблей, оружия и воинского состава перебросили на Рейну. Там же открыли новую Академию Флота.

Оттуда же потянулись к другим планетам — еще дальше. Потом были Дагра, Тадж и наконец Цитрус.

А Рейна все наматывала круги вокруг Аквилона. Флот рос и модернизировался. И правительство вроде как и хотело понемногу сворачивать темпы развития, но уже боялось. Флот стал слишком мощным. А потом еще и Джонс-старший взял Флот в свои руки. И если б не Цитрус, если б все шло тихо-мирно, наварх Джонс уже и в президенты бы выбился. Или просто военный переворот забацал бы.

Он был похож на Кима. Точнее — Ким на него. Даже не Ким, не прежний Ким — нынешний Мист. Холодный змеиный взгляд достался ему от папы.

* * *

Их привезли на Рейну в огромном транспортнике. Только с ними в отсеке было несколько десятков человек, а были и другие отсеки, и другие корабли. С каждым годом Академия расширялась. И рос Флот. Будто наварх и правда что-то предвидел и запасался боевыми мощностями. И пушечным мясом, ясен пень.

Последние полчаса корабль трясло так, что дышать было трудно, казалось, легкие вот-вот выпрыгнут наружу, вместе со всеми остальными органами. А Ивору — хоть бы что. И пока Рэй старательно слушал наушники, закрывал глаза и молился, чтоб его не вывернуло наизнанку, Ивор тряс за плечи то Рэя, то кого-то из соседей, что-то радостно кричал, вскакивал, бродил, придерживаясь за стеночку, по трясущемуся отсеку, заглядывал в иллюминаторы.

Таких идиотов на все несколько десятков нашлась еще парочка, идиоты перебрасывались радостными приветствиями, а когда корабль пошел на посадку, даже устроили небольшую потасовку у люка — за право выйти первым.

Ивор выиграл.

Когда корабль тряхнуло в последний раз особенно сильно — произошло касание — Ивор, заранее уцепившийся за ручку люка, растолкал окружающих, потерявших на мгновение равновесие от удара. И стоило люку поехать в сторону, гордо протолкался в щель и спрыгнул, не дожидаясь подачи трапа.

Естественно, за это его отругали встречающие.

Во-первых, это не по правилам, а в Академии нужно соблюдать правила. Во-вторых, опасно: люк был от земли метрах в двух. Откуда им было знать, что Ив двухметровые заборы ежедневно перепрыгивал, чтобы «привет» сказать?

Ивор не расстроился. Во-первых, он таки спрыгнул первым, и был слишком горд этим фактом, чтоб расстраиваться. Во-вторых, ему было глубоко плевать на все правила. В-третьих, он был на Рейне. Сбывалась его мечта.

Рэй тоже был рад. Что долетел и не помер по дороге.

Он выполз в числе последних и поймал на себе насмешливый взгляд.

— Что, землянин? — спросил Ив. — Домой уже хочешь?

— Если тут всё так летает, то да, — пробормотал Рэй. Глубоко вздохнул. Огляделся, щурясь на яркий свет.

— Расслабься, — усмехнулся Ив и хлопнул его по плечу. — Тебе в настоящем корабле никто и не даст лететь. Тебя вообще скоро выгонят.

— Ага, — кивнул Рэй и двинулся вперед, потому что корабль начал медленное вращение вокруг своей оси — к трапу катился очередной люк, а оттуда должны были появиться новые прибывшие, и им нужно было дать дорогу. — Меня. Это меня только что отчитали за поведение, не успел я сойти на землю.

— Ты ж внутри сидел! — возмутился Ивор, шагая рядом. — Откуда знаешь?

— Угадал, — мстительно сказал Рэй. — А что, могло быть иначе?

Ивор задумался, запустил было пятерню в волосы, но тут же убрал руку — он подстригся под ноль совсем недавно, специально для Рейны. И до сих пор рефлекторно тянулся к волосам.

— В иллюминатор увидел? — спросил Ивор, подумав.

Рэй фыркнул, но честно кивнул.

— У нас бабки так делали, — вспомнил Ивор, — от нечего делать в окна подсматривали за всеми.

Рэй не нашелся, что ответить, и вместо этого легонько стукнул его в плечо. Ив попробовал стукнуть в ответ, но Рэй отпрыгнул. Толкнул кого-то из идущих рядом, и на него рывкнули. Ивор рывкнул в ответ. Чуть не завязалась потасовка. Их растащили ребята в форме, постарше. И записали имена.

Первая учетная запись появилась в журналах еще до того, как они дошли до центрального корпуса.

— Хороший знак, — сказал Ивор.

— В какой вселенной, Ив, это хороший знак? — мрачно спросил Рэй, который все еще пытался не быть хулиганом. Но то ли не получалось, то ли дело было опять же в плохой компании рядом. Плохой и очень довольной.

— Смотри, как все быстро происходит, — сказал Ивор. — Может, и полетать нам быстрее дадут.

Рэй покосился на него и серьезно спросил:

— Ты знаешь, что такое логика?

* * *

Полетать им еще долго не давали. На настоящих кораблях. Но на симуляторы гоняли ежедневно и подолгу. Рэй редко побеждал и часто — разбивался нахрен. И все равно любил симуляторы больше вылазок на воздух. И дело было совсем не в физподготовке, над которой опять издевался Ивор. Дело было в свете. В полутемном помещении, освещенном лишь слабо мерцающим огромным экраном на стене, глаза могли хоть немного отдохнуть.

Потом, когда программа индивидуальных симуляций была завершена, их начали ставить парами, приучать работать в команде. Ивор, естественно, взял Рэя к себе в напарники, и тут Рэй неожиданно полетел. То ли удалось натренироваться, то ли так сильно не хотелось подводить Ивора. А еще больше не хотелось выслушивать потом вечные издевки. Потому Рэй сцепил зубы — и полетел. И прикрывал этого мудака так, чтоб никто даже мельком не чиркнул по кабине. А прикрывать его было нужно — Ивор любил геройствовать. Постоянно норовил расшибиться обо что-нибудь, запугать противника лобовым, пойти на самоубийственный маневр. И чудом выживал. И, соответственно, чудом выезжал на лучшие показатели в группе.

Потому, когда стали отбирать лучших пилотов в лучшую, Первую, летную группу, Ивора с Рэем тоже взяли. Не объяснять же было, что это им так везет, что Ивор — придурок, а Рэй просто не любит, когда над ним смеются.

Так они оказались в Первой.

Так они получили того ведущего старшего курсанта — Гайда, — которого получили. Тоже, по идее, лучшего. Хотя им так не показалось. Так никому не показалось.

Ким Джонс не понравился всем. Многие даже решили, будто он пытался их обидеть. Хотя он не пытался. Ему просто было плевать.

И на первый вылет группой он, естественно, опоздал.

* * *

Свет уже приглушили, но не погасили полностью. Группа — все десятеро — заняли свои места на тренажерах. На мониторе напротив были видны невнятные блеклые пятна вместо схемы для инструктажа. И пустовало кресло Гайда.

— Элита хренова, — пробормотал Рэй. Он был обижен на элиту частично еще и за то,

что сам туда не добрался. Не дотянул проходной балл. И очень хотел посмотреть, что ж там за супер-хрен, который не только дотянул, но и лучшим признан.

Ивор задумчиво огляделся по сторонам, решительно вздохнул и взялся за шлем с задорным:

— Ну, парни, десятеро одного не ждут?

Рэй перехватил его руку, потому что некоторые повелись — и впрямь дернулись за шлемами. Заманчивая идея — начать идиотские маневры, даже не представляя, куда летим, кого бьем, кто наши, кто — нет. А потом запись этого веселья — на стол командеру. И влетит всем, но больше всех — Гайду, который обязан был контролировать придурков, дорвавшихся до симуляторов. И который, сволочь, считает, что имеет право опаздывать, когда тут куча народу прямо таки подпрыгивает в креслах, так полетать хочет. А время-то лимитировано. И через двадцать минут — другая группа с другим заданием.

Заманчивая идея, но одна запись в журнале у них уже была. И больше Рэй не хотел.

— Подождем, — сказал Рэй.

— Ты скучный, землянин, — сказал Ив. — Ты самый...

Он не договорил, потому что дверь медленно открылась, и в упавшую на пол полосу света ступил темный силуэт. Медленно, будто назло неспешно, закрыл за собой дверь и растворился в полумраке.

— Господа, — прозвучал его голос в темноте, — прошу простить за опоздание. Обещаю компенсировать время, потраченное на ожидание. Инструктаж проведу максимально кратко, потому слушать всем внимательно.

Говорил он медленно, тихо, но очень четко. Глаза уже привыкли к смене освещения, Ким полуобернулся к экрану, и его наконец удалось рассмотреть. Рэй подумал, что этой четкостью он будто компенсирует какую-то общую вялость: в лице, в движениях, в отсутствующем взгляде.

— Меня зовут Ким Джонс, — сказал он, — и я руковожу операцией. Маски на глаза. Сейчас перед вами... Какие-то вопросы?

Рэй, схватившийся было за шлем, покосился на Ивора. Тот теперь, наоборот, на шлем больше и не смотрел, а смотрел на Кима. Закинул ногу на ногу и подался вперед, даже подбородок кулаком подпер, так картинно изучал.

— Да! — обрадовался, что на него обратили внимание, Ивор. — Ты наварху кто?

— Это имеет значение? — ровно спросил Ким.

— Нет, — сказал Ивор. — Просто интересно: ты в элиту по фамилии попал?

Ивор не любил, когда его заставляют ждать. Ивор не любил — как и все они — элиту в целом. И уже — Кима Джонса в частности.

Рэй решительно толкнул его на спинку кресла и одним движением натянул шлем ему на голову. Ивор, уже ничего не видя, ткнул средний палец в сторону Рэя, а после, как ни в чем не бывало, поправил наушник и подвинул поудобнее микрофон.

Ким еще какое-то время бессмысленно таращился на него, потом перевел взгляд на Рэя и все так же холодно уточнил:

— Вам необходимо отдельное приглашение?

— Да я... — возмутился было Рэй, потом чертыхнулся и тоже натянул шлем.

— Аппараты класса Цэ, работаем в атмосфере, приближенной к земной, — заговорил Ким, не меняя тона, но голос его уже звучал в наушнике, перед глазами была тьма, и Рэй неожиданно четко осознал: с Гайдом придется смириться. Потому что теперь этот голос —

все, что у них есть. И все, что будет до конца учебного года, а может и после: кто его знает, на каком именно он курсе. И какие бы чувства он ни вызывал, Ким — Гайд. Он ведет, они выполняют команды. Казалось бы, естественно, просто, элементарно, сто раз говорено. Но только теперь все теоретические инструкции стали настолько понятными и осязаемыми. Когда ты в кромешной тьме, голос в наушнике для тебя — это хрень, за которую нужно держаться крепче, чем за мамку родную.

— Задача для дошкольников, — продолжал голос, — провалимся здесь — провалимся везде. Обратите внимания на ваши номера. Ваш номер — ваш позывной. Исходные данные: бункер противника, наземное оружие, пушки, помеченные на карте точками. Порядок работы. Выходим с орбиты, бесшумно, для этого используем... — Ким сделал паузу.

— Тихий ход в атмосфере под углом, — ответил Рэй.

— Один балл номеру девять, — отметил Ким. — Или минус один остальным. Посмотрим, будет ли откуда вычитать. В атмосфере не сгореть. И не облевать себя и соседа. Это условие, чтобы набрать балл, который я потом смогу вычесть. Карту изучили, пока я трепался?

— Да что за... — возмущенным шепотом начал Ивор, и был прав: Ким провел инструктаж не быстро, а скомкано и невнятно. Но Ким перебил, почти не меняя тона, все так же холодно и слегка раздраженно:

— Я слышу, номер десять. Вы в наушниках и на спикере. Свое личное мнение пока держите при себе. Потом поделитесь с коллективом. Идем клином, согласно номерам. С первого по четвертый, на вас пушки. Соответственно цифрам на карте. Остальные — по тяжелому выстрелу в бункер. Уходим стрелами, перегруппировка на орбите, второй заход под углом девяносто в горизонтальной, правое вращение. Третьего не должно быть. Если будет — корректировка по ходу операции. Готовы?

— Готовы, — нестройно пробубнила группа — Ким Джонс не понравился никому. А Рэй в бубнеже расслышал невнятное бормотание Ивора, что-то касательно того, чтобы потереться картой. Ким сделал вид, что не расслышал. И тихо сказал:

— Пошли.

Рэй оказался над облаками. Глядел в хвосты остальным. Те уши вниз плавно, мягко, красиво посыпались. И Рэй нырнул в облака следом. Держать угол, идти тихо, не шуметь и не отвечивать.

Вышли из угла так же — стройно, плавно, друг за дружкой. Первая четверка слаженно сработала по пушкам, остальные уверенно пошли к цели, но в наушнике вдруг вскрикнул один из парней. За ним — второй.

И хором с чьим-то еще воплем: «Сверху!» и Иворовым возмущенным: «Подстава!» заговорил Ким.

— Уходим на вращениях, — неожиданно жестко отчеканил он. — Гости сверху, повторяю, гости сверху. Рассыпаться и на вращениях вверх. Перегруппировка в атмосфере на высоте пятнадцать.

Рэй рванул на себя штурвал и закрутил цэшку так, что в ушах зазвенело. Краем глаза успел рассмотреть целую тучу мчащихся к ним истребителей.

— Первый, координаты, — затребовал Ким. И Рэй еще тогда, невзирая на скачок адреналина и вопли остальных в ушах, отметил на краю сознания: голос Кима не изменился. Ни тембр, ни темп. Но каким-то образом внезапно стал живее. Как будто Киму было все вокруг невероятно скучно, а тут вдруг чем-то заинтересовали. Потом убеждал Ивора, что о

подставе Ким не знал. Для него самого это было сюрпризом. И тогда Ким, судя по всему, еще любил сюрпризы.

Цэшки перегруппировались, ориентируясь по хвосту первого.

— Меняем строй, — сказал Ким, — шахматная лента. Пошли.

И снова они рухнули в облака. На этот раз уже не тихо и филигранно. На этот раз — натужно рыча. Быстро, уверенно.

— Первый, второй, на бок, — продолжал Ким, — огонь по готовности. Третий... Пятый, шестой — дотянуться до бункера и еще один залп. Седьмой, восьмой — прикрываем. Галерка... Галерка! Куда вас несет?

Ивор рванул в сторону и закрутил цэшку в бочке. Пошел навстречу истребителям, и Рэй, естественно, рванул следом. Попасть по ним самим на таком ходу было непросто, а они — могли. Ивор, тот вообще пачками их разносил, Рэй прикрывал точечными выстрелами тех, кого Ивор не успевал накрыть огнем.

— Галерка, — настойчиво проговорил Ким, — идите прямо и вверх. Точка сбора по координатам первого. Повторяю...

— Я снесу их! — выдохнул Ив. — Чего их отвлекать, если можно... Мать твою!

Он дернул машину в сторону — еще один истребитель вынырнул прямо из воздуха, возник из ниоткуда под самым носом. Рэй ушел следом. Ив выровнял машину.

— Девятый, десятый, — сказал Ким отстраненно, — уходите вверх. Повторяю...

— Уломал, чертяка, — процедил Ив и рванул наверх.

Рэй снес этого, вынырнувшего из небытия, и догнал на фотонах.

— Сорок пять градусов, левое вращение, — ввел новый угол Ким, — еще два десятка машин противника слева. Порядок — белый конь. Первый, третий, пятый — по летным единицам. Шестой-восьмой — по бункеру. Девятый, десятый, внимание, курс девяносто левое, тридцать правое, идете прямо. Пошли.

— Гайд, — напряженно сказал Рэй, нырнул, вышел на траекторию, — тут какая-то хренотень впереди. Что это?

— Огонь, девятый, — ответил Ким, но все же снизошел до объяснения, — вас атакуют беспилотники. Я нашел центр контроля. И ты его пробьешь. Десятый — прикрывает.

Рэй влупил всем, что видел. Влупил мощно и уверенно, но хренотень в пространстве продолжала висеть, и шел он почти в лобовое.

— Девятый, повторный залп, — затребовал Гайд, и Рэю показалось это нелогичным. Он не успевал на маневр, а за ним шел Ивор с полной обоймой, так почему бы ему не уйти в сторону, а второй залп не оставить для Ивора?

Но он помнил — голос нужно слушать. И уже разок прочувствовал на себе, что не слушать — плохо. И для себя, и для операции. И звучал Ким так уверенно, так мощно, что Рэй просто обязан был выполнить команду.

Голос Киму тоже достался от папы.

Рэй молча дал повторный залп, ушел на вираж в последний момент. И, рванув штурвал на себя, услышал совершенно спокойное:

— Десятый, залп.

Ивор ведь точно не успеет, успел с легким ужасом подумать он, и за спиной громыхнуло. Трижды.

Сначала Ивор разнес часть командного центра. Потом сам врезался в него, разнося уже полностью, окончательно и в щепки. А потом внизу взорвался бункер. И вокруг снова

стемнело. Слегка подташнивало, в ушах пищало, во рту была горечь.

Видимо, из этой группы и правда планирует сделать что-то очень крутое, подумал Рэй, раз первое же задание такое ненормальное.

— Маски сняли, — расслабленно бросил Гайд, и все принялись медленно стаскивать шлемы. Ивор стащил свой последним. Рэй покосился на него, и показалось, что Ивор даже не бледный — белый. А Ким щелкнул пальцами, свет вспыхнул, все сощурились. Кроме самого Кима. Он обвел внимательным взглядом всех присутствующих и ровно сообщил:

— Поздравляю, господа. Мы победили. И никто не облевался. Купите себе по шоколадной медали.

Отсалютовал двумя пальцами и все так же, неспешно, вышел.

— Не нравится мне это, — сообщил Ивор, глядя на закрывшуюся за Кимом дверь.

— Логично, — согласился с ним Рэй. Кому понравится разбиваться в лепешку на полной скорости? Пусть даже героически.

— Он же специально, — сказал Ивор и прищурился, будто пытался сейчас увидеть Кима через дверь.

* * *

Рэй помнил тот холодный прищур. Помнил глаза и смех. Но уже понемногу забывал черты лица.

* * *

— Понимаешь, какая змея? — спросил Ивор. — Он отомстил. За то, что я спросил, кто он такой. За то, что не выполнил его команду. А его еще похвалят потом. Что победил. Он ведь мог по-другому, землянин. Это если ему на ногу кто-то случайно наступит, он его потом тоже куда-нибудь врежет?

— Ив, — сказал Рэй, — ты же понимаешь, что это было не по-настоящему?

Ивор перевел на него взгляд, которого Рэй раньше не видел. Очень взрослый, очень серьезный взгляд. Рэй и его уже не помнил. Помнил, как насторожился тогда: такого Ивора он раньше не знал.

— Думаешь, будь все по-настоящему, эта сука по-другому поступила бы? — холодно спросил Ивор.

Тогда Рэй не смог ответить. Теперь — мог.

Эта сука поступила бы точно так же. Она и поступила. Только за штурвалом в тот раз был уже не Ивор.

* * *

Через пару дней Рэй столкнулся с Кимом в коридоре. Тот шел в своей отсутствующе-медлительной манере, на Рэя бросил равнодушный взгляд еще издали, а поравнявшись с ним едва ощутимо тронул за локоть. И шагнул к стене. Рэй неуверенно шагнул следом. Не до

конца сначала понял, что это его позвали, а не случайно зацепили.

— Девятый, — тихо сказал Ким, все так же равнодушно глядя Рэю даже не в глаза — сквозь них. И думая будто о своем. — К следующему вылету разъясните своему напарнику принципы субординации и участия в операциях под руководством Гайда.

— Ким, — примирительно проговорил Рэй, — он прекрасно понимает принципы. Он иногда плохо притирается, но дай ему немного времени. Летает-то он лучше всех, ты же видел.

— Мистер Джонс, — сказал Ким.

И ответил на удивленный взгляд Рэя:

— Не Ким. Гайд. А если очень желаете использовать имя, тогда — мистер Джонс. Да, я видел, как он летает. Как все вы. Криво. Мне нужно научить вас летать прямо. Потому будьте добры меня слушать и не проявлять впредь инициативу, пока я об этом не попрошу. И сами почитайте о субординации, хорошо? Откройте словарь и почитайте. А еще лучше — включите мозги и подумайте. У вас ведь есть мозги?

— С утра были, — попытался пошутить Рэй и даже похлопал себя по карманам в поисках мозгов, но Ким никак не отреагировал. Продолжал, не мигая, смотреть в глаза. Рэй почувствовал себя кроликом.

Ким ждал ответа.

— Почитаю и разъясню, — со вздохом пообещал Рэй.

— Мозги так не нашли? — с едва уловимым сочувствием уточнил Ким, скользнув равнодушным взглядом по его карманам. Развернулся и неспешно направился прочь. Лениво и медленно.

Змеюка такая.

Глава 7. Потенциал

Зак оставил отца внизу, сам поднялся подышать, подумать. Сел на площадке у подъемника, несколько раз подбросил в руке значок, размышлял, куда его деть. Обгоревший кусок шнурка он обмотал вокруг запястья. Но значок же не прицепишь на грудь. Пока еще — не прицепишь. Это потом, когда он отучится свое на Рейне, когда сядет за штурвал или — чем черт не шутит — в кресло Гайда, вот тогда уже будет со значком. Тогда ему выдадут новый, соответствующий.

А этот — просто сувенир от Рэя. Который Заку так и хотелось прицепить куда-нибудь, чтоб отца позлить. Он и так вечно злится — так пусть у него хоть повод будет. Потому что пока повода у него нет. Потому что Зак ничего плохого не делает. И поступает по отношению к нему, буря его разорви, честно.

О, как старательно Зак убеждал себя в этом весь последний год.

Он уже узнал всё о земных о рекреационных зонах, куда принимают стариков, не способных за собой ухаживать. Он изучил перечни услуг и рейтинги. Их было немало — отец не один такой упрямец. Многие отказываются от коктейлей и врачебных услуг — предпочитают естественно состариться и пораньше умереть. Такие же дураки. А потом десятки людей исотни машин обеспечивают им должный уход. И их детям не приходится разгребать последствия их нечестных эгоистичных решений.

А Зак — Зак как раз честно поступает. Честно ведь?

Он услышал тихое шуршание бордов задолго до того, как те оказались в поле зрения. И улыбнулся.

Цитрус уже почти сутки был на удивление тих. Обычно за завыванием ветров борды не услышишь, пусть хоть над ухом летают. Песок не шуршит — грохочет, как когда-то грохотало, взрываясь и раскалываясь, небо. Но не сегодня.

Зак даже ладонь к песку приложил, будто прислушиваясь. Будто хотел спросить: «Чего это ты такой спокойный? Подозрительно ты спокойный...». Вспомнил отцовское «спроси у Цитруса» и тут же отдернул руку. Посмотрел на тихий песок так, будто тот его только что укусил.

И продолжал смотреть вдаль, пока борды не вынырнули из-за песчаного холма неподалеку. На Цитрусе никогда не было абсолютной темноты. Два спутника отражали свет Медузы — висели в небе огромными красными фонарями. Все становилось не оранжевым — кровавым. Но видно было хорошо.

Гоша оказалась рядом первой, тут же спрыгнула, пнула идущий по инерции борд и поймала в полете. Заявила, уверенно шагая к Заку:

— Батя сказал, что ты опасен.

— Конечно, я опасен, — усмехнулся Зак. — У меня даже эмблема есть, — и гордо продемонстрировал значок.

— Круто, — равнодушно хмыкнула Гоша. Она не любила все флотское почти так же, как отец Зака. — Батя сказал с тобой не общаться.

— А мой сказал никуда не лететь, — кивнул Зак. — Но кто ж их слушает.

Снежок изрядно отстал, тормозить начал криво и издалека. И все равно чуть не свалился — борд все больше косило набок.

— Новая идея, — сказал Зак, задумчиво глядя на Снежковский борд. — Свалка закрыта.

А Третья Зона — нет.

— Совсем двинулся? — удивилась Гоша.

— Почему? — удивился Зак. — Смотрите, они уже там все просканировали. Расчистили. Просто пока не дошли. И не дойдут, потому что им еще Вторую догрести. А там — только дроны. И схема движения у них наверняка та же, что и в первых двух. Ее слишком муторно переделывать. То есть пройти незаметно для дронов мы сможем.

— Угу, — мрачно пробормотал Снежок, — в Первой уже прошли.

— Потому что кого-то в сторону понесло, — напомнила Гоша, злобно шурясь на Снежка.

— Не кого-то, а что-то, — пожал плечами Снежок. — Я ж не виноват, что доску заклинило.

Снежок понемногу становился человеком. Наедь вот так Гоша на него полгода назад — глаза бы опустил, а потом бы в подушку свою плакал. А Гоша бы зубоскалила.

Учится понемногу. Свои зубы растит.

— Странно, что Рэй до сих пор молчит, — отметил Зак. — Нас точно засекала камера дрона. Значит, он в курсе того, что мы там были. И ничего мне не сказал.

Зак нахмурился, глядя в горизонт, и добавил:

— Чувствую себя отвратительно. Если б он меня отругал, было бы легче.

— Крыса твой Рэй, — жестко сказала Гоша, и Зак возмутился было, но она жестом остановила его и продолжила. — Вместо того, чтобы ругать, бате нашему настучал. Потому что батя не просто так запретил с тобой встречаться. Просто так ему плевать. А вот как ему оттуда, — ткнула когтистым пальчиком в сторону Базы, — дали указание, так сразу озаботился судьбой детей. Из-за твоего Рэя у нас теперь могут возникнуть проблемы с комурни... кормуни...

— Коммуникацией, — подсказал Снежок, за что тут же был вознагражден гневным взглядом. Гоша будто что-то хотело ответить, но отмахнулась и с бессильной злобой обозвалась на Рэя в последний раз:

— М-мистова секретарша!

Зак молча глядел в песок под своими ногами. Песок лежал тихой ласковой кошкой, разве что не мурлыкал. И даже не дышал: не вздымались волны красной ночной поземки, не вились под ногами шершавые змейки, не шептали ничего барханы вдали. Почему-то Цитрус совсем замолчал. Застыл.

Зак поежился, потому что от этого мертвого молчания ему стало зябко. И подумал, что пора бы прервать его. Раскачать ветра, расшевелить пески.

Рэй казался ему хорошим дядькой. Таким, который честно отругает за допущенную ошибку, а потом простит и больше никогда о ней не вспомнит. И естественно, не будет совершать никаких манипуляций за твоей спиной и докладывать обо всех твоих грехах родителям твоих друзей.

Зак думал, Рэй на его стороне.

Ну и хрен с ним.

— Ну и хрен с ним, — сказал Зак и решительно поднялся. — Схему для дронов я помню. Держитесь за мной. Снежок, отдавай доску.

— Чего? — тут же напрягся Снежок.

— Мою возьмешь, — сказал Зак, — а с твоей я как-нибудь справлюсь. Если Мист на одном движке шел, то что я, полдоски не одолею?

— Мист — герой, — напомнила Гоша, смерив Зака скептическим взглядом. — А ты с косичкой. А Мист — герой. Хотя и мудака, как и твой Рэй.

— А что Мист сделал? — неожиданно спросил Снежок. — Героического?

Гоша изумленно уставилась на него. Спросила подозрительно, демонстративно отодвигаясь:

— Слушай, ты из какого зоопарка сбежал?

— Нет, я знаю, что он всех спас от Чужих, — поспешно принялся оправдываться Снежок, — я просто не знаю, как.

— Нашел слабое место в их машинах, — ответил Зак. Снежок, глядя Заку в глаза и как будто бы внимательно слушая, улучил миг, чтоб незаметно пнуть Гошу по ботинку — за зоопарк. Получил в ответ подзатыльник.

— Нашел слабое место, — продолжил Зак, — и ка-ак долбанул в него кэриэром.

— Кэриэром? — переспросил Снежок.

— Ну, Флот же на цэшках там шуровал, — сказал Зак, и даже Гоша вопросительно покосилась. Деревня. — На бэттлшипах класса «Цэ», — пояснил он с раздраженным вздохом. — Кэриэр — это большой корабль, который их перевозит. С командным пунктом, в котором сидел Мист. Оттуда руководил. Понял, куда надо бить. И ударил. Кэриэром. А потом все пошло по его схеме — корабли на автопилоты — и вперед. Их только так и взяли. Долбали своими кораблями. Импульсы их поля не брали, а поле на поле — получилось. На автопилоты — и нате вам! Чужие поняли, что дело пахнет люлями, быстренько развернулись — и до свидания. Так Мист всех победил.

— А-а, — разочарованно протянула Гоша, — а я думала, он как-то героически...

— А он и героически! — воодушевленно ответил Зак. — Он же в этом кэриэре был. Который того... — Зак растопырил пальцы и сказал: «Пуф-ф!», изображая взрыв. Хотя взрывалось оно, конечно, с совсем другими звуками.

Гоша задумалась, не забыв при этом скептически скривиться.

— А выжил он как? — спросил Снежок.

— Если выжил, то уже не герой, — подумав, отрезала Гоша. — Не считается.

— А его Рэй спас, — ответил Зак Снежку.

— Почему сразу Рэй? — удивилась Гоша.

— Да все говорят! — отмахнулся Зак.

— Подлизываются, — фыркнула Гоша. — Никто ж ничего не знает. Там их целая куча была, летали кругами, почему сразу Рэй?

— Не нравится он тебе, — хмыкнул Зак.

— А за что мне его любить? — ощерилась Гоша.

— Хватит шипеть, а? — миролюбиво предложил Зак. — Давай мыслить логически. Сейчас у Миста в распоряжении целая толпа людей. Ученых, администраторов, военных, так? Но рядом с ним всегда — кто? Почему именно Рэй? Он ведь обычный. Совершенно обычный, ничем не блещет, он даже на военного не похож. У него глаза добрые. И тем не менее, кто у нас второе лицо на Цитрусе?

— Героем хочется выставить, да? — сочувственно предположила Гоша. — Чтоб не стукачом?

— Может, они просто дружат? — предположил со своей стороны Снежок. — Рука руку моет и так далее...

— Узнаю Черноффские принципы, — усмехнулся Зак.

— Эй! — снова зашипела Гоша.

— Они были рядом, — сказал Зак Гоше, прерывая шипение. Очень твердо сказал, потому что ему надоели пустые споры, — летали там все, Гош, кругами, но по группам. Из группы Миста выжили только они. Значит, и кэриэром вместе били. А потом Рэй его спас.

— Может, они вообще под шумок свалили? Вдвоем? Крысы такие, — дернула острым плечом Гоша. — А Мист же у нас — сын наварха, вот и придумали, что он герой. И Цитрус ему отдали.

— А Чужих кто тогда выгнал? — спросил Снежок.

— А шаманы его, — кивнула Гоша на Зака. — Нашаманили какой-нибудь бабах, Чужие и бабахнули.

Заку вспоминать те бабахи было тяжело. Он и не помнил, но знал: бабахало все, кроме шаманов. Иначе отец бы об этом по десять раз на дню гордо повествовал.

— Чего ж тогда свалили все? — зло прищурился он. — Сидят сейчас на нормальных планетах и больше не рвутся шаманить.

— А выдохлись, — пожалала плечами Гоша. — Исчерпали по-тен-ци-ал.

И перевела гордый взгляд со Снежка на Зака, мол, даже умное слово получилось выговорить. А потом с деланным сочувствием добавила:

— Придется теперь тебе принимать эстафету.

— Не надоело? — холодно спросил Зак и очень серьезно посмотрел ей в глаза. — Маргарита, я уеду. Я не буду шаманом. Я не буду сидеть тут по горло в песке, жечь костры и петь песни. Здесь погибла вся моя семья. И меня уже тошнит от оранжевого. Мне в зеркало тошно смотреть. И на вас. Довольна?

Гоша надулась, и губы у нее нехорошо задрожали.

— У тебя отец еще жив, — напомнил Снежок, шагнул вперед так, чтобы прикрыть собой Гошу. Защитник хренов. — И он здесь.

— Моего отца давно нет, — отрезал Зак. Поднялся и выдрал из рук Снежка борд. Выдрал не сразу — Снежок поначалу испуганно вцепился в него, и только потом понял, что это они меняются — отпустил.

— Поехали, — сказал Зак, бросив борд на песок, и нажал ногой кнопку запуска. На них не смотрел. И правда — надоели.

— Ты хоть на часы глянь сначала, Гагарин фигов, — фыркнула Гоша за спиной — ее уже отпустило. — Чтоб мы под бот не попали.

— Кто фигов? — не понял Снежок.

— Seriously, — сказал Зак, коротко глянув на него через плечо, — из какого ты зоопарка?

Гоша заразительно расхохоталась, и Зак не видел, но знал, в красном свете лун сверкнули белые острые зубы. И это придавало Гоше вдвойне злобный вид. А она — и так не сахар.

— Идите вы, — пробормотал Снежок и осторожно взялся за борд Зака.

— Идем медленно, — скомандовал Зак, — чтоб все успели подстроиться под новые доски. Гоша, не гони, ясно?

— Так и скажите, что летать до сих пор не научились, — прищурилась она и погнала. Зак осторожно пошел следом. Он знал: Гоша лихачит, но умеет остановиться, когда нужно. Например, на входе в Зону, которую контролируют боты. Дальше они пойдут по слепым зонам. Которые Заку еще предстоит просчитать.

— Эй, — Снежок догнал его. Он никуда не спешил — стоял на борде осторожно, прислушивался к ощущениям. — А что, у кэриэра один движок?

Зак вопросительно глянул на него.

— Ты сказал, что Мист шел на одном движке, — напомнил Снежок.

— Не, то другая история, — отмахнулся Зак. — Там он на подбитой цэшке шел. И двух Чужих снес.

— Так на чем он ходил? — растерялся Снежок.

— Да фиг его знает, — пожал плечами Зак. — На всем ходил. Как увижу, уточню.

— А мне можно его увидеть? — попросился Снежок.

— Нельзя, — наставительно сказал Зак. — Мист секретный. Как все его проекты. И Зоны. И башня. Скоро будет. А вот будешь хорошо учиться — тогда тебе Миста покажут.

— Жаль, — сказал Снежок, и Зак понял: учиться он не будет. Никак.

«Жаль», - подумал Зак.

* * *

Он плохо помнил дни после Вторжения. Все его воспоминания о том времени были расплывшимся цветным пятном, всматриваться в которое совершенно не хотелось. Всё было смешано, и от всего было тошно.

Да он и не видел ничего — только в монитор, который принес отец. И слышал — из-за стен. Он лежал и молчал очень, очень долго.

Были торжественные похороны, хоть хоронить было нечего. Большая братская могила на весь поселок, и снова огни, и снова танцы и завывания, и снова песчаный ветер. Невнятные отголоски речей за стенами.

Был низкий рев — это прибыли прямо на похороны люди с оружием на своих машинах. Их выгнали.

Но они прилетали потом, снова и снова.

Отец злился, а Заку было страшно. Их всегда было много, их транспорт всегда рычал, оружие висело на поясах и за плечами. Да они были сплошь увешаны этим оружием. И наверное, от этого так тяжело ходили. Их ботинки вязли в песке, будто сам песок их останавливал. Так Заку казалось, или так говорил отец.

Откуда Заку было видеть их ботинки? Отец их ни к дому, ни тем более в дом не пускал. Каждый раз, как они появлялись на горизонте, говорил деревянным голосом:

— Жди внизу, мальчик, — и шел навстречу им.

Как будто Зак мог подняться!

Точнее, он-то мог, чисто физически — мог. У него ведь не болело ничего.

Он просто не хотел.

А отец выходил к ним и был очень маленьким, очень хрупким, стоя напротив десятка ревуших кораблей — Зак видел в монитор. И каждый раз ему казалось: сейчас они его раздавят. Но каждый раз он отстаивал свое право остаться здесь. Свое и Зака.

После их первого визита шаманов в поселке осталось трое: отец и еще два старика. После второго — остался лишь отец. И после третьего. И после четвертого.

Потом, наверное, все поняли, что ничего не получится у них с отцом.

А тот был очень горд собой и, выпивая понемногу запасы из погребов да раскуривая

сушеные травы, которым было лет, наверное, по сто, говорил Заку:

— Понял, какой у тебя папка? С места не сдвинусь, даже если армия придет.

— Что стало с другими? — спрашивал Зак.

— Они нас предали, — отрезал отец.

— Но что с ними стало? — настаивал Зак.

— Улетели куда-то, — отмахивался отец, — но ты не бойся. Я не улечу. Никуда не денусь. Кто-то же должен слушать Цитрус.

От него несло спиртным и куревом. В доме было темно и душно.

И Зак впервые поднялся на ноги, потому что ему захотелось выйти из дома — подышать. Впервые после Вторжения ему захотелось дышать.

А потом, через несколько дней, сидя наверху подъемника, он начал думать. И первым делом всерьез задумываться над тем, действительно ли те люди на кораблях желали зла. Первым делом, стоило начать думать, Зак усомнился в отце и в его системе ценностей.

«Хороший сын, ничего не скажешь», — мысленно корил он себя. Но мысль уже появилась, и девать ее было некуда. Осталась.

Никого рядом, чтоб обсудить эту мысль, не было, и Зак, надыхавшись, нырнул в подвалы. Он, в отличие от отца, искал там не спирт с курительными травами — информацию. Сначала рылся лишь в собственном подвале. Потом принялся вламываться в пустующие бункеры бывших соседей.

Находил старые книги, диски, карты. Но понять книги было трудно — читать Зак, если и умел раньше, то разучился напрочь. Видать, тоже последствия травмы. Он и как говорить — еле вспомнил, с силой выдрал себя из расплывшегося цветного пятна. Читать же пришлось учиться заново.

Чтоб разобраться с дисками и картами, ему была нужна машина. У отца такой не было, но Зак нашел в соседнем подвале старую, нерабочую. И принялся изучать механизм по книге, где было всё о механизмах, только буквы не разобрать. Но что Заку буквы? Там были чертежи. И чертежей хватило.

Прошло еще около полугода прежде, чем Зак научился свинчивать всё, что было нарисовано в книге, понимать всё, что там написано, и выходить в окружающий мир посредством Сети. Окружающий мир, правда, ограничивался Базой Джонса и Поселком под ней, но пока ему хватало. А иногда было даже слишком.

Зак понемногу находил все больше подтверждений тому, что его отец не герой. Что он безумец, и его война за свой дом — это всего лишь жалкие попытки не позволить себя спасти. А потом Зак пробрался в Сеть самой Базы.

И тут началось самое интересное.

На следующий день к нему прилетел Рэй МакКейн собственной персоной.

Зак к тому времени прекрасно знал, кто есть кто во всей этой странной полувоенной организации, в этом куске Флота, который обосновался на Цитрусе и не провозглашал независимости, но ему и провозглашать не надо было. Все и так всё поняли.

Зак знал, что эти люди сделали во время Вторжения, знал, что делают сейчас. Знал имена и фамилии, но лица всегда запоминал плохо. Потому, кто именно к нему пришел, поначалу даже не понял.

Видел в монитор, как с заносом затормозила небольшая машина. Как сверкнула в лучах Медузы. Как качнулась то в одну, то в другую сторону и наконец замерла. Машина была маленькой и тихой — не из цэшек. Вообще не из знакомых. И Зак, прилипший к смотровому

монитору, понял: это новая технология. Та самая, над которой сейчас вовсю работают на Базе. Кодовое название проекта: Муха.

Из кабины выбрался человек, прыгнул в песок, и Зак отметил: прыгнул легко. Не пытался песок его ни сожрать, ни остановить. И совсем не вязли в нем тяжелые армейские ботинки.

Человек шел к их бункеру уверенно, быстро, с ровной спиной, широко расправив массивные плечи. И был полнейшим антиподом тех, что являлись раньше. Он не прибыл с мини-армией на десятке рычащих штуковин, он не прятал лицо за маской, как делали все они — только повязка была на нижней части лица, но даже ее он снял, подойдя к бункеру вплотную, остановившись у динамика.

Отец к тому времени уже не ходил, и все равно попытался скомандовать Заку «сидеть», но тот решил: не в этот раз.

— Я выйду, — сказал он, и не слушая возражений одним прыжком оказался у подъемника. Нажал на кнопку и поехал вверх. Отец ругался и грозил кулаком, оставшись внизу. Беспомощный и безумный кусок гниющей плоти.

Зак поднялся, шагнул навстречу, и гость протянул руку, а Зак даже не сразу понял: поздороваться. Обычное человеческое приветствие — пожатие руки — было ему в новинку.

— Рэй, — представился человек, а Зак все еще обрабатывал пожатие руки и даже не подумал о том, что имя-то знакомое. Да и странно было об этом думать: что к нему может прибыть столь важное на Базе лицо. Второе, а в некоторых вопросах — и вовсе первое. Там у них было странное распределение обязанностей, в котором Зак до сих пор не мог разобраться.

Ему до сих пор казалось, что они и сами не всегда разбираются.

— Зак, — все еще растерянно ответил он.

У человека был пронзительный взгляд и большие глаза вязкого болотного цвета. Он щурился на Медузу, как все неместные, но прищур у этого был особым. Привычным и жестким. А потом он улыбнулся, и улыбка оказалась открытой, теплой, живой.

— Зак, — сказал он, — ты живешь здесь?

Зак молча кивнул.

— Кто-нибудь еще?

— Мой отец, — сказал Зак, — а в чем дело?

— Понимаешь, — он говорил проникновенно, доверительно, будто со старым другом, но в глаза смотрел цепко, пристально, — на Базе считают, что кто-то из твоего дома постоянно проникает к нам в Сеть.

— И каким образом? — Зак нахмурился и скрестил руки на груди. И очень четко увидел в серо-зеленом взгляде: именно в этот момент Рэй осознал, что он врет.

— Какую новую технику в последнее время покупали? — спросил Рэй.

— Холодильник, — мстительно ответил Зак.

— Ты из холодильника к нам в Сеть влез? — уточнил Рэй и как-то очень свойски сунул руки в карманы — совсем не по-военному. Как будто стоял здесь и говорил не всерьез. Не от лица Базы.

— Не понимаю...

— Хватит валять дурака, — мягко перебил его Рэй, — я тоже не понимаю, что у тебя там за сетевой холодильник. Но ты сейчас это мне расскажешь, а потом мы вместе решим, как дальше жить. Что взлом Сети Флота является злостным нарушением закона, ты ведь

должен понимать.

— Зачем вы меня запугиваете? — заинтересовался Зак. Рэй вскинул брови, но ответить не успел. Подъемник зажужжал за спиной, и Зак круто развернулся.

— Вон с моей территории, — знакомым уже деревянным голосом отчеканил поднявшийся в кресле отец. — А ты, — ткнул пальцем в Зака, — немедленно вернись в дом.

— Отец... — мягко начал Зак.

— Молчи, мальчик, — оборвал тот. — Закрой свой рот! Не смей разговаривать с ними!

Уставился исподлобья на Рэя и сухо спросил:

— Что вам нужно?

Рэй уже несколько секунд смотрел на отца с тем самым жестким прищуром, но старому пню было плевать. Он же пень.

— Сетевой холодильник, — ответил наконец Рэй.

— Сетевой... что?! — отец был невероятно возмущен вторжением на свою территорию. Еще больше он был возмущен тем фактом, что не понимает, о чем говорит Рэй. И почему улыбается Зак.

— Вон отсюда, — отчеканил он, глядя на Рэя, и ткнул кривым пальцем в сторону Базы. То ли изгонял Рэя туда, то ли пытался заодно с ним и всю Базу с планеты изгнать.

— Ладно, — легко согласился Рэй, кивнул Заку, предлагая пойти за собой. И медленно, прогулочным шагом, не вынимая рук из карманов, направился прочь.

— Вернись! — гневно крикнул отец Заку в спину. Тот не ответил, поравнялся с Рэем. На мгновение ему показалось, что Рэй его сейчас заберет с собой на Базу. Что, не останавливаясь, доведет до своей машины и скамандует лететь вместе с ним. И Зак понял, что был не против. Даже если в карцер посадят — он всего лишь поменяет одну тюрьму на другую.

— Еще шаг — и ты мне больше не сын! — донеслось из-за спины.

«Ага, — с мрачной злобой подумал Зак, — я тебе не сын по три раза на дню. Плюс еще один «несын» погоды не сделает».

— Завтра, — тихо сказал Рэй, остановившись, — принесешь свой холодильник мне на стол.

И Зак понял: никто его никуда не заберет. Придется выбирать самому. И понял, что будет выбирать. Что пора начинать.

— Заберете его? — так же тихо спросил Зак.

— Да, — честно ответил Рэй. — И на твоём месте я бы радовался, если дело ограничится только холодильником.

— Если бы вы хотели арестовать меня, сюда бы прилетела целая команда, устроили бы обыск, перевернули все вверх дном, задержали бы, допрашивали бы, — пожал плечами Зак. — Вы ведь вправе принимать силовые решения, когда видите угрозу безопасности Базе, Флоту и Гряде. Проникновение в Сеть Базы — это угроза. Не смотрите так, я знаю ваши правила... Но они прислали одного человека, правда? Вас. Значит, хотят диалога. О чем?

— Сначала холодильник, — наставительно сказал Рэй, — потом определим, кто чего хочет.

— Предположим, у меня есть какое-то железо, — осторожно заговорил Зак, поразмыслив недолго — одно мгновение, чтобы решить, что надо идти на сделку. Тем более — с Флотом. Они спасли планету, они спасли Гряду. И от них нужно не прятаться, не воевать с ними. С ними нужно работать.

Только кто его, Зака, возьмет с Флотом работать?

Так думал Зак, пока не встретил Рэя. И не решил, что пора начинать выбираться.

— И что, — осторожно заговорил он, — мне просто отнести его вам?

— Желательно с объяснительной, — кивнул Рэй, легко хлопнул его по плечу, прощаясь, и двинулся к своему кораблю, продолжая говорить на ходу, — в которой напишешь, какого лешего тебе спокойно не сиделось. И что именно ты сделал. И как ты это сделал.

— Меня пустят на Базу? — крикнул ему вслед Зак.

— Ха, — бросил через плечо Рэй, — разогнался. На проходной оставишь. Попросишь передать МакКейну.

Зак замер с открытым ртом, а Рэй подошел к странному кораблю из проекта Муха. Положил руку на борт, легко запрыгнул на крыло, а оттуда — скользнул в кабину.

Муха даже будто чуть качнулась в сторону, подставляясь, чтоб ему легче было прыгать.

А у Зака в голове проносились прочитанные сухие сводки о Рэе МакКейне. Их было мало, Рэй был темной фигурой. Чуть больше — слухов и домыслов. Вот Муха качнулась, и Зак тут же вспомнил басни, будто Рэя слушаются машины, будто он только коснется цэшки, а та уже летит сквозь пространство и время, чтоб навалить Чужим. Ну, или Миста прикрыть, пока тот наваливает. И спасти. И самому выжить.

* * *

Услышь Рэй рассказы о собственном мастерстве, он бы долго смеялся. Или уже не смеялся бы: серьезно, надоели. Ему приписывали подвиги, которых он не совершал, навыки, которыми он не обладал, добродетели, с которыми и рядом не стоял. Им с Мистом достались все лавры. Учитывая, что информацию по Вторжению взяли под жесткий контроль, толком никто ничего не знал, а вот слухов ходило полно. И их имена зачастую там фигурировали.

Два имени. Все любят победителей. Особенно — выживших победителей. Особенно — чудом выживших.

Остальным достались героические слезливые песни и занесенные песками пирамиды.

И никто уже даже слушать не хотел, никто не поверил бы, скажи Рэй правду.

Не было никакого мастерства. Потому что тренажеры — это одно, а настоящая машина — совсем другое. И на настоящих Рэя поначалу постоянно заносило, сносило, шатало, и ни хрена его не слушалось. Это у Ивора любая колымага шла вперед мягко и послушно. Наверное, только из-за Ивора Ким Джонс и терпел Рэя в своей группе. И даже приложил массу усилий, чтобы Рэй хоть на чем-то полетел ровно и хоть раз попал в цель.

И Рэй в конце концов полетел.

Глава 8. Свой характер

— У каждой птички свой характер, — сказал Ивор, развалившись высоко вверху, на спине своей цэшки и мечтательно глядя в сверкающий воздух над собой.

— Ты сейчас о девушках или о машинах? — уточнил Рэй снизу. Он в очередной раз врезал машину в скалу, заходя на посадку, и теперь ходил туда-сюда вдоль нее, дожидаясь сигнала возвращаться.

Настоящие цэшки очень отличались от тренажеров: рычали, хрипели, дергались. Их заносило на поворотах, а рычаги то ходили взад-вперед сами по себе, то нужно было тянуть так, что потом пальцы сводило, то вообще клинило к чертовой матери. Хотя Рэй догадывался, что не в машинах дело, что это его клинит, потому что всё было уже по-настоящему, и ему было страшно.

Он не был единственным из группы, кто испугался настоящих полетов. Двоих Ким выгнал после первого же вылета. Одного из ребят заклинило настолько, что тот еле успел катапультироваться, учебная цэшка — вмятку. Кажется, после этого он насовсем покинул Академию. Так что Рэй в принципе еще держался. И паниковал исключительно глубоко внутри себя, потому что Ивор всегда шел рядом и всегда был готов поржать над ним.

Вот кому было вообще плевать на то, насколько все вокруг настоящее. Он не просто выполнял задания, он выполнял их с блеском, играючи, рассказывая попутно какие-нибудь анекдоты на общем канале. Группа любила его. Машины любили его.

Девушки тоже, потому Рэй и уточнил, о каких именно птичках Ивор сейчас замечтался.

И только Кима Ивор очень сильно раздражал, но поделаться Ким ничего не мог — не переводить же его из-за плохого поведения в другую группу. Вдруг тогда у другой показатели выше станут? Ким бы такого не пережил.

— Я сейчас на девушке сижу? — спросил Ивор, потом опустил взгляд на цэшку и провел по металлическому корпусу ладонью, погладил.

— Не, на цэшке, — уверенно ответил Рэй, будто вопрос был не риторическим. — Девушек ты не так сильно любишь.

«Еще бы ему ее не любить...» — сердито подумал Рэй, бросив косой взгляд на свою, мирно стоявшую рядом и создающую ему очень удобную тень. Хоть чем-то эта гадина сегодня помогла. Хоть тенью.

«Еще бы ему ее не любить, — подумал Рэй, — она ж у него идеальная. Мягкая, легкая, чувствительная. Ей только скажи, куда надо, она сама пойдет».

Рэй сменил уже третью машину. И если уж говорить о характерах, то ему каждый раз попадались какие-то злобные стервы.

— С чего ты так решил? Про разные характеры? — спросил Рэй. — У тебя ж эта машина — первая и единственная. В отличие от девушек.

— С девушками сложнее, — задумчиво пробормотал Ивор. У него там как раз случилась очередная серьезная размолвка с барышней, которых, насколько Рэй помнил, случалось по пять раз на дню. Барышня была такая, боевая.

Они все здесь были боевыми, и Рэю это не нравилось. Он мечтал о женщине мягкой, доброй, нежной, вот как Иворова цэшка. А местные девчонки были куда больше похожими на машину Рэя. Такими же неконтролируемыми.

— Кому как, — пожал плечами Рэй.

— Ну, тебе-то со всеми сложно, — с насмешливым сочувствием отметил Ивор, Рэй подхватил с каменной поверхности пару камней и швырнул один из них вверх. Ив успел уклониться.

— А вот камнями кидаешься хорошо, — отметил он. — Метко.

И не успел уклониться от следующего броска, потому что не заметил, что камня было два. Камень глухо ударился в его грудь.

— А если б в голову попал? — лениво возмутился Ивор. — Я бы таким, как ты, стал!

— Я программу за полгода до поступления выучил, — напомнил Рэй.

— И как, помогло? — хмыкнул Ив. Так же лениво толкнулся рукой и плавно скользнул по сверкающему боку машины — съехал, как с горки. Легко приземлился. — Ты не выучил, землянин. Ты зазубрил.

— Я не выучил?! — возмутился Рэй, чувствуя, что еще пару слов — и он снова попытается врезать Ивору. И на этот раз даже может получиться — не просто же так они через день рукопашку отрабатывают до потери пульса. Хоть как-то это должно пригодиться в жизни.

— Ты слишком много думаешь, — пожал плечами Ив, — пытаешься что-то просчитать, вспоминаешь последовательности действий в каждом случае. Ты все их знаешь, я не спорю, но когда счет на секунды, надо не знать, землянин. Надо чувствовать.

— Машину? — недоверчиво переспросил Рэй.

— Машину, — кивнул Ивор. — Машина — это продолжение тебя. И всё, что происходит вокруг машины. И всё, что происходит с ней. Пока ты сфокусирован на одной точке, остальное летит к чертям. Тебе нужно расфокусироваться.

— Если я расфокусируюсь, сидя в цэшке, к чертям полетит вся Академия, — честно сказал Рэй, — я в главный корпус обязательно врежусь.

— Лузер, — ухмыльнулся Ивор.

— Зато могу как сфокусироваться, так и расфокусироваться, — ухмыльнулся в ответ Рэй, — а ты по жизни расфокусированный. Думать, между прочим, тоже иногда надо уметь. Знать что-нибудь. Оно пригодится.

— Ты меня сейчас глупым назвал? — уточнил Ив.

Рэй кивнул.

— Знаешь, землянин, — угрожающе начал Ив и даже двинулся к нему, и вполне вероятно, у них случилась бы очередная драка, но в этот момент пискнули передатчики. Подали сигнал возвращаться.

— Тебе повезло, — хмыкнул Ив, развернулся и зашагал к цэшке.

— Это тебе повезло, — сказал ему вслед Рэй. И добавил, разворачиваясь к своей машине. — Придурок.

— Я слышал! — крикнул Ив.

— Я знаю, — равнодушно отозвался Рэй.

Потом он думал, что хорошо, что они тогда не подрались. Потому что без синяков точно не обошлось бы, а на месте посадки их ждал Ким. Стоял у самой границы дрома, внимательно наблюдая за тем, как они приземляются. Без очков, без наушников, без шлема. Будто они на такси съезжаются в гости, а не цэшки сажают пятый раз в жизни. Само по себе решение подойти к дрому в их случае — особенно учитывая наличие в команде Рэя — было довольно смелым. Никак не прикрыть глаза, уши и голову в целом — вообще на грани идиотизма.

Но Ким часто бывал таким — на грани идиотизма. И своими глазами ему было куда виднее, чем на видео с камер.

И за неподобающий внешний вид — синяки и ссадины — он их точно съел бы.

А так — дождался, пока все сядут, выпрыгнут из кабин и сформируют какое-то подобие строя перед ним. В очередной раз скользнул равнодушным взглядом по смятой передней панели Рэевой цэшки и спросил:

— Девятый, почему вы считаете себя умнее всех?

Рэй так растерялся, что даже на Ивора вопросительно покосился. Как будто они с Кимом могли сговориться. Но тот только расплылся в довольной улыбке и вопросительно выгнул бровь, мол, давай, отвечай на поставленный вопрос. Землянин. — По результатам тестов, — мстительно ответил Рэй Ивору.

Конечно, Ивор издевался не всерьез, а Рэй злился — тем более. На себя злился, да. Не Кима — это без вопросов, на него все всегда злились. Но не на Ива.

По крайней мере, сейчас Рэй себя старательно в этом убеждал. На братьев не злятся. А если братья уходят, внутри остается дыра. Потом эта дыра забивается ржавым сухим песком. В нем, сухом и скрипучем, тонут все воспоминания, и цепляешься уже не за них — стараешься хотя бы цвет глаз не забыть.

Чтоб хотя бы цвет глаз остался.

— Вы можете лучше, девятый, — сказал ему тогда Ким. — У вас есть потенциал, но вы ленитесь. Так бывает, когда считаешь себя умнее всех. Вам что-то легко давалось раньше? Корабль вам легко не дастся. И результаты тестов в бою вам никак не помогут.

— Ага, давай, Джонс, — пожал плечами Ивор, — попытайся ты теперь.

— Что? — очень холодно и очень ровно спросил Ким, разворачиваясь к Иву.

— Я говорю... — начал Ив, но Ким перебил. Включился. Вспыхнул мертвый только что взгляд, и Ким заговорил быстро, неожиданно жестко, мгновенно растеряв из голоса ленивое равнодушие.

— Я слышу, что вы говорите. И это меня не устраивает, потому что мне не нужно, чтобы вы говорили, мне нужно, чтобы вы слушали. Хотите сказать, десятый, вы уже пытались рассказать МакКейну, как ему летать? И почему он должен слушать вас? К природному таланту, десятый, неплохо было бы приложить немного усилий. Самую малость, сможете?

Ким обвел взглядом группу, помолчал. А потом с прежним равнодушием и легким отстраненным презрением бросил:

— Вы — все вы — пока ничего из себя не представляете. Работайте.

* * *

Он повторял свое «работайте», а Рэй продолжал мять панели, терять курсы и стрелять мимо цели. Хорошо, в общем, что маневры отрабатывали на пустых полигонах. Но даже там Рэй умудрялся что-нибудь уничтожить. Что-нибудь не то, что нужно.

Однажды, вместо того, чтобы попасть в цель, снес залпом половину старого заброшенного ангара. Бессильно зарычал, ударил ладонью по стене и чуть было не снес остатки ангара к чертовой матери просто со злости.

Ивор, который шел следом, как ни странно, промолчал. Почувствовал, наверное, что Рэй готов сейчас не только ангар разносить. Зато Ким заговорил. Киму-то что — он был далеко.

Его так просто было не разнести даже при очень большом желании.

— Хватит целиться не туда, девятый, — устало сказал он. — Представьте, что там люди. Что там котята и щеночки. И не стреляйте по щеночкам, ладно? Представьте, что везде, кроме цели, щеночки. А вы у нас добрый и справедливый. И оч-чень умный. По результатам тестов.

Ивор тогда откровенно заржал. А Рэй собрался.

Разозлился и собрался.

И впервые удержал цэшку ровно. И попал, куда надо.

Ким потом в присущей ему равнодушно-презрительной манере вынес Рэю торжественную благодарность за спасение животных. И ржал не только Ивор — ржали уже все.

Рэй даже не обиделся — Рэй переваривал новые ощущения. И легонько погладил по сверкающему боку свою цэшку, возвращая ее вечером в ангар. Тогда он начал сживаться с ней, притираться к ее стервозному характеру. И сжился. И даже немного полюбил. А потом они вместе воевали против Чужих. И почти до последнего она продержалась. Стерва была та еще, живучая гадина, из вредности не разваливалась на части.

С Мухами было проще — у Мух не было характеров, никаких. Мухи были идеальными и послушными механизмами. Рэй думал, что цэшки тоже были бы такими же, если бы их собирал Мист.

Но тогда Миста еще не было, был Ким. Который с тех пор ни разу не упустил шанса напомнить Рэю о щеночках в ангаре.

* * *

И однажды достал так, что Рэй чуть не врезал ему.

Едва сдержался, когда Ким его в очередной раз отчитал, хотя отчитывать было не за что — Рэй уже понимал, что делает, и точно знал: он всё сделал правильно. Не идеально, как мог Ивор, которого тогда в очередной раз отстранили от полетов за хулиганские выходки и отправили отрабатывать марш-бросок. Не идеально, но правильно.

А Киму нужно было, чтоб идеально.

И Ким снова начал о щеночках, а закончил кратким разъяснением, какие они все ничтожества. Рэй старательно сдерживался и даже в глаза ему не смотрел, чтоб не врезать все-таки, если вдруг наткнется на осточертевший равнодушный презрительный взгляд. Старательно сдерживался всю дорогу до комнаты.

И только там, оглушительно захлопнув за собой дверь, рявкнул:

— Задолбал!

— Джонс? — лениво спросил Ивор. Он лежал на койке, забросив ноги в грязных ботинках на ее спинку и затягивался своей вонючей сигаретой. Он даже на Рейне — куске сверкающего чистого камня — где-то эту дрянь раздобыл.

— А ты чего здесь? — удивился Рэй.

— Не заметил? — хмыкнул Ив. — Время, проведенное с Джонсом, быстро пролетает, да? Уже вечер, землянин. Вы летали целый день. Вы летали, я бегал.

— Говорил тебе не лезть в тот ангар, — напомнил Рэй.

— Долго будешь мне это вспоминать?

— Пока еще что-нибудь не сломаешь, — отрезал Рэй и с размаху уселся на свою койку. Койка жалобно скрипнула. Рэй стукнул ее кулаком.

— Которая это планета в Гряде? — спросил сквозь зубы. — Планеты, блин, осваиваем, а койки нормальные поставить не можем!

И снова ее стукнул.

— Хватит бить мебель, — сказал Ивор, забросил руку за голову и уставился в потолок. — Мебель не виновата. Ты смотри, как тебя цепануло-то...

Обычно Рэй старался быть нейтральным и справедливым. Обычно в диалог вклинивался Ивор, и любые наезды Кима превращались в фарс. Ивору-то всё было нипочем.

Рэй принялся стаскивать ботинки, бормоча под нос:

— Он даже табуретку из себя выведет!

— Иногда он меня пугает, — задумчиво сообщил Ивор после паузы и выдохнул в потолок кольцо серого дыма.

— Да-а-а?! — протянул Рэй. Потому что не было похоже, чтобы Джонс пугал Ивора.

— Он как робот, — сказал Ив. — Он хренов андроид. Его ничем не проймешь.

— Сын, — сказал Рэй.

— А? — спросил Ив.

— Он наварху сын, я пробил по базе.

— Тогда это многое объясняет, — хмыкнул Ив. — Наварх мог втихаря создать андроида? Вот ты уверен, на сто процентов, что Ким Джонс — настоящий? Что он человек?

Рэй задумался, пожал плечами.

— Да человек он... Человек-мудак.

— Я ему не доверяю, — сказал Ив. — Ни как человеку, ни как Гайду. Это же страшно — идти в бой по его установкам. Я не понимаю ни его логики, ни системы ценностей, он как гребаный пришелец!

— Только что он был андроид, — напомнил Рэй.

— Пока вижу, куда лечу — ладно, — продолжил Ивор, — а если в космосе? С экранами? В темноте? Как я могу выполнять его команды, не зная, куда он меня ведет? Я не верю ему!

Ивор говорил серьезно. Раньше, до Рейны, он никогда не говорил так серьезно. А теперь вот начал — и слишком часто. Внезапно повзрослел.

— Он чувствует что-то? Ему что-то интересно? Он чего-нибудь боится?

— Да боится наверняка, — сказал Рэй. — Просто не тебя, вот ты и бесишься. Но чего-нибудь точно боится. Нужно только правильно напугать.

Ивор задумчиво прищурился.

— Нет, — сказал Рэй, — не тебе. Ты лучший в Первой. И он тебя только за это терпит. Пока — терпит.

— А тебя он не испугается, — вздохнул Ивор, — у тебя глаза добрые. По тебе видно, что ты тряпка.

Рэй швырнул в него ботинок. Ботинок пролетел над Ивом и ударился о стену, упал рядом, на койку. Ив надолго задумчиво уставился на него, отметил:

— И еще у тебя проблемы со словарным запасом. Кидаешься вещами вместо аргументированных... — а потом, перебивая себя, радостно провозгласил. — Навархом!

Озарение на него снизошло.

— Навархом его пугать можно! Наварха все боятся. Даже Чужие.

— Или он их, — отметил Рэй, который прекрасно слышал панические нотки в речах наварха, когда тот затрагивал тему Чужих. Когда он просто это слово произносил. Никто никогда не нападал на Гряду, человечество давно уже уверилось в том, что одиноко во вселенной, и лишь наварх всячески наращивал мощности Флота, чтоб действовать в случае необходимости.

* * *

Мощностей едва хватило.
Пророк он хренов.

* * *

Сирена взвыла поздним вечером.

* * *

Сирены тут включали часто, особенно Ким любил включить. И обязательно — ночью. Еще лучше — под утро. Проверить готовность.

Ким вообще любил проверять готовность. Взял себе три группы в работу, и у всех проверял готовность. И со всеми летал, и всем твердил свое «работайте». И все втайне мечтали, чтоб он как-нибудь случайно если не самоубился, то ногу бы хотя бы поломал. Или простыл бы.

Но он был непробиваем. Не чихнул даже ни разу. Чертил схемы, подбирал условия, гонял на полигоны и в горы — с марш-бросками. Сам он, конечно, с группой никогда не шел. Он бы не прошел и половину маршрута. Он был все так же медлительным, равнодушным и сонным.

— Может, сказать ему, что людям положено спать? — спрашивал Рэй.

— Это — людям, — напоминал Ив. — Он андроид. Только у него какая-то фигня с софтом. Он подтормаживает. И у него в программе нет кнопки «стоп» — вон как продолжает набирать группы.

— Зачем ему столько групп?

— А он тиран. Ему доставляет удовольствие издеваться над другими.

— Я вот не вижу, чтоб он был очень доволен. Мне даже кажется, что ему это тяжело.

— Андроиды не умеют быть довольными.

— Так тиран он, пришелец или андроид?

— Всего понемногу. А у тебя, землянин, кажется, Стокгольмский синдром. Он тебя мордой в грязь, а ты: «ох, как ему тяжело».

— Понимаешь, — сказал, подумав, Рэй, — мне правда кажется, что ему тяжело. Что он не любит Рейну, что не хочет здесь находиться, и его здесь всё раздражает. Мы в том числе. Потому он такой мудака.

— Он мудака, потому что мудака, — отрезал Ивор.

Намного позже Рэй понял, что Ким мыслит иными категориями, что у него нет «любит» и «раздражает», и естественно никакого «хочет-не хочет». Ким действует оптимально. И тогда он набрал максимально допустимое количество групп — чтоб научить. Как можно больше детей — научить. Проблема была в том, что он не умел учить.

Он вообще, как сейчас стало ясно, детей побаивается.

Глава 9. Решения

Ну, и наварха он боялся, к гадалке не ходи. Все стало ясно, стоило увидеть однажды его реакцию на внеплановый визит дорогого родителя. Наварх прибыл с неожиданными проверками, и первым делом, конечно же, вознамерился проверить Первую группу.

Он даже лично на утреннюю планерку заглянул.

Вошел: высокий, ровный, широко расправив плечи, отбивая каждый шаг. И Ким, говоривший в это время, оборвал себя на полуслове. Медленно развернулся к нему, вперился равнодушным змеиным взглядом.

— Ваще не похож, — шепнул Ив, и Рэй легонько толкнул его локтем: молчи. Ему же — что Ким, что наварх, что весь Совет Гряды. Ляпнет еще чего, усядется где-нибудь, ногу на ногу забросит и поинтересуется насчет создания андроидов.

— Первая группа, — отчеканил наварх, и голос у него был знакомым. Так чеканил слова Ким, когда включался и прекращал бормотать себе под нос, будто кашу жует. — Меняем планы. Гайд получит схему, у вас десять минут на подготовку. Покажите, на что способны, ребята.

В последнем предложении в голосе появились незнакомые теплые нотки. Наварх с первого же взгляда вызывал куда больше симпатии, чем его сын. Он еще приветственной речью Рэю, которую толкал для новичков, стоя на балконе главного корпуса Академии, запомнился таким могучим, но добрым мужиком, и сейчас лишь подтвердил то впечатление.

Ив хмыкнул, за что получил еще один тычок локтем.

— Вы слышали, — холодно сказал Ким, — на тренажеры, по креслам, бегом.

Наварх коротко кивнул, отзывая его в сторону, Рэй поднялся и многозначительно глянул на Ивора, призывая к тишине. Тот пожал плечами, мол, а я чё? Я ничё.

И заговорил, как только они вышли за дверь.

— Что хорошо? — сказал он. — Что тренажеры. Видать, слишком сложная у наварха схема, чтоб настоящий полигон строить. И ты, соответственно, не снесешь главный корпус Академии, проникнувшись торжественностью момента.

Рэй в третий раз двинул его локтем, Ивор радостно и чересчур громко заржал. Рэй по смеху распознал — Ивор нервничал.

Все они нервничали.

Но не так, как Ким.

У Рэя барахлил микрофон, и он, коротко глянув на часы и убедившись, что время еще есть, выскочил в коридор — метнуться в технический отдел, поменять шлем. Он был совсем рядом, прямо за углом, но Рэй до него не дошел. Увидел Кима.

Тот стоял у подоконника, оперевшись в него ладонями и пристально глядя вдаль, будто пытался прожечь взглядом что-то на горизонте, видимое ему одному.

— Ты не должен наставлять нас на путь истинный? — уточнил Рэй, притормозив рядом.

— Отдохнете еще минуточку, — сказал Ким и, будто бы нехотя, оторвался от окна, медленно развернулся к Рэю, задумчиво глянул на шлем и уточнил. — Уже сломали?

— Это не я, — тут же принялся оправдываться Рэй, — это до меня...

— Прекрасно, — кивнул Ким и холодно уставился в глаза тем самым взглядом, от

которого выворачивало. — Как будто вы без технических неисправностей мало налаживаете.

Рэй тяжело вздохнул. А Ким смотрел ему в глаза этим своим убийственным взглядом и будто бы ждал ответа.

— Я сейчас поменяю шлем, — примирительно сказал Рэй, — и мы очень постараемся все сделать правильно. Ты уже подготовил решение схемы?

— Решения не готовят, девятый, — ровно сообщил Ким, — их видят. Или не видят. Смотря кому дать схему. Я — вижу. Так же, как вижу, что вы совершенно не готовы к такой схеме.

— Мы готовы, — уверенно сказал Рэй, — и хватит нервничать. Нам не нужен нервный Гайд. Я понимаю, отец — это всегда непросто. У меня у самого проблемы с...

Рэй не закончил. Это было чистой правдой. У него были проблемы с отцом: тот так и не простил сыну внезапного поступления в Академию Флота. Но Рэй не закончил: споткнулся об изумленно вздернутые брови Кима и полный абсолютного холодного изумления взгляд.

Осекся и спросил:

— Что?

— Раньше мне казалось, человечеству не повезло, что вы решили его защищать, девятый, — ровно сообщил Ким. — Теперь вижу, что в этом есть и плюсы для человечества. Вы ведь могли податься в психологи.

— Очень смешно, — кивнул Рэй. — Про щенков еще надо.

— Боюсь, в процессе сегодняшнего вылета, вы угробите их не один десяток, — отметил Ким.

— Мы готовы, — твердо повторил Рэй. — И ты готов со схемой, так? И если что-то пойдет не так, это будет наша вина — не твоя.

— Да? — спросил Ким со странной интонацией, очень тихо и очень недобро. Ким брал на себя всю ответственность. Всегда и полную.

Но все же развернулся и пошел к тренажерной. Рэй глянул на часы и шагнул следом.

— В конце концов, у нас есть Ивор, — слабо напомнил он Киму в спину.

— Ты действительно искренне веришь в то, что это плюс? — спросил Ким, обернувшись через плечо, неожиданно по-человечески спросил, с какими-то сложными сплетениями оттенков эмоций в голосе. И Рэй пожалел, что не записал этого на видео — доказал бы Ивору, что нифига он не андроид. Обычный человек, который просто ни в кого из них не верит. Кажется, в себя — в первую очередь.

И определенно боится папу.

— Хорошо, — сказал Ким, когда Рэй скользнул в тренажерную следом за ним, и свет приглушили. — Смотрим вводные, смотрим на схему...

— Ходил за шлемом — притащил Джонса, — тихо хмыкнул Ив, как только Рэй упал в соседнее кресло. — Напомни мне не посылать тебя больше за... да ни за чем тебя нельзя посылать. Тут не предугадаешь...

— Дес-сятый! — совсем уже по-змеиному зашипел Ким. — Я в третий раз спрашивать не буду.

— А? — заинтересованно вскинулся Ив и снова забросил ногу на ногу.

— Схему все запомнили? — спросил все-таки в третий раз Ким, и Ивор фыркнул.

— Она ж кривая, — пожал он огромными плечами, и все замерли. И кажется, даже дышать на всякий случай прекратили.

— Минута до старта, — холодно напомнил Ким. — Успеете разьяснить, что вас в ней

не устраивает?

— Второй заход, — сказал Ивор. — Смысл идти по дуге и рисковать попасть под огонь, если можно нырнуть и выйти уровнем ниже, пойти на брющем?

— Уровнем ниже по вам стрелять не будут? — холодно уточнил Ким.

— Забыл вводные данные от страха, Джонс? — сочувственно уточнил Ивор. — Тяжелые наземные пушки. Чтоб опустить их на сорок пять градусов необходимо пять секунд. Чтобы нырнуть — две.

— Две? — переспросил Ким. — Нырять на тяге планируете?

— А мы все равно себя обнаружили, заход-то второй, — Ивор развел руками. — Почему нет?

— Выровнять на выходе сможете?

— Еще одна секунда. И одна чтобы дать залп. Считать помнишь как, Джонс? Я помогу. Это получается четыре. А пушкам надо пять. Кто победит?

И тут — Рэй готов был поклясться — Ким улыбнулся. Короткая, почти незаметная улыбка коснулась губ, а через мгновение Ким с привычным равнодушием скомандовал:

— Идем по схеме два. Группа, маски. Первый заход по плану, даю вводные на второй...

Пока он командовал, а группа натягивала маски, Ивор с довольной ухмылкой покосился на Рэя — в темноте блеснули синие глаза — и насмешливо спросил:

— И кто теперь умнее, землянин?

— Я, — ответил ему Рэй, — я просто отвлекся.

Он просто не видел смысла спорить с Кимом. А Ивор постоянно искал, к чему прицепиться. Как еще ему насолить.

— Галерка! — все с тем же безразличием окликнул Ким. — Вам всегда будет необходимо отдельное приглашение?

«Но он не насолит сейчас, — думал Рэй, ныряя в шлем. — Он сделал все в точности, как хотел Ким. Ким же специально дал кривую схему — проверял».

Рэй тогда рассредоточился — точно как учил его Ивор. Потому что слишком серьезно задумался над тем, что, черт возьми, творится в голове у их Гайда. А потом мысленно махнул рукой на него: там черт ногу сломит.

И дал залп по цели.

* * *

Команда для выхода во Вторую Зону уже ждала на низком старте. Последний сегмент хотелось добить поскорее. Хотелось двигаться дальше, чтобы хоть куда-то двигаться.

Укомплектованные тяжелые самоходки стояли на низких оборотах, в воздухе над ними с тихим жужжанием зависли дроны. Ребята возились с Мухами. Проверяли каждую гайку, потому что знали — от гайки в вылазках может зависеть всё.

И даже если выпавшая гайка никого не погубит, то погубит потом Мист. Лично. Потому что у него каждая гайка — подотчетная. И Рэй тоже попадет — как ответственный за вылазку.

Хоть в этом деле Мист научился делегировать.

Раньше сам бродил кривой тенью среди машин и осматривал. Еще и зависал, а парни пугались. Парням лучше в Зону, чем Мист, зависший в кровавом свете местных лун у крыла

подотчетной Мухи.

Они выходили ночью, чтобы прибыть на место с рассветом. Бросок в Зону, особенно первый в сегмент, разведывательный, — дело нелегкое и обычно очень, очень медленное.

Луны медленно ползли к горизонту. Машины так же медленно плыли над песками. Рэй думал о том, что первым делом нужно будет расчистить территорию, достаточно большую, чтоб разбить там лагерь.

Хорошо, погода позволяла. Бывали на Цитрусе и дни, и недели, когда бури то шли одна за другой, то утихали, но оставляли за собой шквальный ветер и мечущиеся по воздуху тучи песка, и ничего, кроме песчаных миражей, за ними было не рассмотреть.

Тогда выход задерживали — до затишья. На этот раз даже задерживать не пришлось — впервые Цитрус будто бы решил подыграть. Если не подыграть, то хотя бы не вмешиваться в планы.

Сидеть на крыле Мухи было удобнее, чем в кабине. Обзор лучше, воздуха больше, а штурвал можно держать и одной рукой. Они давно так ходили — когда Мист не видел. Как положено в Мухах сидели разве что новички. И те — недолго, быстро осваивались и перебирались на крылья. Конечно, если Муха выходила на маневры, то тут уже надо было и в кабину, и пристегнуться, и крышку опустить. Или если буря — тут надо было задраиваться и заземляться по полной программе. Но увидеть, почувствовать приближение той же бури куда проще было, сидя на крыле.

Цитрус всегда предупреждал об ударе — перед бурей воздух становился суше, а вечный привкус железа в воздухе становился сильнее. Но не сейчас. Сейчас воздух был мягким. И даже свет лун не отдавал кровью.

Самоходки впереди едва ползли, но они — дело необходимое.

Это Рэй понял после того, как однажды нарвались на самострелы, и им очень повезло, что впереди перли грузовики, а не Мухи с людьми на борту. Такой порядок выстроил Мист. Как знал, зараза. Он будто бы все заранее знал.

Будто не Зак был здесь чертовым шаманом, а Мист.

* * *

Это было пару лет назад, где-то на середине работ по Второй.

Шли привычным строем, а потом впереди гроыхнуло.

Рэй даже не сразу понял, что за грохот, и лишь через долю секунды осознал: шквальный огонь по грузовикам. Он настолько не ожидал такого поворота в этом, изученном вдоль и поперек, испещренном уже траекториями дронов сегменте Зоны, что на осознание ушла драгоценная доля секунды.

Во вторую долю он крикнул:

— Отходим! — скользнул с крыла в кабину и начал разворот.

Мухи рванули врассыпную, транспортеры начали торможение. Огромные ленивые черепахи.

— Защитные экраны на грузовики! — скомандовал Рэй. Грузовики вели ребята на одной из Мух. — Завершить торможение и задний ход. Мухи — ко мне. Оружие к бою!

— Закончил? — с прохладным раздражением спросил в наушнике Мист. — Теперь доложи. Что там за хрень?

— Самострелы, — пробормотал Рэй, — шквальный огонь по грузовикам. Тут точно были боты, Мист?

— Транспортеры отходят? — спросил Мист.

— Да, — ответил Рэй.

— Огонь все еще ведется?

— Сейчас экраны пробьют!

— Расстояние до грузовиков? — спросил Мист. — И до вас. И выводы. У кого-нибудь, кроме меня, есть выводы? Идеи, предложения?

— Мист, мать твою! — процедил Рэй. — Ты будешь тут загадки загадывать, пока по нам стреляют?!

— Это просто, — ровно ответил тот. — Нужно минимизировать риски. Кто-нибудь?

«Конечно, тебе просто, мудила! — подумал Рэй. — Ты сидишь на мягком кресле в кабинете, вокруг тебя ничего не грохочет. Конечно, тебе просто!».

Он понимал, что нечестно обвиняет Миста, он знал: Мист остается собой в любой ситуации, и ему совершенно все равно, где сидеть, и что происходит вокруг. Он вел бы себя так же, сидя здесь, рядом. Он вел себя так всегда. Все еще пытался их научить. В любой ситуации — научить. И любой ценой. Это у него, кажется, вообще девиз по жизни: «любой ценой».

Он делал это и тогда, с проверкой наварха и со своей кривой схемой, он делает это сейчас. Он намеренно заставляет их принимать тяжелые решения в тяжелых ситуациях. И теперь Рэй, кажется, начал понимать, почему. Потому что кто-то, кроме Миста, должен уметь принимать решения.

Проблема была лишь в том, что Ивора с ними уже не было. А Рэю решения их чертовьи задач никогда не давались просто.

— Всем оставаться на местах, — сказал Рэй, и сам услышал, как напряженно лязгнул голос. — Никому не двигаться. Транспортерам — тоже.

И повел Муху вниз — на сближение с источником огня.

— Не думал, что поймешь, — хмыкнул Мист.

— Твоя вера в меня всегда придает сил, — процедил Рэй сквозь зубы. И нырнул под одну огневую линию, прошел над второй и выстрелил еще два раза прежде, чем его зацепило. Муху занесло, закрутило. Рэй катапультировался.

Муха громынула сбоку. Рэй упал на песок, перекатился через плечо и с колена продолжил расстреливать источники огня — уже из ручного оружия. А потом поднялся и продолжил.

Получилось дольше, чем из Мухи, но получилось. Раз выстрел, два, три, взрыв — тишина. И еще раз — раз, два, три, бабах. И снова.

А потом замолчало все.

Рэй вскинул руку и плавно опустил — команда парням на снижение.

— Ну? — спросил в наушнике Мист.

— Самострелы... уничтожены, — пробормотал Рэй, восстанавливая дыхание. — Потери — одна Муха. Требую... фу-ух... медаль.

— Внимание, группа, — сказал Мист, — кто скажет, что произошло? Почему МакКейн пошел один?

Все молчали. Мист вздохнул с привычным раздражением. Ответил сам:

— Данная система наведения не видит мелкие объекты. Не видит ботов, не видит Мух.

Только транспортеры. Пойди Мухи дальше рядом или строем, близко друг к другу, система смогла бы их идентифицировать. Но не одну Муху на тихом ходу. МакКейн, откуда мы знаем, что она не видит Мух?

— Мухи были на том же расстоянии, что и транспортеры, до начала огня — еще ближе, — ответил Рэй. Он немного отдышался и теперь осторожно разминал шею. Шея не была готова к таким кувыркам. Сам он — тоже. И ничего он не знал. Он просто понял, что надо идти вниз одному. Почувствовал, что надо. А потом уже разобрался, что сделал.

Если говорить терминами Ивора, он в момент принятия решения был очень, очень расфокусирован.

— Но система распознала только грузовики, — завершил объяснение он.

— Значит? — нетерпеливо подогнал его Мист. Оказывается, нифига он еще не завершил.

— Значит, стреляет исключительно по крупным объектам.

— Значит, МакКейн? Не спим!

— Значит... сама является частью чего-то крупного?

— Да, — согласился Мист. — Вероятно, да. Соберите все, что от нее осталось. Если от нее еще что-то осталось.

— А медаль? — спросил Рэй.

— Обойдешься моей верой в тебя, — отозвался Мист и отключился.

С тех пор грузовики всегда шли вперед. А над ними — дроны. Потому что Мисту надоело спрашивать, что происходит, — он хотел видеть.

Сам он ходить не мог — не в такие вылазки. Очень медленно и по базе — еще куда ни шло, но не дальше. Рэю даже казалось, что он боится сесть за штурвал. С того самого дня боится. И предпочитает не летать даже в качестве пассажира. Даже если ему очень интересно посмотреть на что-нибудь — отправит дрона. Или Рэя.

Он даже к Заку ни разу не заглядывал, хотя сколько тут до Зака? Тут пешком дойти — пару часов. Не Мисту — Мисту все десять. Но на Мухе-то — за полчаса на самых низких оборотах доплыть можно.

Но Мист боялся. И летать, и Зака. И папу. И Чужих.

Иногда Рэю казалось, что Мист боялся всего.

Глава 10. Буря

Под бордами плыл бесконечный красный песок. Вдалеке показался черный кусок металла, похожий на гигантский акулий плавник.

Они дошли до Третьей.

— Замерли, — прошептал Зак и тихо спустил борд на песок. Присел сам. Гоша со Снежком опустились за спиной. Через минуту в нескольких метрах от них должен был пройти дрон. Дрон будет смотреть в другую сторону, но лучше лишний раз не дергаться — вдруг на нем еще и датчики движения есть.

Он уже тихо жужжал неподалеку, шум моторов нарастал, и вскоре его стало видно. Темную машину в красном полумраке.

Дрон неспешно плыл над песками, не обращая на них никакого внимания.

— Как ты помнишь все? — прошептал Снежок. — Время и маршруты? Это возможно запомнить?

— Я гений, — объяснил Зак.

— У меня другой вопрос, гений, — сказала Гоша, — как у тебя вообще оказалась карта движения ботов?

— Я был в их системе, — пожал плечами Зак, не отрывая взгляда от бота. — Я много карт оттуда вытащил.

— И карта битвы за Цитрус там есть? — спросил Снежок. Кажется, теперь ему стало интересно, что же над Цитрусом было.

— Есть, — ответил Зак, — но сложная. Ее я пока не могу разобрать.

— А говорил — гений, — хмыкнула Гоша. — Ты лучше скажи, гений, как мы тут что-нибудь без металлоискателей найдем?

— Начнем с плавника, — Зак кивнул на торчащую из песка черную тень. — Потом пойдем кругами. Сделаем свои Зоны.

— У нас инструментов нет, — напомнил Снежок. — Может, пусть эта вылазка — пробная? Потом вернемся с инструментами. Мист ведь так делает?

— Чего ты? — удивилась Гоша. — Испугался? Давай хоть попробуем. Время есть.

— Много? — недоверчиво хмыкнул Снежок. — Рассвет уже скоро.

Зак обернулся к нему. По его расчетам у них была еще пара часов. Проследил за взглядом Снежка и вздрогнул. Небо на горизонте было оранжевым. Обычно такой оттенок ему придает восходящее светило, но светило еще рано было восходить. Рано ведь?

Зак глянул на встроенные в ком часы, снова на полосу.

Стащил перчатку и приложил ладонь к песку. Цитрус едва заметно подрагивал под рукой. Не физически — дрожь была в глубине планеты. И понемногу нарастала, рвалась наверх.

— Это буря, — тихо сказал Зак, не отрывая взгляда от оранжевой полосы. — Очень сильная буря.

— Да ну, — недоверчиво буркнула Гоша, потянула носом воздух, тоже зачем-то потрогала песок. Глянула на Зака и уточнила. — Сюда идет?

Зак снова протянул ладонь к песку и за мгновение до касания почувствовал — песок взметнулся под рукой маленьким вихриком. Послушно лег под ладонь.

Зак закрыл глаза.

И в темноте, под напряженное сопение Гоши над ухом, почувствовал, как во рту пересыхает, а следом появляется железный вкус. Не просто намек на него, как всегда перед бурей, нет, будто полный рот крови набрал.

Зак открыл глаза и сплунул, пристально глядя в полосу на горизонте.

Да, буря идет сюда. И такие бури сюда еще не приходили.

— Она быстрая, — тихо сказал Зак, не отводя взгляда. За эти несколько секунд полоса стала шире. — Не успеем дойти до Базы. Черт, ее хоть на Базе видят?

Порыв ветра швырнул в них горсть песка. Протяжно заскрипел акулий плавник.

— Они там спят все... — пробормотала Гоша.

— Мист не спит, — не согласился Зак. Оглянулся и решительно поднялся. — Вот Миста мы и позовем.

— Ты что делаешь? — зашипела за спиной Гоша.

— Будем сдаваться, — твердо ответил Зак. — Предупредим об опасности. Попросим укрытия. По периметру Зон есть бункеры. Говорят.

Покосился на нее через плечо и подмигнул:

— Прорвемся, Гоша. Погнались.

Нажал пяткой на кнопку, и борд рванул вперед — следом за тяжелым дроном.

— Ты знаешь, что у него на дронах пушки? — процедила Гоша, догоняя. Она злилась. Ей не нравилось менять планы и подставляться. Даже если это могло помочь спасти жизни. — Мист должен знать о буре. Они там уже по любому задраились все! Смысл нам светиться?!

— Мы-то не задраились, — ответил за Зака Снежок. Он уже догнал их, шел рядом ровно. На исправном борде Снежок летал гораздо лучше.

А Зак, перенося вес на сильную сторону борда, уверенно держал его и гордо думал, что он как Мист. Летает на всем. И до сих пор ни разу не упал.

Он прошел, пригнувшись, под дроном, круто затормозил, разворачиваясь к нему лицом, замахал руками. Дрон завис на месте.

Гоша со Снежком осторожно обошли дрон с двух сторон, подлетели к Заку, замерли по левую и правую руку от него.

— Мистер Джонс! — крикнул Зак. — Мне нужен мистер Джонс! Мне нужен Мист!

Дрон висел над землей, будто перешел в спящий режим. Не дергался, не улетал. Но и пушку не доставал.

— Уверен, что там тебя слышат? — хмыкнула Гоша.

— Пусть по губам читают, — процедил Зак и громко повторил. — Джонс!

— А давайте дрона поймаем, — свистящим шепотом заговорил Снежок. — Откроем от него плату!

Зак удивленно покосился на него.

Вот сейчас — когда даже ему, Заку, обычно бесстрашному, страшно до одурения — сейчас вечно перепуганный Снежок решил шутки шутить? Он так пытается их боевой настрой поддержать? Не дать панике накрыть всех вместе?

Тот, кого паника накрывает просто от замкнутых помещений или грозного взгляда отца?

«С Гошей переобщался, — сказал себе Зак, потому что не время было размышлять о странном поведении мелкого. — И дури нахватался».

Мист размашисто прошагал к командному пункту, отодвинул с дороги растерянного дежурного, который только рот открыл, но так ничего и не сказал. У парня было слишком много стрессов за последние пару минут. Сначала дети в Третьей Зоне, потом — Мист на его рабочем месте. Причем неожиданно активный.

Вон как быстро ходить, оказывается, умеет.

Дежурный все еще стоял в дверях, развернулся только, но так и не придумал, что делать дальше, а Мист уже схватился за спинку кресла у пульта, развернул его и медленно сел. Идти быстро он какое-то время мог, а вот садился всегда медленно. Слишком медленно.

Повернулся к приборной панели. Положил пальцы на контакты. Увеличил картинку с Заком.

Переключил радиоканал и тихо сказал:

— Рэй, на связь.

— На связи, — отозвался Рэй.

— Хорошо, — сказал Мист, — а теперь помолчи, дорогой.

— Охренел... — пробормотал Рэй, но не отключился.

Мист мигнул Заку лампочкой. Тот кивнул и ткнул пальцем в сторону. Мист развернул дрона. Увидел оранжевую полосу на горизонте — рассветное свечение на горизонте за полночи до рассвета.

Развернул камеру к Заку.

— Буря! — прокричал Зак.

Мист медленно повел дрона к ближайшему укрытию. Остановил в нескольких метрах, развернул, чтобы видеть детей. Те и не думали за ним лететь — зависли над землей на одном месте.

— Ну? — спросил Мист и еще раз мигнул лампочкой.

Второй рукой заземлял дронов. И как только дети рванули за ним, погнал этого, незаземленного быстро, очень быстро. Потому что оранжевое свечение разрасталось так, что его уже было видно боковому зрению дрона.

— Рэй, — сказал он. Перебросил панель. Дал команду поднять щиты Базы. — Рядом буря. Бросайте грузовики. Идите на полном обороте к границе Зоны. Бункер пять ваш. Код сбросил. Выполнять.

— Принято, — отозвался Рэй. Иногда он умел молча выполнять указания. Жаль, что не всегда.

Щиты были подняты.

Дрон вел детей. Рэй вел группу.

Мист переключился на поселок. Щиты там были хилые, самопальные, но бури обычно выдерживали. Выдержат ли эту — Мист не знал. Она была необычной, незнакомой, невиданной ранее. Мист не любил незнакомое.

Он шевельнул пальцами над кнопкой. Держал ладонь высоко над панелью — пальцы иногда могли сделать что-то свое. А здесь и сейчас нельзя было допускать самодеятельности. Ее, впрочем, никогда нельзя допускать.

Сейчас нужно все решить.

Можно дать сигнал тревоги поселку и команду поднять щиты. Мист покосился на

монитор дрона — продолжал его вести задом наперед, чтобы видеть детей. Дети шли ровно, борд Зака слегка косило, но Зак его удерживал.

Можно объявить срочную эвакуацию. С какой скоростью на Базе окажутся люди из поселка? Они ведь, придурки медлительные, начнут собирать вещи и документы. И Мист подставит Базу — не успеет задраить полностью, пока будет дожидаться придурков. И скольких дождется? Половину? Вторую буря снесет по дороге. Слишком быстро идет.

Мист убрал руку от кнопки эвакуации, мягко нажал на привычный сигнал тревоги.

Буря. Просто буря. Прячьтесь.

* * *

Дрон остановился.

Зак круто затормозил — борд вильнул, и Зак едва удержал равновесие. Гоша чуть не влетела в него, Снежок начал торможение издалека, обходя их по широкой дуге.

Зак только сейчас понял, что ветер шумел в ушах не потому что они быстро летели — он и сейчас шумел. Ветер становился сильнее. Буря приближалась. От песка уже слезились глаза, песок скрипел на зубах. И трудно было дышать — казалось, песок забился в горло, но на самом деле это воздух — воздух стал сухим.

Таким сухим, какие еще не был никогда.

Снежок прижимал шарф к лицу. Гоша дышала в собственный согнутый локоть.

— Ну? — нетерпеливо крикнул Зак, глядя в мигающую лампочку дрона. — Кого ждем?

Из-под земли поднялся черный куб. Вход в бункер. Грань куба поехала в сторону — и Гоша медленно подлетела туда. Заглянула.

— Свет включи, мудила! — крикнула дрону. — Мелкий темноты боится!

— Ничего я не боюсь, — пробормотал Снежок, снова превратившийся в скромного бормочущего себе под нос и вечно испуганного подростка.

Гоша завела борд внутрь. Протянула оттуда:

— А-а, вот свет, — и полоса бело-желтого света упала на кровавый песок. Снежок прошел над этой полосой, как по ковровой дорожке, завел доску внутрь. Зак поднял взгляд, глянул в камеру дрона.

Это Гоша смотрела на лампочку. Зак знал, где камера. И одними губами — Мист же там по губам читает, да? — произнес:

— Зак-ры-вай.

* * *

— Нет, — спокойно ответил ему Мист, глядя на монитор. Второй рукой — продолжал заземлять оставшиеся дроны. Задраивать люки на базе. Чувствовал, что за его спиной толпятся. Уже не один дежурный — с десятков человек, прибежали смотреть на внештатную ситуацию, идиоты. Им бы перебросить кусок работы, но Мист знал, как все делать, в какой очередности все делать, и как ничего не пропустить.

Эти — не знали.

Был бы здесь Рэй — можно было бы на него что-нибудь скинуть. Рэй ведь любит, когда

ему делегируют. Но на самом деле хорошо, что Рэя нет рядом. Рэй начал бы спорить по поводу эвакуации, потерял бы драгоценные секунды, а то и минуты.

Рэй любил терять время. И постоянно, постоянно спорил, препирался к месту и не к месту, лез не в свое дело и очень мешал работать.

Хорошо, в общем, что его нет рядом.

Но — просто интересно — что бы он сказал вот на это? На такое поведение Зака?

Мист переключился на другие объекты, видел Зака боковым зрением. Тот был упрямым, это Мист понял давно. И не ждал, что этот гад нырнет в бункер. Нет, он ждал, что сейчас из двери выползут его дорогие друзья и в бункер его затащат силой.

И Мисту останется только захлопнуть дверь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

* * *

— Эй! — позвал Снежок, перекрикивая ветер. Он был в нескольких шагах, но за тучами песка то пропадал, то появлялся снова. — Ты чего? Идем, Гоша раскручивает бункер! Плату ищет!

— Поселок! — прокричал в ответ Зак. — Мист его не успеет эвакуировать! Потому не будет! Понимаешь?!

Даже сквозь тучу песка стало видно, как широко распахнулись голубые глаза Снежка. Как ему — наконец-то — стало страшно. И жалко. Но он быстро все понимал. Жаль, что не хотел учиться. Жаль.

— Щ-щиты... — тихо и неуверенно сказал Снежок, и Зак почти не расслышал, но понял.

— Ты видишь эту хрень? — он ткнул рукой в сторону, куда уже и поворачиваться не надо было, чтоб рассмотреть свечение — оно было на полнеба. — Щиты ее не удержат.

— А ты что сделаешь?! — неожиданно закричал Снежок в ответ. Зак подумал, что это он впервые видит, как Снежок кричит, как злится.

— А я шаман! — рявкнул он в ответ, тоже впервые повывисив на мелкого голос. — Пошел внутрь! Дверь заdraивай! У тебя там Гоша! Пошел!

Развернулся и рванул в сторону.

* * *

Мист с силой ударил ладонью по панели. Столпившиеся за его спиной зрители осторожно отошли на несколько шагов. От греха подальше.

* * *

Снежок смотрел вслед Заку.

Дверь поплыла в сторону, закрываясь, и Снежок отпрыгнул внутрь бункера в последний момент. И уже не видел, как дрон рванул следом за ним.

Зак услышал тихое жужжание над собой, покосился на догнавшего дрона. Ухмыльнулся. «Хотите посмотреть, что я сделаю, мистер Джонс? — насмешливо подумал он. — Знал бы я сам, что сделаю...».

Зак почти ничего не помнил о Вторжении. И совсем ничего не помнил о том, что было раньше. Отец заново учил его всему. И обращаться с песком — тоже. Когда вихрь взметнулся под его ладонью, Зак вспомнил вдруг, как так же делал отец. Приседал напротив — Зак сидел тогда в его инвалидном кресле, кресло отец раскопал на какой-то помойке, и оно перешло потом ему же в наследство от Зака.

Приседал напротив, опускал ладонь к песку и говорил:

— Песок мягкий, мальчик. Смотри: песок мягкий. Песок будет слушать.

— Построй... стену, — осторожно говорил Зак, потому что только недавно начал выговаривать слова, и ему все казалось, что он путает их значения. — Можно построить... стену?

Ему было все еще страшно. Стены бункера были ненадежными и казались гораздо более хрупкими, чем песок. Да что песок — более хрупкими, чем песчаный мираж. Зак уже знал: бункер никого не спасает.

— Песок мягкий, — говорил отец, — стена упадет. Из песка нельзя строить. Его можно поднять, его можно направить. С ним можно говорить. Пробуй.

И Зак опускал ладонь, но вихря не получалось. Ничего не получалось. Между рукой и песком свободно гулял ветер. Рыжие песчаные ручейки ползли сами по себе, а Зак был — сам по себе.

— Ты не готов, — качал головой отец и уходил. И Зак невероятно злился на себя.

Он очень долго он злился и чувствовал себя виноватым во всем. Он был не таким, отцу он не подходил, а больше никого не было, потому что он никого не спас. Все погибли — а он выжил. Но выжил не таким. Плохим, поломанным.

Он был виноват во всем. И в том, что выжил, и в том, что бури, которые не в силах больше никто остановить, потому что он-то выжил, но оказался не готов.

И в том, что бросает теперь всех: отца, Гошу. И в том, что бессовестно врет Рэю про пропавший ком.

Он был поломанным.

А сейчас будто вдруг починился. Все стало на свои места. И было легко, очень легко: он никого больше не бросал.

«Песок мягкий, — упрямо повторял он себе, когда бурю уже было видно впереди — оранжевую сплошную стену, идущую вперед так быстро, что Зак не успевал выйти ей наперерез, только врезаться в нее сбоку. — Песок мягкий...».

— Рэй, — окликнул Мист. — Докладывать готовность.

— Мухи заземлены, — сообщил Рэй, — мы у бункера. Ребята спустились.

— Задрайвай, — скомандовал Мист.

— Буря, — сказал Рэй, — огромная. Я такой еще не видел.

Мухи лежали на песке в нескольких метрах, Рэй все еще стоял у створки бункера и смотрел вперед, непроизвольно задержав дыхание. Она шла, огромная, рыжая, живая. Будто оранжевая горная гряда надвигалась прямо на них. И так как гряде идти нелегко, шла неспешно, как Мист, но так же, как Мист, неотвратно. Стонала, скрипела и выла. Издали, но уже — оглушительно.

— Рэй, в бункер, — сказал Мист.

— Ты эвакуировал поселок, Ким? — спросил Рэй.

— Посчитай, пожалуйста, время, необходимое для эвакуации, — попросил Мист, — и сверь со временем, за которое буря придет сюда. Зачем задавать вопросы, если ответ очевиден, дорогой?

— Ким... — сочувственно пробормотал Рэй. Мист ничего не мог сделать, Рэй понимал это. Также Рэй понимал, что будь у него возможность взлететь на Мухе, Мист хрен бы признался, что оставил поселок на произвол судьбы.

Но Рэй прекрасно знал: Мист контролирует все. И его личную Муху тоже.

— Не закатил истерику, молодец, — отметил Мист. — Теперь спускайся, задрай бункер. Понимаю, что смотреть на бурю очень романтично, но не подставляй свой отряд под удар, потому что ты гребаный романтик.

— Сделано, — отозвался Рэй, шагнул внутрь и активировал механизм полной блокировки. Купол бункера поехал вниз вместе с ним. Ребята уже ждали внизу.

— Рэй, внимание, — заговорил Мист, будто только что вышел на связь, будто предыдущего разговора не было. Он часто так делал. Делил информацию на блоки, и каждый блок подавал отдельно. Но, естественно, ничегошеньки не забывал. — Бросаю тебе на контакт координаты дрона. Зафиксируй их в последней видимой точке. Как только буря ляжет, немедленно выходите поисковой группой по ним. Полноценная спасательная операция. И коктейли наготове. Ясно?

— Кто там? — упавшим голосом спросил Рэй. Не дрон же им спасать нужно будет. Дрон ведет кого-то. Из людей. Посреди бури.

Первый закон Цитруса — не оставляй никого среди песков.

Мист не ответил.

Рэй глянул на координаты.

— Ким, это близко, — сказал он, — если на Мухе выйти, есть шанс успеть подхватить.

— Нет шанса, — ответил Мист, — ты опять плохо считаешь, дорогой. Нет шанса. Будьте готовы на выход.

— Направь его сюда, — сказал Рэй, — Ким, просто направь! Пусть дрон сюда идет! Мы не будем выходить, мы откроем двери, и даже если буря придет, пока нет эпицентра...

— Вы не откроете двери, дорогой, — перебил Мист. — Вы подготовите спасательную операцию и будете ждать сигнала. Следи за дроном. Конец связи.

«Конечно, мы не откроем двери, — с тоской подумал Рэй, — как я мог забыть. Тут все в руках Миста. Даже двери бункера».

* * *

Первая буря, та, после которой начали вторую пирамиду, застала их в самый разгар

работ по постройке стены вокруг Базы.

Рэй услышал, как заговорил Мист, уловил в его голосе непривычные звенящие нотки. Непривычные и до боли знакомые. От которых стало страшно.

Мист уже говорил так — когда началось Вторжение.

— Группам один, два, полный стоп работам, — сказал Мист, и Рэй прокричал, вдруг кто не расслышал:

— Стоп! Всем стоп!

— По машинам, — чеканил Мист, — опустить щиты, положить машины и пристегнуться. Готовность меньше минуты. Быстро, господа.

Когда он закончил фразу, бежали уже все. Рэй краем глаза видел, как ребята мчатся к стоящим неподалеку Цэшкам, которых было слишком мало, чтоб увезти их всех, но достаточно, чтоб вместить.

Рэй прыгнул в кабину, ударил по контактам, врубая обороты на полную, машина обиженно вжикнула, но рванула к стене. И уже на подлете Рэй увидел бурю. Ему с непривычки показалось, что небо рухнуло на землю, но не плашмя — стало на ребро и двинулось к ним. Небо, полное грозových туч и песка. Бесконечное завывающее небо. Это потом он узнал, что та буря была еще не самой мощной. Что бывают и покруче. Но тогда оно казалось исполинским. И где-то на краю сознания Рэй в очередной раз удивился: «Что мы вообще здесь делаем?». Мелкие насекомые, которых сметет одно дуновение оранжевой планеты. Но то было на краю, потому что полностью сосредоточился на другой задаче — трое парней были слишком далеко, за стеной, и им никак было не успеть к машинам. Значит, нужно перепрыгнуть стену.

В коме шипело и жужжало — буря накрыла сигнал. Зато щелкнул передатчик в цэшке и Мист все так же ровно произнес:

— Всем машинам стоп. Машинам — стоп.

— Выполнять команду Миста! — рявкнул Рэй, переключаясь на общий канал.

— Вас это тоже касается, девятый, — отметил Мист — на общем канале он привычно звал Рэя порядковым номером. — Прекратить поисковые операции. Поднять щиты. Полный стоп машинам.

— Там люди, — сказал Рэй.

Видимость была нулевой, ветер швырял машину из стороны в сторону, идти можно было разве что по приборам. Таким приборам, которых на цэшке не было. Но Рэй продолжал всматриваться в окно. Видел то ли стены, то ли песчаные миражи, уворачивался от обломков, шел медленно и на низких.

— Там, — Мист сделал ударение на этом слове, — уже никого нет, девятый. Их снесло к чертовой матери. Вас всех снесло. Замрите. Приземлитесь, опустить щиты и включить маяки, чтоб мы вас потом откопали. Выполнять.

Из стены оранжевого песка вылетела арматурина и ударила в лобовое. Окно скрипнуло, но не треснуло.

Значит, рано поднимать щиты, решил Рэй. Остановил цэшку на низких, опустился на колени и крутанул замок люка. Нужно было определить расстояние до поверхности. Идти медленно и очень низко. Прочесывать. Это все, что он пока мог сделать.

— Господа, — снова заговорил Мист, — пристегнитесь и держитесь, я вас опускаю.

Рэй захлопнул люк и вскочил.

— Что значит «опускаю», Ким? — процедил он. Он тоже старался не обращаться к

Мисту по имени на общих каналах, но сейчас — разозлился. — Мы что, на дистанционном?

— Естественно, — ровно отозвался Мист.

Рэй упал в кресло, закрыл глаза и откинулся на спинку. Чтоб не взвыть. Естественно, они были на дистанционном. Зная Миста, можно было догадаться, что в каждой цэшке и по дистанционной бомбе заложено. И все пульты — у него. Исключительно и лично у него.

— Щиты, — ровно сказал Мист, и щит сам полез на стекло. И сколько Рэй не лупил по кнопке «отмена», все было бесполезно. Он снова уставился на люк, прыгнуть сейчас в который было бы самоубийством, но мысль такая мелькнула. Просто назло Мисту. Но тот, будто ее прочитал, проговорил. — Замки, — и щелкнули замки на дверях и люках.

— Посадка, — припечатал Мист, и передатчик щелкнул.

Машина медленно и ровно пошла вниз брюхом. Тяжело бухнулась на землю и замерла. Умерла. Стало темно и тихо. И безысходно.

Только буря выла и стонала так, что было слышно даже сквозь стены. И редкие глухие удары по корпусу — прилетало что-то тяжелое. А Рэю все казалось, что это кто-то стучится. Что они нашли его цэшку, что вот они, рядом, в полушаге, но из-за гадины Миста не могут попасть внутрь. Из-за гадины Миста, который почему-то решил, что это его дело — решать, кому рисковать собой, а кому нет. Кому жить, а кому — умирать.

Буря бушевала несколько часов. И утихла на закате, так же внезапно, как пришла. Песок опустился под ноги и замер. Как будто ничего и не было. Только разнесенная в клочья стена. Засыпанные песком машины. Привкус железа и горечи во рту.

В тот день они с трудом откопали тела тех, кто не успел добраться до машин.

В тот день Мист выгнал первую команду метеорологов.

Рэй как раз застал момент, когда те выходили из кабинета. И тут уже даже Кейра не могла помочь. Мет-группа шла медленно, на Рэя даже не глянули, ни слова друг другу не говорили. Лица у них были серые, сами — шатались и дергались. Как до такого предобморочного состояния можно довести людей, которые работают тут по доброй воле, работают под прямым началом земных служб, от Миста не зависят совершенно, а самым страшным наказанием за ошибку может быть увольнение, Рэй не знал. И в очередной раз был вынужден признать, что у Миста — талант. А они ведь даже ошибки не совершили. Оказалось, иногда Цитрус может поднять бурю без предупреждения, и ни по одной карте, которые в тот день ненужными бумажками были разбросаны у Миста на столе, ни по одному снимку, ни по каким показателям нельзя было ее предугадать.

Чувствовать запахи и привкусы, так, чтоб определять без карт, они научились намного позже.

Рэй проводил группу задумчивым взглядом и осторожно заглянул в щель — сил у группы не хватило даже на то, чтобы плотно прикрыть дверь. Мист сидел, откинувшись в кресле, и задумчиво смотрел в стену перед собой. Заметил движение за дверью и раздраженно бросил:

— Входи уже, шпион хренов.

Рэй вошел и очень тихо сказал:

— Мне жаль, Мист.

— Ты ничего не мог сделать, — отметил тот в ответ.

— И все же — мне жаль, — сказал Рэй. Он уже перестал злиться. Он принял ситуацию. И даже хотел как-то посочувствовать Мисту — тот взвалил на плечи тяжелый груз, принимая решения за всех. Но Мист, как оказалось, в сочувствии не нуждался. Поднял

холодный взгляд и уточнил:

— Ты хочешь об этом поговорить, дорогой?

— Мне кажется, было бы неплохо, — честно сообщил Рэй, хотя понятно было — Мист так шутит. Издевается. Юмор у него такой.

— Найди себе психолога, — сказал Мист, — у нас тут есть лазарет. И есть узкопрофильные специалисты, по психологическим проблемам — в том числе. У тебя есть проблемы, Рэй?

— Нет, — мрачно ответил Рэй.

— Уверен? Может, в детстве не купили щенка?

— Ким, — примирительно сказал Рэй, — все в порядке. Серьезно.

Все же Мист переживал — по-своему. Когда он переживал, он становился злее. И даже начинал говорить не исключительно о делах.

— Хорошо, — сказал Мист, кивнув. — В таком случае начинай вторую пирамиду, дорогой.

И устался на карты перед собой.

Рэй вздохнул.

— И новую мет-группу найди, — сказал Мист неожиданно. — Ничего в этих закорючках не понимаю. Найди новую группу и руководителя — ко мне. Сразу по прибытию. Пока — стоп работам.

Вскочил, пробормотал себе под нос:

— Щиты, — отодвинул Рэя с дороги и направился к двери. Шел он решительно, размашисто, но припадал на одну ногу. Шаги получались разной длины, и от этого его всего перекосило. Рэй подождал, пока он выйдет. И только потом осторожно шагнул в прихожую следом. А то вдруг его обратно понесет — сшибет еще.

— Все плохо? — спросила у Рэя Кейра, глядя вслед удалившемуся начальству.

— Посоветовал найти психолога, — хмыкнул Рэй. — Пошел делать щиты.

— У нас есть щиты, — напомнила Кейра.

— У нас не такие, — наставительно сказал Рэй, — у нас теперь будут большие.

Они действительно получились большими. И сейчас Рэй был рад, что Мист тогда ударился в защиту. С этими щитами у Базы были шансы пережить даже самую мощную бурю. А вот у поселка — не было.

«Правильно он детей выгонял, — подумал Рэй, — если дети выживут — сам теперь выгонять буду».

И убеждал себя, что эти — выживут.

Они ж как тараканы.

Глава 11. Притяжение подобного

Зак мчался вперед так быстро, как только мог. И если бы борд не заваливался, возможно, даже успел бы выйти наперерез буре, но борд хромал, и Зак не успевал.

Почему-то подумалось про Миста — тот тоже хромает. Но успевает везде. О нем многое говорят. Говорят даже, что у него есть двойники. Чтоб успевать. Хотя, думал Зак, это вряд ли. У него есть Рэй. Рэя ему хватает. А двойников такому не найдешь. Он видел Миста пару раз издали — пока Базу не построили, пока Мист не закрылся стеной.

Кривая темная фигурка на огромных плитах.

Кривая и маленькая, по сравнению с плитами, с Цитрусом, с бесконечными песками. Даже с цэшками, которые тогда кружили вокруг. И его почему-то было жалко. Его как будто от ветра шатало. Хотя на самом деле он просто был слишком далеко, и слои воздуха между Заком и Мистом дрожали, искривляли и шатали все вокруг. Но больше всего — одинокую кривую фигурку вдали.

Когда Базу начали возводить, отец запретил Заку приближаться к ней, но Заку было слишком интересно. Страшно и интересно. И он наблюдал издали, прячась в песках. И пески тогда не были еще отвратительными. Пески тогда укрывали, были ему домом.

А База оказалась не такой уж и страшной. Мелкой и шаткой — в лице Миста. И всех их, тамошних, стало немного жалко, мелких вредителей, пришедших в его дом.

А потом — когда Зак узнал куда больше — мир перевернулся. И вредители оказались спасителями, а дом — тюрьмой.

И уже когда Мист скрылся за стеной, Зак решил, что обязательно должен поговорить с ним.

Поговорить удалось только сейчас — почти в одностороннем порядке и с помощью дрона. Зато в определенном смысле они говорили до сих пор: Мист все еще был с ним — вел дрон следом. Дрон швыряло, а Мист выравнивал.

«Больше заняться нечем?» — сердито думал Зак, то и дело оборачиваясь через плечо. Но на самом деле был рад, что дрон рядом. Так казалось, что он не один.

Песок стоял сплошной воющей пеленой вокруг, и Зака все больше сносило в сторону — буря отталкивала его от себя. И шла вперед — опережала.

«Очень жаль», — подумал Зак. Потому что вспомнил картинку из старой книги, и сейчас та стояла перед глазами очень четко: шаман останавливает бурю, стоя лицом к ней. Рука поднята, ладонь раскрыта, и буря не идет вперед — стоит нерушимой стеной, повинуюсь движению ладони. А за спиной шамана — люди.

Сейчас всё совсем не так. Люди слишком далеко, в поселке, и буря уже подбирается к нему. А Зак заходит со стороны и не успевает встать между ними. И за его спиной — только насадно жужжащий дрон. А может, и нет его. Жужжание давно слилось с воем ветра. С воем, грохотом, скрежетом.

Как тогда.

И обернуться уже не выходит — слишком трудно удерживать борд ровно, не теряя скорости. Как тут дрон удержишь, если самого Зака вместе с бордом сносит? Нет его уже.

«Что я делаю?» — отчаянно подумал Зак. И начал торможение.

Дрон пролетел над головой и рванул вперед.

«А ты что делаешь?» — подумал Зак. И сунул руку в карман. Сжал в кулаке значок. И

плавно нажал на кнопку запуска. Борд помчался следом за дроном, его шатнуло, повело было в сторону, но Зак выровнял.

— Песок мягкий, — прошептал он себе. — Песок... мягкий...

Выбросил свободную руку вперед, ладонью — к буре. Не остановить — так хоть сместить. Не сместить — хоть попытаться. Это в конце концов все, что они могут делать, — хотя бы пытаться.

* * *

...Он врезался в воющую стену.

Его швырнуло, борд вышибло из-под ног, отбросило в сторону. Зак упал, его подхватил ветер, бросил, покати. Песок забился в глаза, в рот, нос, дышать стало невозможно, и снова вздернуло вверх, и он успел вдохнуть, но потом его окончательно приложило об землю. Зак задохнулся уже от боли.

Песок оказался совсем не мягким.

* * *

Подъемник остановился внизу.

Гоша, не оборачиваясь, сказала:

— Тут в стене какие-то сетки. Что отсюда идет? Кислород? У бункера замкнутый цикл, Зак?

Она стояла лицом к стене, близко-близко, едва ли не носом в нее уткнувшись, и водила по ней узкой когтистой ладонью — ощупывала.

— Зак? — повторила она.

Развернулась и уставилась на Снежка.

Он никогда не боялся ее. Он даже не мог понять, с чего это подчиненные Черноффа откровенно Гошу опасаются. И вообще стараются не попадаться лишней раз на глаза. «Вздорная девка» — так говорили о ней.

Но сейчас у нее был взгляд даже не вздорной девки. Сейчас у нее был взгляд бойца в режиме берсерка. Снежок не привел с собой ее драгоценного Зака. А за драгоценного Зака Гоша разорвет любого. Даже брата. Который ей к тому же вовсе не брат.

— Где. Зак? — отчеканила Гоша, продолжая глядеть в глаза с нарастающим мрачным безумием. И шагнула к нему.

— Гоша, — мягко сказал Снежок и поднял ладони.

— Что ты сделал?! — еще один шаг.

— Маргарита, — строго сказал Снежок, и она с воплем бросилась на него.

— Он... сам... Гоша! — Снежок перехватывал ее руки, но не успевал. Она была, царапала, пинала, даже за волосы схватила, даже клок умудрилась вырвать, когда он ухватился наконец за тонкое запястье, отрывая ее от себя. И рывкнул так, чтоб дошло. — Он сам!

Она по-кошачьи отпрыгнула назад, восстанавливала дыхание, смотрела недобро исподлобья и, кажется, готовилась к следующей атаке.

— Он так решил! — продолжил кричать Снежок.

— Не ори на меня, — прошипела Гоша и снова прыгнула. С рыком ударила его в солнечное и, пока он, согнувшись, пытался схватить ртом воздух, оттолкнула от подъемника, рванула наверх.

Но как только подъемник пошел, Снежок сумел-таки распрямиться, хлопнул по рычагу ладонью, остановив движение площадки в паре метров над каменным полом. Прыгнул, ухватился за ее край, рывком взобрался наверх и, схватив не ожидавшую такого поворота событий Гошу за кожаный воротник, швырнул вниз. Сам сиганул следом и, приземлившись в сантиметрах от нее, не дал подняться, впечатал в пол и выдохнул:

— Прекрати! Ты ничем не поможешь!

Гоша попыталась оттолкнуть его, ударить, вцепиться когтями, но он уже не позволил. Он удерживал позицию.

— Как ты мог?! — прокричала она сквозь слезы. — Как ты мог?!

Ее черты, мелкие и тонкие, исказились от рыданий. На несколько мгновений она стала некрасивой. И наверное, сама это поняла, потому что прекратила наконец пытаться стряхнуть его с себя и спрятала лицо в ладонях.

Снежок осторожно разжал пальцы — отпустил ее. Соскользнул на пол. Сел рядом.

— Зак принял решение, — тихо сказал он. — Я ничего не мог...

— Ты не мог? — сделав ударение на «ты», перебила она и оторвала руки от лица. Медленно села, подвинулась так, чтобы подпереть плечом стену. Недобро уставилась на него. Слез не было. Глаза были красными, но сухими. И так же сухо спросила:

— Ты кто такой вообще?

— Гоша...

— Ты сильнее, чем кажешься, — прищурилась она. — И совсем не такой перепуганный, как прикидываешься, да?

Снежок поднял взгляд, будто взывая к потолку. Будто потолок сможет привести Гошу в чувство. Потолок был ниже, чем ему хотелось бы. Потолок — ниже, стены — ближе. Казалось, они вот-вот начнут сдвигаться. Снежку и так было нелегко в закрытых пространствах, а тут еще и Гоша с криками и кулаками. Может, потому он прижал ее к полу сильнее, чем следовало.

А может, потому что разозлился. Глупая девчонка. Которой на всех плевать, кроме прекрасного принца Зака. Принц скоро бросит ее здесь к чертовой матери, но кто ж об этом думает. Об этом она потом будет думать. А пока — плевать на всех. И на себя в том числе.

Чуть в бурю не выпрыгнула следом.

Это чтоб «умерли в один день»? Чтобы хоть что-то, как в сказке, у них получилось?

У них...

«А как же я? — подумал он с тихим отчаянием. — Меня вы с кем оставите? Или мне тоже за вами? За компанию? Третьим-запасным?».

Но сейчас нельзя было давать волю отчаянию. И Снежок поступил, как поступал всегда в непонятных ему ситуациях — которых на этой странной планете было дофига и больше.

Он спросил себя: «Что сделал бы Зак?»

— Я очень перепуганный, — тихо сказал он, вздохнув и потирая разодранное в кровь когтями запястье. — Сначала я перепугался за Зака. Потом за тебя. Потом за себя, потому что ты меня била, и было страшно.

Гоша презрительно фыркнула, а Снежок продолжил:

— Нет, серьезно, ты такие рожи корчишь, когда на людей бросаешься.

— Не смешно, — устало сказала она. — Не шути сейчас.

— Да кто шутит-то? — пробормотал он. Осторожно поднялся, подошел, сел рядом и мягко обнял ее за плечи. Откинулся на стену.

Гоша бессильно завалилась ему на грудь.

— Ты вырос что ли? — пробормотала она, и он не понял, это она о его жесте или о ширине груди.

— Всё будет хорошо, — тихо сказал он, бездумно перебирая ее волосы, спутанные и темные, как, должно быть, сама ее душа. — Зак знает, что делает.

— Это я виновата, — тихо сказала Гоша. — Я ему постоянно про шаманов говорила. Вот он и решил, что шаман.

— Он пытается спасти людей, — сказал Снежок.

— Да начерта мне люди?! — с тихой ненавистью прошипела она.

— Знаю, — ответил Снежок. — Знаю. Мне тоже они нафиг не нужны.

Подумал и спросил:

— Зачем здесь вообще поселок?

— А чтобы батя было кем прикрываться, — фыркнула Гоша. Перевернулась так, чтоб лежать на спине, чтоб затылком — на его коленях. Уставилась в глаза. Взгляд у нее наконец прояснился. — Батя вообще любит за спинами прятаться.

Снежок провел ладонью по ее волосам.

— Вот ты думаешь, ты ему зачем? — спросила Гоша.

— Не знаю, — честно ответил Снежок.

— Он думает, что тобой свои грехи компенсирует. Кого-то убил, где-то украл, где-то обманул — оп, ребенка спас. Всё. Аннулировано... Вот я ему зачем?

— Ты его дочь, — напомнил Снежок и, подумав, добавил. — Родная. Глаза у тебя батины. И рожи такие же страшные умеешь...

Гоша несильно ударила его в грудь кулаком.

— Так что ты-то — точно родная, — завершил мысль Снежок.

— Но рядом с ним я почему? А?

— Чтобы было кому передать бразды...

— А мама моя где?

— Где? — сдался Снежок.

Гоша тяжело вздохнула и, будто через силу, проговорила:

— А нет ее. И он в этом виноват.

Снежок растерянно уставился на нее, даже водить рукой по волосам перестал.

— Ага, — кивнула Гоша, невесело ухмыльнувшись. — Никто не верит. А я помню, понимаешь? Мне год был или два, но я помню. Он тогда выпил, злился. Кричал, махал руками. Он не хотел, наверное, но у него ж удар... Сам понимаешь...

На ее темные глаза навернулись слезы. Она смахнула их — и взгляд снова стал сухим. Гоша давно приучила собственные слезы. Хотел бы он уметь так же.

— А меня забрал, — продолжила она. — И с тех пор зарекся от женщин. И с тех пор старается иначе к ним относиться. Но я-то знаю.

— Ты уверена? — глухо спросил Снежок. — Память странная штука.

Она смотрела ему в глаза несколько секунд, будто раздумывая над ответом, потом наконец кивнула.

— Но это... это не аннулирует, — сказал Снежок. — Не компенсирует. Такого ничем не компенсировать.

Гоша согласно кивнула и вдруг снова спрятала лицо в ладонях. И на этот раз заплакала совсем иначе: тихо, надолго, чуть слышно всхлипывая. Снежок осторожно поднял ее за плечи и прижал к себе.

— Как ты простила его? — спросил он.

— Я не... простила, — прерывисто вздохнула Гоша. — И Зака... не прощу. И тебя. Сволочь.

Она отстранилась, смотрела ему в глаза и впервые не прятала слез. Была нежной, ранимой, живой. Совершенно незнакомой ему Гошей.

Маргаритой.

А потом вдруг подалась вперед, к нему, но Снежок отшатнулся.

— Ты и правда дикий, — с насмешливой горечью сказала она, невесело улыбнувшись сквозь слезы.

— Ага, — кивнул он, — и еще — твой брат. Лучше я диким побуду, чем потом окажусь мудаком, который воспользовался моментом слабости. Ты ж меня придушишь, как в себя придешь. А не добьешь — так Зак убьет.

Гоша какое-то время смотрела в пол, потом вскинулась и очень серьезно спросила:

— Ты правда думаешь, что он выживет?

— Уверен, — твердо соврал Снежок.

Он очень хорошо умел убедительно врать.

Гоша устало вздохнула, доверчиво прижалась к нему, и Снежок обнял ее за плечи, глядя в полумрак бункера. Вновь провел ладонью по спутанным темным волосам. Темным и спутанным — как его душа. Как души всех здесь, на Цитрусе.

Кроме, разве что, Зака. Зак всегда казался ему неуместным светлым пятном.

* * *

Мист сидел над панелью. Наблюдал за показателями. Не шевелился.

За спиной у него столпилось уже едва ли не вся дежурная смена. Топтались и тихо перешептывались. Всем почему-то было очень интересно смотреть, как он неподвижно сидит.

Как дети малые.

Распустились совсем.

Мист отругал бы их, послал бы всех по своим делам, но какие у них сейчас могут быть дела — когда идет буря? Да и не до того ему сейчас было. Он изучал ее.

И держал руку на коме.

Показатели говорили странное. Буря сменила курс. Всё осталось: и мощь, и скорость. Но курс вдруг стал другим. Она двинула в сторону.

Конечно, такое с ними и раньше бывало. Не так резко, но бывало. А эта — вон какая внезапная. О нее можно ожидать чего угодно. Пошла в одну сторону — может развернуться и пойти в другую. И если Рэй сейчас отправится по координатам, оставленным дроном, ничто не помешает ей развернуться, чтоб накрыть его.

Потому Мист считал.

Если очень навскидку. Десять минут, чтобы найти точку, еще десять минут на проведение операции. И еще десять — чтоб вернуться в бункер.

Как далеко должна отойти буря, обладающая данной скоростью, чтоб дать Рэю полчаса? Простая задачка. Если поиски пройдут быстро. Если Рэй сработает оперативно — он иногда страшно тормозит, уходит в себя и несвоевременно начинает думать о... о чем он там думает. Щенках, единорогах, счастье для всех...

И если — самое важное если — буря не надумает менять не только направление, но и скорость.

Готов ли он рискнуть Рэем ради спасения самоубийцы? Довольно маловероятного спасения, кстати. В буре не выживают.

Конечно, не готов.

Но с каждой секундой шансы Зака всё призрачнее.

И кажется, что он совсем рядом — один короткий бросок до точки. Но это сейчас кажется, что рядом, — пока буря не рванула обратно. Если рванет, если пойдет наперерез, секунды растянутся.

Бури меняют пространство-время.

И все-таки точка отсчета слишком близко.

Почему это не дает ему покоя?

Мист потер переносицу, и только сейчас, на ощупь, определил, что глаза снова слезятся. Он слишком долго, не мигая, смотрел в мониторы. Рэю не говорить. А то тут же начнет возмущаться, мол, ты не только поешь, ты и моргать забываешь. Как дышать, еще не забыл? Мист глубоко вздохнул, будто отвечая на вопрос Рэя в своей голове.

А еще потому что только придумал, как минимизировать риск и начать-таки бессмысленную спасательную операцию.

Он убрал ладонь с кома, и за спиной прокатился тихий вздох. Естественно. Как надолго они там задерживали дыхание? Щелкнул кнопкой на панели. Вздохнули снова, на этот раз облегченно. Они уже битый час ждали, когда ж Мист начнет героически спасать мальчика. Как будто не знали, идиоты, что реже всего на Цитрусе удается кого-либо спасти. Вот потерять — это раз плюнуть.

Связь через ком могла быть с помехами, а Мисту сейчас не были нужны помехи. Ему нужно донести мысль очень точно. И только когда до Рэя дойдет, только тогда он разблокирует дверь и подъемник.

— Да! — мгновенно отреагировал на сигнал Рэй.

— Буря еще не ушла, — сказал Мист, — идет по касательной, — намеренно искажил факт — буря уже давно перла в другом направлении, будто Рэя испугалась. — Но надо выходить.

— Я...

— Стоп, девятый, — Мист едва сдержал усталый вздох. Как Рэй надоел выпрыгивать перед батшкой в пекло. Как все они надоели со своим неуместным героизмом.

Всё.

Нагеройствовались.

Давно пора начинать работать. Они пробовали начинать работать?

— Вернетесь к грузовикам, — сказал Мист.

Это уже не десять минут — это пять, если идти достаточно быстро. Рэй пойдет — он умеет. Научился. Еще бы ему не научиться, за столько-то лет возни с ним.

— К точке отсчета пойдете на грузовике. Ты и еще два человека. Остальные останутся в бункере. Точка от вас недалеко. Грузовик пусть ведут на дистанционке с верхней площадки бункера. Кто у вас там самый умеющий? Дистанция до точки небольшая, как раз, чтобы вам хватило дальности передачи сигнала.

— Почему... — начал Рэй.

— Слушай, — настойчиво сказал Мист, вновь перебивая. — Это другая буря, ты видел. Муху она подхватит и понесёт. А вам меньше всего надо, чтобы вас швыряло, если на борту раненый. И тем более вам не надо, чтоб вас расфигачило об скалы. Если попытается подхватить грузовик — заземлите, и ничего ему не будет. Я посчитал. Даже эта его не поднимет.

— Но грузовик медленный, — вставил наконец Рэй. — Если там нужна помощь...

— Спасибо за ценную информацию о скорости грузовиков, девятый, — проникновенно поблагодарил Мист. — Будут еще очевидные ремарки? Нет? Либо так, либо подождем, пока всё стихнет. Ждать будете? Не будете. Возьмете грузовик под номером три. Я видел их содержимое, в третьем всё закреплено, и есть место на четверых. Алгоритм действий. Добраться, войти, задраить, дать команду вести до точки. На точке грузовик не сажать, держать на низких. Выполнять поисковые и спасательные работы в пять метров радиусом от места остановки грузовика. Перемещаться вместе с ним, пока не получите результат. Всё ясно?

— Всё ясно, — мрачно сказал Рэй. — Ты боишься, что буря снова повернет что ли?

— Я боюсь, что буря повернет, — подтвердил Мист. — Повтори, что я сказал, и я снимаю блок с бункера.

* * *

Песок носился рыжими тучами и хлестал по лицу. Но идти было можно. Даже на Мухе, даже на крыле.

«Перестраховщик хренов», - мрачно подумал Рэй, затормозил Муху и бегом помчался к люку третьей грузовой самоходки. Ребята бежали следом.

— Быстрее! — рявкнул он, запрыгивая в люк.

«Да что вы, как черепахи?» — отчаянно подумал он, глядя на то, как они пытаются бежать, но вязнут, утопают в песке. А потом вспомнил, что это не они черепахи, что это он слишком быстрый. Все еще слишком быстрый.

Грузовик был очень громким, трясся весь и натужно рычал. Как оказалось, изнутри тоже. Но сейчас Рэю это было на руку: он смог тихо спросить в ком, так, чтоб ребята не расслышали:

— Что с поселком?

У ребят были свои отношения с поселком. Ребят не стоило пугать раньше времени. Ни одни из них не видел, что эта буря была другой. Чуть сильнее — не более того.

Горы песка намела такие же. Значит, ничего нового — обычная буря.

— Цел, — так же тихо ответил Мист. — Буря идет по касательной, не цепляет. Только вас зацепила. Не отвлекайся, дорогой. Сосредоточься.

«Не отвлекаться от чего?» — мысленно спросил у него Рэй. От сидения в ревущем и грохочущем брюхе грузовика?

Хотя...

Рэй кивнул своим, чтоб сидели и не дергались, осторожно шагнул к люку, открыл его и выглянул. Сначала высунул голову, потом высунулся полностью, потом — остался висеть на подножке, держась за ручку изнутри.

— Ты в люк вылез? — устало спросил Мист, услышав, видимо, как изменился шум в коме.

— Что? — прокричал Рэй. — Не слышу тебя!

И дал отбой, злорадно думая, что хоть эта машина у Миста не на дистанционке.

«Вот возьму и буду теперь на грузовиках летать, медленно, блин, но уверенно», - думал Рэй, вглядывался в песок впереди, до рези, до боли в глазах и старался не обращать внимания на чувство дежа вю, которое мешало сосредоточиться.

«Хотя не буду, — подумал Рэй. — После сегодняшнего Мист хоть минимальные опции, но и на грузовики введет. Чтоб он мог скомандовать «задраить люки» и «лечь». Это у него любимые команды. Интересно, а кнопка уничтожения грузовика у него есть? На случай, если вражески настроенные... ну, не знаю... поселенцы. Поселенцы захватят его с ценными железяками. Кнопка уничтожения у Миста должна быть везде. Очень он их...».

Рэй оборвал собственный поток сознания и всмотрелся в точку впереди. Сначала ему показалось, что она тут же пропала, что была миражом. Но она вернулась. И пропала снова. И снова появилась. Маленькая черная точка то и дело терялась за песчаными ветрами, но она определенно была.

Рэй протянул руку, не глядя, щелкнул пальцами, и ему тут же сунули аптечку.

— Координаты определить по моему кому, — тихо сказал он, потому что грузовик шел не туда — забирал в сторону. — Зависнуть в нескольких метрах.

Развернулся, глянул парням в глаза и внушительно добавил:

— Не вздумайте жужжать у меня над головой. Несколько метров.

Надел маску и прыгнул в песок.

Ему сейчас очень не хватало борда — ноги увязали в песчаных барханах, не так, как у этих черепах, но увязали. Рэй же знал — он может бегать еще быстрее. Ветер пытался сшибить на землю, Медуза слепила так, что черных точек вокруг стало уже слишком много, но Рэй запомнил, где увидел первую, настоящую. И двигался туда. Бежал с трудом, но выходило все равно быстрее, чем было бы на начавшем разворот и натужно рычащем за спиной грузовике.

Черная точка постепенно приобретала очертания.

И в конце концов оказалась ботинком.

Последние метры Рэй преодолел прыжками, сбив к чертовой матери всё дыхание. Грузовик пыхтел далеко позади. Рэй упал рядом, швырнул аптечку в песок и прижал ее коленом — чтоб не потерялась, чтоб не замело поземкой. Принялся разгребать песок руками. Добрался до тела на ощупь, обхватил его, рванул из-под песка и выругался.

Зак не подавал признаков жизни. Лицо посерело, губы искривились так, что Рэй не узнал бы, если б еще по ботинку не понял, кого откапывает.

Он схватил аптечку и, срывая замок, дернул крышку — не было времени в замке ковыряться. Схватил шприц с коктейлем, ударил, пробивая иглой ткань и кожу. Плавно ввел. Схватил еще один. И его тоже вколол.

Сзади гудело в полную мощь, перекрывая гул и свист ветра, — грузовик был на месте.

— Давай, придурок, — прошипел Рэй сквозь зубы и встряхнул тело.

Уронил его на спину, повернул на бок, зубами сорвал перчатку и начал было вручную выковыривать изо рта песок. Потом вспомнил, что так только глубже затолкает, схватил за плечи, рванул вверх, роняя грудью на свое колено. Встряхнул. Ударил наотмашь по спине — чтобы лучше высыпалось.

«Из горла тоже вытряхнешь?» — мрачно спросил у себя, но не остановился. Снова перевернул на спину и начал делать искусственное дыхание. Он очень смутно помнил, сколько раз и с какой частотой давить на грудь, когда вдыхать, когда выдыхать, но вспоминать было некогда, а тело запомнило еще со времен Академии эти штуки куда лучше, чем он сам.

Потому Рэй не думал. Делал. Считал бездумно нажатия на грудь и вдохи-выдохи.

Подбежали ребята, схватились за аптечку.

— Шприц! — скомандовал Рэй, выбрасывая руку в сторону.

— Рэй... — осторожно сказали за спиной. Вводить третий коктейль было рискованно — три сразу вряд ли кто выдержит. Три сразу — верный коллапс.

Но что терять?

— Быстро! — рявкнул он.

И мысленно процедил, сжав в руке протянутый коктейль: «Я Кима вытащил. Этого таракана тем более вытащу».

Ввел коктейль, и Зака мелко затрясло. Нет, это были не признаки жизни. Это были сходящие с ума от такого количества коктейля жизнеобеспечения системы организма.

— Седатив! — скомандовал Рэй.

И ввел еще один коктейль — успокоительное.

— Еще шприц!

— Который? — осторожно спросили из-за спины.

«Идиоты», — чуть не выдохнул Рэй.

— Чередуем, — скомандовал сквозь зубы. — Коктейль-седатив. Сейчас коктейль!

Он сделал еще три укола. И цедил сквозь зубы: «Ты у меня, падла, оживешь. Ты у меня задышишь».

Но все было зря.

И потом Рэй сдался. После очередного седатива — сдался. Уселся рядом с телом на песок и тяжело вздохнул. И песок тут же забился в рот, и в горло, и в легкие. Маску-то он сбросил давно — ту уже понемногу заметало песком. Как и самого Рэя.

Как всех их здесь.

Он откашлялся, поднял взгляд на парней, но те смотрели не на него. На Зака. Рэй круто развернулся и замер. Лицо Зака стало нормального цвета. И губы уже не были искривлены в посмертной гримасе — приоткрыты. Казалось, он спит. Казалось, он...

Рэй очень медленно протянул руку, которая без перчатки, к его шее. Приложил пальцы, задержал дыхание.

Медленно, прерывисто выдохнул.

Снова поднял глаза на парней. Хрипло пробормотал:

— Чего стоите? Носилки, бегом! Подложить под него. Хрен его знает, что у него сломано. На Базу и в лазарет придурка. Как придет в себя — убью нахрен.

Поднялся и, пошатываясь, отошел, позволяя ребятам окружить Зака, принести самодельные носилки, сооруженные еще в бункере из форменных курток, и уложить на них придурка. Носилки делали под чутким руководством Рэя, но вот тащить их — это уже пусть

сами.

Правильно переносить потерпевших Рэй никогда не умел, вон хоть у Миста спросить. И вообще предпочитал держаться от подобных манипуляций подальше.

Он остановился в стороне, но не устоял на ногах — те стали ватными, и Рэй вновь сел на песок. Пробормотал с чувством:

— Чертовы самоубийцы. Что мне так на вас везет?

— Притяжение подобного, — сказал в наушнике Мист, и Рэй подпрыгнул от неожиданности.

Обычно он спокойно реагировал на внезапные появления Миста из ниоткуда, но не сейчас. Сейчас ему на миг показалось, что ему ответил потерявший сознание Зак. Или Цитрус. Что голос прозвучал не в наушнике — в голове.

— Иди ты, Ким, — прошептал Рэй, — я как раз, в отличие от вас, пытаюсь всех спасти.

— Добрый и справедливый, — холодно хмыкнул Мист. — И оч-чень умный, помню. Кто под зачисткой на снижение пошел, дорогой? Я?

— Ну... и ты тоже, — сказал Рэй. — Только ты — быстро. Ты пошел на очень быстрое снижение.

Мист отключился.

Зака подняли, его рука безвольно упала с носилок, и Рэй вскочил, шагнул к ним, останавливая. Потому что увидел засохшую кровь между пальцами. Аккуратно разжал кулак — в руке Зак держал значок. Острые края впились в ладонь, и теперь значок был измазан запекшейся кровью.

— Чертовы самоубийцы, — повторил Рэй.

И забрал значок.

* * *

Прошло еще много времени, прежде чем Мист дал отбой.

Он медленно развернулся в кресле. Нависшая за спиной толпа, как по команде, отшатнулась. Мист обвел всех взглядом. Тихо скомандовал:

— Поднять дроны. Опустить щиты. Отбой тревоги поселку. Переходим в штатный режим. Сформируйте группу заменить МакКейна. Пойдете на Мухах строго по его маршруту, технику подберете на месте.

Еще раз оглядел толпу, остановил взгляд на наименее, как ему показалось, растерянном лице, ткнул в него пальцем и припечатал:

— Ты ответственный.

Обычно ответственным бывал Рэй, за все. И Мист выдавал команды в воздух, не переживая за то, что не будет услышанным. Но Рэя рядом не было, и нужно было в кого-нибудь ткнуть пальцем, оставить кого-нибудь координировать действия остальных. Сам он координировать уже не мог — слишком устал. К тому же сейчас перед ним стояли задачи несколько сложнее чисто механической деятельности.

А еще — подумал Мист, упираясь руками в подлокотники, — Рэй всегда помогает подняться, когда видит, что ему это трудно. Эти же насекомые, которые топчутся вокруг, тоже ведь видят. Но боятся что ли?

Он с усилием встал на ноги. Медленно направился к выходу. За спиной, снова сбившись

в кучу вокруг пустого уже кресла, молчали. И не дышали.

Мист шагнул за дверь, та закрылась за спиной. Он сделал еще несколько шагов и осторожно привалился плечом к стене. Перенапрягаться ему было нельзя.

А через мгновение — его явно поджидали — из-за угла выскочила Кейра и подхватила под руку.

— Пойдемте, мистер Джонс, — строго сказала она, — вам нужно отдохнуть.

— Не сейчас, — возразил Мист. Кейра попыталась было утянуть его за собой, но он не сдвинулся с места и очень внимательно уставился ей в глаза. И повторил:

— Не. Сейчас.

— Я вас так не оставлю, — предупредила она. — Давайте до кабинета доведу и...

— Кейра, — устало перебил он. — Я на Базе. Кабинет тремя этажами выше, и в нескольких шагах от меня лифт. Можешь проверить. Заодно подняться в приемную. И заварить мне чай.

— Но...

— Сейчас.

Она вздохнула так, будто обязательно в чай плюнет, но круто развернулась и направилась к лифту.

Вот эта совсем его не боялась. Ни капельки. Казалось, если он как-нибудь при ней не сможет подняться со стула — она его вместе со стулом и потащит куда-нибудь. Чтобы там, где-нибудь, поить чаем. Хорошая девочка Кейра. Лет ей немногим больше двадцати, почти как Рэю. Странно даже, что почти, как Рэю, потому что у нее и по глазам, и по походке, и по улыбке видно: девочка, почти ребенок. Цветущая и пахнущая, прямиком с Земли, и, как ни странно, до сих пор не усохшая в оранжевой пустыне. Была в ней какая-то глубокая внутренняя сила, которая заставляла каждое утро улыбаться, будто оно и впрямь доброе. И заваривать чай.

И пытаться помочь всем вокруг, особенно ему.

Мист давно подозревал, что у них, у Кейры с Рэем, какой-то тайный заговор касательно помощи ему. И возможно, щенкам, если они здесь когда-нибудь появятся. Насчет щенков точно уже обо всем заранее сговорились. Помощники, блин. Спасатели. Земляне хреновы.

Он сделал несколько шагов по коридору следом за ней, но завернул к балкону. Медленно вышел, закрыл за собой дверь. Щиты ползли вниз, полумрак неспешно наполнялся оранжевым свечением, оживал, набухал, и было ясно, что сейчас произойдет, но произошло все равно внезапно: из-за края щита мгновенной оранжевой испепеляющей вспышкой сверкнула Медуза. Швырнула прямой луч в глаза, будто пыталась ослепить. Мист закрыл глаза и отвернулся.

Она была еще той стервой, эта Медуза. Никогда не светила мягко, ровно — всегда будто швырялась светом, будто пыталась сжечь.

Мист сделал несколько тяжелых шагов вперед, оперся на перила. Ненастоящие, конечно же: за перилами балкон продолжался еще на пару шагов, а пейзаж было видно лишь через мощный слой прозрачного пластика. Перила тут были для красоты. Или чтоб опереться на них — они же знали, для кого строят Базу.

Перенес максимум веса на руки, медленно выдохнул, приводя себя в нормальное состояние. Перевел взгляд на левое запястье. Коснулся пальцем правой руки панели и сосредоточился, передавая пальцу команды. Набрать номер.

Чернофф отреагировал почти мгновенно.

И сразу, без лишних церемоний, очень сухо спросил:

— Где дети?

— Мистер Чернофф, — сказал Мист, — необходимо организовать неофициальный рейс до Рейны в кратчайшие сроки. И вернуть вашего младшего туда, откуда взяли.

— Где дети, Джонс? — процедил тот.

— В моем бункере, — ответил Мист. — Живы благодаря мне. Дышат моим кислородом. Не стоит благодарности. Стоит прислушаться к моей просьбе.

Чернофф шумно выдохнул. Он вообще дышал тяжело. Дышал, ходил, смотрел — все тяжело. Чернофф был тяжелым человеком.

— Вот не мог сразу сказать... — пробормотал он.

Мист молчал.

— Значит так, — заговорил Чернофф вновь, отдышавшись. — Мистер Джонс. Давайте встретимся и обсудим ваши условия, но лишь после того, как я получу координаты...

— Прекратите, — устало попросил Мист. — Я не в заложники их взял и не переговоры веду. Я пытаюсь обезопасить их. Вашу дочь в первую очередь. Отвезите Зака на Рейну, Эйв. А Мэя туда, где ему место.

— Опять шаманенок, да? — мрачно пробормотал Чернофф, помолчав.

— Не только, — исправил Мист. — Все они. Я не могу просить вас увезти Маргариту. Насколько я знаю, ее не к кому везти, — сделал ударение, чтобы Чернофф понял, он знает много, очень много. — Увезите Зака и Мэя.

— Ну, со Снежком уж я как-нибудь управлюсь, — все так же мрачно пообещал Чернофф.

— Да? — спросил Мист.

— Поверьте, мистер Джонс, я умею брать ситуацию под контроль, — сказал Чернофф.

— Тогда так, — подумав, заговорил Мист, — Зака увозите. Документы и самого Зака я вам предоставлю. Но его не вздумайте даже пытаться брать под контроль.

И предельно четко добавил:

— Зака не трогать.

— Да понял я, — раздраженно вздохнул тот.

Мист выдержал паузу. Продолжил.

— Касательно Мэя. Мне нужна информация. Предоставьте мне информацию по нему. И после решим. Но сначала Зак.

— Сначала, Джонс, — сказал Чернофф. — Где мои дети?

— Мои люди привезут...

— Нет, Джонс. Ваши люди пускай вытаскивают ваших детей. Думаю, у них достаточно дел нарисовалось после бури. А своих детей я вытащу сам.

— Я не могу разрешить гражданской технике идти по координатам, — сказал Мист. — Третья Зона.

— Мы высоко пойдем, — ответил Чернофф. — Так высоко, как ваши группы не ходят. Спустимся четко над бункером. Все, что будет нужно, открыть.

Мист поднял взгляд и уставился в пылающую рыжую пустошь впереди.

— Ладно, — сказал он. — Даю координаты и доступ к бункеру. Удачи.

Сжал и разжал пальцы, проверяя, насколько те слушаются его сейчас. Вбил команду в ком на запястье.

И снова поднял взгляд.

И на этот раз не шурился на оранжевые лучи. И не отворачивался.

— Ладно, — тихо повторил он, глядя вдаль, обращаясь уже не к Черноффу.

«Ладно», - сказал он Цитрусу.

Хочешь воевать? Будем воевать.

Это мы умеем. Мы уже научились.

Глава 12. Сирена

Сирена взвыла поздним вечером.

Ивор как раз забрался в окно, бесшумно спрыгнул с подоконника на пол, шумно уселся на койку, стащил куртку, ботинки. Сунул в рот сигарету и достал из кармана зажигалку, когда завьло.

— Серьезно? — мрачно спросил он, покосившись на окно. — Я ж только влез! Теперь обратно лезть?

Он часто тайком от старших ускользал на свиданки по вечерам. Рэй даже не думал, что в Академии в принципе учится столько особей прекрасного пола, а Ивор их умудрялся находить, охмурять и по вечерам к ним бегать.

Рэй со вздохом протянул руку, не глядя поднял лежащую комком на кровати куртку и стряхнул, выравнивая. Куртка пропахла Иворовым куревом. Всё в их комнате пропахло.

* * *

Как-то раз к ним зашел Ким. Не в гости, конечно, по старой дружбе — Ким иногда делал обходы. То есть вламывался в комнаты без разрешения и проверял, чтобы было чисто, красиво и чтобы койки заправлены.

У них в комнате царил вечный бардак, за что от Кима влетало не раз. Но в тот раз там еще и дым выветриться не успел. Ким замер на пороге и уставился на Ивора, едва успевшего швырнуть в окно сигарету, не просто удивленно — изумленно в крайней степени.

Ивор выпустил струюку дыма через нос, уселся на подоконнике и скрестил руки на груди, вопросительно уставившись в ответ на Кима. Мол, чего смотришь, Джонс? Вопросы?

— Завтра вылет группой, — заговорил наконец Ким, — я планировал поставить вас с девятым в паре. Теперь не поставлю. Девятый снова будет криво летать. А вы, Дартаг, криво бегать, потому что бегать вы будете долго и устанете. А когда устаете, бежишь криво.

— Произвол, — тут же заявил Ив. — Буду жаловаться.

— На здоровье, — кивнул Ким, разрешая.

— Наварху, — предупредил Ив.

— Ради бога, — согласился Ким.

— Я ведь просто тебе не нравлюсь, да? Так не нравлюсь, что даже фамилию вон запомнил.

— Я помню ваши фамилии, — отозвался Ким, развернулся и вышел.

— Сволочь, — тихо бросил Ив, когда дверь закрылась. И глянул на Рэя, ища поддержки. — Вот же ж сволочь, а... — и передразнил. — «Я помню ваши фамилии»!

— На ровном месте тебя обидел, да? — хмыкнул Рэй. — Вот ничего ты не делал, а он взял и летать не пустил.

— У него ничего на меня не было, — фыркнул Ив. — Никаких доказательств, что я что-то сделал не так. Потому что, думаешь, было бы у него что-то, он бы промолчал? Вот возьму и правда пожалуюсь.

Рэй качнул головой.

— Что? — спросил Ивор. — Нет, ты если хочешь мне что-то сказать, землянин, то ты

скажи.

Ивор злился. Злить его еще больше, находясь в замкнутом пространстве, было, конечно, опасно. Но Рэю и правда было что сказать.

— У него ничего на тебя нет, потому что он предпочел не искать, Ив. А у тебя в комнате — запрещенные вещества. А за тобой — хранение и употребление. За это не просто на вылет не пускают — за это в Академию больше не пускают. Выгоняют и не пускают. Он поэтому промолчал, а не потому что у него на тебя ничего нет.

— Дава-ай, — протянул Ив, усаживаясь на койку и, не глядя, вытаскивая из-под матраса новую сигарету. — Делай из Джонса хорошего парня. Я посмотрю на это. На то, как у тебя получится. Потому что ничего у тебя не получится. Потому что хоть убей, он не хороший парень.

— Он Гайд, — напомнил Рэй. — А ты лучший в группе.

— Вот! — поднял палец левой руки Ивор. Правой он уже держал новую сигарету и с наслаждением затягивался. — Вот потому ему придется терпеть меня с моими вредными привычками. Потому что когда-нибудь...

— Ты спасешь мир, да, — вспомнил Рэй. — И орден за это вручат не только тебе, но и твоему Гаиду. И все довольны.

— Тебя только жалко, — вздохнул Ив. — Расхреначишься же на взлете...

— Я очень постараюсь выжить, — проникновенно пообещал Рэй.

Через полгода он сдержал свое обещание. Ивор в целом тоже. Мир-то он спас. Не единолично, правда, вместе спасали. Но спас.

Предварительно порвав шнурок на ботинке.

* * *

Просто резко дернул в стороны, затягивая узел, и шнурок порвался.

— Seriously? — второй раз за вечер пробормотал он. Отбросил в сторону ненужный кусок шнура и завязал его остаток в куцый узелок.

— Джонсу это не понравится, — отметил Рэй.

— А Джонсу что-то вообще нравится? — хмыкнул Ив. — Кроме как гонять людей среди ночи под сиренами?

Рэй набросил пропахшую куревом куртку, вжикнул молнией.

Ивор не застегнул свою, подхватил оружие с тумбочки и шагнул к окну.

Они уже здорово натренировались собираться за пару секунд — и в окно.

Нормальные люди, конечно, по лестницам сбегали, но второй этаж — не высота. И быстрее так. Были даже гении, которые с третьего прыгали. И Рэй подозревал, что жили бы они с Ивом на третьем, они бы тоже были в числе гениев.

— Готов? — спросил он, окинул Рэя беглым взглядом, не дожидаясь ответа, выдохнул:

— Ну, поехали, — и сиганул в окно, даже не глянув, что там, внизу. А что ему глядеть? Он только что оттуда.

Рэй выглянул. И прыгнул следом.

Приземлились под окном и повернули к ровной каменной, будто отполированной — хотя тут всё такое было, будто отполированное и даже слегка блестящее — дороге, ведущей на плац. На дороге уже появились студенты из других групп. Из своей они пока никого не

видели.

Собиралась Первая медленно. Летала быстро, а собиралась медленно.

Ивор наступил на большой круглый камень — те стояли вдоль дороги вместо бордюра, и Ивор обязательно наступал на какой-нибудь из них вместо того, чтоб обойти. Такая у него была форма самовыражения, одна из. Рэй обходил.

И пока он обходил на этот раз, Ивор решил не ждать — двинулся вперед по дороге. Дорога поблескивала, впереди широкой полосой над горизонтом высился темный Аквилон. Ивор шагал вперед легко и уверенно, сунув руки в карманы, не оборачиваясь — он знал, что Рэй идет следом на расстоянии шага.

А потом затормозил, чтобы подождать. Слишком странное явление увидел впереди на дороге. Непривычного Кима Джонса.

Тот шел навстречу быстро, уверенно, чеканя шаг, будто ненадолго в него вселился сам наварх. Обычно он плыл ленивой и слегка опухшей тенью, а тут — маршировал. Еще и спешил.

«Настройки сбились», - сказал бы Ивор, но, кажется, слишком удивился, чтоб говорить. Кима вообще тут не должно было быть. Он должен был стоять на плацу с другими Гайдами и контролировать построение.

— Что-то не так, — пробормотал Ив, когда он уже пролетал мимо, а Рэй одновременно с его репликой перехватил Кима за локоть.

— Что? — спросил тот круто разворачиваясь к ним. По крайней мере, раздражение из голоса никуда не делось. Зато взгляд тоже изменился — был не рассредоточенным, как обычно, наоборот — очень сосредоточенным. Впивающимся. И сейчас — в Рэя.

— Что случилось? — тихо спросил Рэй.

— Чужие, — ответил Ким, продолжая пристально смотреть в глаза. Будто изучал. Реакции ожидал. Будто Рэй и сейчас — как всегда — сдавал какой-то экзамен.

Или будто это Рэй во всем виноват, Чужих, гад, призвал, а Ким теперь пытался спросить этим взглядом: «Видишь, что ты наделал?».

Именно из-за этого взгляда Рэю сначала показалось, что он шутит. Или врет. Хотелось думать, что он шутит или врет. Но подсознательно Рэй знал уже тогда, потом и сознательно понял: на некоторые темы Ким не шутил бы.

— Где? — спросил наконец Рэй, сдержав порыв уставиться в небо. Ивор уставился.

— На Цитрусе, — ответил Ким, выдрал локоть и жестом предупредил следующий вопрос. — Идите. Вам все скажут.

— А ты?

— Здесь останусь, — ответил Ким. — Цветы поливать. Щенков кормить. Вдруг щенки приблудятся.

Ивор фыркнул над ухом — ему нравилось про щенков.

— Идите вы, — пробормотал Рэй.

— Субординация, девятый, — напомнил Ким, развернулся и направился дальше — к корпусу. Наверное, проверить, не прячется ли кто под койкой. От Чужих под койкой не спрячешься. От Кима — тем более.

— Идите вы, мистер Джонс! — исправился Рэй, Ким, не глядя, отмахнулся.

А Рэй с трудом заставил себя развернуться и направиться к плацу.

— Хрень какая-то, — растерянно сказал он Ивору.

— Не парься, землянин, — тот тяжело хлопнул его по плечу. — На месте разберемся.

— Их же не бывает, — тоскливо пробормотал Рэй. Ему было страшно.

— Их не было, — исправил его Ивор. — Теперь есть. Навалием им — опять не будет.

— Как у тебя все просто, — покосился на него Рэй. И спросил уже не у него — в пространство. — Почему мы?

— У Джонса спроси, — пожал плечами Ивор.

— Нет, — сказал Рэй, — ну, ты мне скажи. Почему мы? У Гряды есть Флот со всеми его пушками и боевыми крейсерами, а мы только на цэшки сели. Я не хочу лететь на своей цэшке к Чужим. Может, это такая проверка? Новый уровень проверки?

— Завали, землянин, — попросил Ивор. На плацу было много народу. Но все еще — толпой. Никто не спешил строиться. Все растерянно бродили, толкались, переговаривались. Гайды — в том числе. Те немногие, что были здесь.

— Но я...

— Слушай, — тихо сказал Ивор, неожиданно жестко схватив за локоть. Сказал в самое ухо — чтоб точно никто не услышал. — Всю эту мутотень оставь при себе. Свое «почему мы». Нечего пацанам паниковать раньше времени.

Рэй посмотрел на него.

— Мы — потому что больше некому, понял? — тихо добил Ивор, отпустил и направился на плац.

А Рэй подумал о том, что Ивор не просто вырос — он стал совсем взрослым. Еще и поумнел, зараза, так что теперь Рэй чувствовал себя самым глупым даже в теоретических вопросах.

Конечно, их не стали бы бросать в бой с Чужими, если бы была возможность отбиться силами Флота. Зачем Гряде в бою с Чужими пацаны, которые еще вчера мяли цэшки и сносили ангары вместо целей?

Значит, Флот не справляется. И они, Академия Рейны, последний шанс Гряды.

«А значит, Гряда обречена», - мрачно подумал Рэй.

И направился следом за Ивом на плац.

* * *

Через пять часов их кэриэр вышел к Цитрусу.

А Ивор оказался не прав.

Там дрался весь Флот. Сдавал позиции, как узнал потом Рэй, но постепенно, понемногу. Пытались удержаться.

И тогда наварх принял стратегическое решение давить массой. Бросить всех и вся туда, лишь бы не отступить. По сути дела, они могли уйти, говорил потом Мист. Хорошая половина всех, кого разнесли на куски на орбите и в атмосфере, могла уйти. Детей можно было вообще не бросать, говорил Мист — и невероятно злился на наварха. Можно было отступить и закрыть за собой коридор. Да, оставить Цитрус, оставить передовые отряды, оставить население — кого не успели эвакуировать. А таких было много, потому что появились Чужие из ниоткуда, какое-то время висели над планетой, а потом, не реагируя ни на какие сигналы, атаковали. Наварх успел подвести Флот, но больше ничего сделать не успел — только вступить в драку. Эвакуацию проводили экстренно, скомкано, пока держали Чужих на орбите.

Когда силы Академии прибыли на место, эвакуацию уже не проводили. Все, кто остался на Цитрусе, были сами по себе. Наварх бросил в бой даже тех, кто должен был спасать население. Прикрылся стандартным «спасаем всю Гряду» и забил на оставшихся на планете.

Что другим группам говорили их Гайды, Рэй не знал. Ким со своими не общался, ни с кем. Закрылся в личной кабине кэриэра — и делайте, что хотите.

— Бунта ждет, — уверенно говорил Ивор. — Чтоб ответственность с себя снять. А вот хрен ему.

Может, он и впрямь ждал бунта. Ждал, что все поймут, что идут на самоубийство, и быстренько дезертируют. А может, схемы свои рассматривал. А может, три часа таращился на стену перед собой.

Это Ким Джонс, там все что угодно могло быть.

Всеобщее возбужденное напряжение сменялось мрачной усталостью. А потом обратно. Кто-то с кем-то поругался по дороге. Даже подраться пытались.

Драку разняли своими силами.

Ким не выходил.

И когда заветная дверь кабины отъехала в сторону, и Ким вышел, Рэй был готов увидеть, услышать все, что угодно. Но увидел лишь привычного скупающего и равнодушного Кима. Будто ничего не происходило вокруг. Будто они сидят в тренажерке, а он дает им вводные на очередной вылет.

— Цитрус, надеюсь, помним, — сказал он, обвел всех безразличным взглядом. — Птичек своих знаем. Летать и стрелять умеем, потому будем считать, что вы готовы. Все, что вам будет сейчас нужно, — летать, стрелять и слушать меня. Все уяснили? Галерка? Слушать каждое мое слово. Потому что видеть вы не будете ничего. Я руковожу операцией, радары у меня. У противника в боевом режиме отражатели, вы их не видите. Говорю стрелять по пустому месту — вы стреляете. Вопросы? Предложения? Нет? Хорошо. В таком случае сейчас каждый пойдет в свою птичку и всю кабину испишет номером, который вам присвоен. Этот номер — теперь вы. Потом вы отдохнете. Возможно, стоит почистить уши. Они вам пригодятся.

— А что там? — спросили из переднего ряда, с особым придыханием на слове «там».

Ким коротко раздраженно вздохнул, небрежно щелкнул пальцами, и на смотровом экране вспыхнула трехмерная карта битвы. Исполосованный меридианами и параллелями вращался Цитрус, вокруг него на трех условных орбитах вращались вместе с ним и двигались с собственной скоростью точки и пятна разной величины. Зачем-то за каждой из них тянулся хвост-траектория, что делало всю картину еще более трудной запутанной.

— Там — это, — сказал Ким.

— Своими словами не перескажешь? — громко спросил Ивор с задних рядов. Они с Рэем привычно стояли подальше от Джонса. Галерка же.

Ким глянул на него задумчиво, будто его не видел — думал о своем. Но ответил.

— На данный момент Флот оттеснил противника на вторую орбиту, противник очагово подступает к первой.

Рэй машинально отметил, как старательно Ким избегает слова «Чужие», давно уже привычное, среди флотских — так точно, потому что наварх его твердил постоянно. Возможно, так Ким пытался снизить уровень панических настроений. Либо просто не хотел повторять за папой.

— Несколько крупных судов пытаются снизиться. Нас бросают на одну из точек

снижения, — ровно продолжал Ким. — Задача — сдержать и уничтожить судна помельче. После этого — найти брешь в защитном поле крупного. Не дать войти в атмосферу. В атмосфере они работают в огневом режиме. На орбите глушат машины импульсами. Потому не забывайте о капсулах, капсулы на механике. Если машина глохнет, выходите в капсуле, вас потом подберут. Всё ясно?

Всё было ясно. Ким тогда не уточнил, что то судна помельче — это боевые крейсера, в несколько раз больше и маневреннее их собственных цэшек. Что ходят они под защитным полем, которое можно пробить в определенных точках, но для этого нужно успеть прицелиться, но их физически ни хрена не видно, и нужную точку может вычислить лишь Гайд. И к тому моменту тебя с девяностопроцентной вероятностью грохнут.

Ким не уточнил, что крупные суда, что пытаются снизиться, размером с крупный земной город.

Не уточнил и тот факт, что Чужие перегруппировались, а Флот за ними категорически не успевает. Почти все корабли основных групп удерживали на второй орбите несколько десятков крупных боевых крейсеров Чужих, а основная масса мелких шла на сближение с Цитрусом, окружив плотными сферами гигантов.

Правильно, наверное, сделал, что не уточнил. Все равно, кроме Гайдов, никто ничего не видел. Так чего детей заранее пугать?

— Еще вопросы? Или начнем наконец работать? — спросил Ким.

Все неуверенно переглянулись. А Ивор вдруг рявкнул:

— Чего стали?! По машинам, парни!

И его послушались — бросились врассыпную.

— Тебе надо поработать над командным голосом, Джонс! — весело сообщил ему Ивор.

— Спасибо, десятый, — равнодушно бросил Ким. — Вы, может, тоже в машину пройти соизволите?

— Я тебе соизволю, — угрожающе пробормотал себе под нос Ивор, — я соизволю...

Но направился к своей птичке.

Их с Рэем шлюзы были рядом.

Так было всегда. Соседние шлюзы, соседние птички, соседние места на тренажерах. Одна комната с соседними койками.

Соседние дома на одной улице.

И забор между ними, который очень просто было перемахнуть.

— Ив, — сказал Рэй.

— Собираешься обниматься, землянин? — с опаской уточнил тот. — Поплакать на плече друга? Сказать проникновенную речь о боевом товариществе?

— Иди ты! — фыркнул Рэй, толкнул его кулаком в плечо.

— Сам иди, — отозвался Ив. И уже нырнув в шлюз, добавил. — Придунок.

— Я слышал! — прокричал Рэй ему вслед.

— Я знаю! — гулко отозвался Ивор.

Створка шлюза закрылась.

Насовсем.

Потом, уже после Вторжения, Рэй очень долго не мог осознать произошедшего. Умом понимал, что Ивора больше не увидит, но этот факт будто не касался его. Не вызывал ничего. Не слишком беспокоил.

А потом, сидя в палате рядом с Мистом, который большую часть времени валялся в бессознательном состоянии, Рэй вдруг подумал, что Ивор так и не успел поменять свой оборванный шнурок. И это показалось ему чертовски несправедливым.

Он вскочил, прошелся от окна к двери и обратно, а потом подпер спиной стену, пару раз судорожно вдохнул воздух и разрыдался наконец в полный голос. Сполз по стене на пол, спрятал лицо в ладонях и продолжил рыдать.

Взрослый уже мужик. Остановивший и Вторжение, и наварха с его Омегой. И даже наварха, который пытался прорваться к Мисту в палату. Продолжил рыдать из-за шнурка.

Он даже засмеялся, так глупо это было, но смех снова перешел во всхлипы.

— Приплыли, — слабо прошептал лежащий на койке Мист. — Рэй, возьми пару дней отпуска. Слетай на Землю, отдохни.

— Я не... с Земли, — пробормотал Рэй, приходя в себя и пытаясь отдышаться.

— Я знаю, откуда ты, — даже шепотом Мист бывал очень раздраженным. — И знаю, что домой ты не полетишь.

И был, как всегда, прав.

Дома Рэя никто не ждал.

— Лети на Землю. Там всякие, — Мист слабо шевельнул ладонью, обозначая неопределенный жест, — рекреации. Бабочки. Цветочки. Песни. Психология. Как ты любишь.

— Пош-шел ты, — процедил сквозь зубы Рэй, все еще сидя под стенкой. Собираясь с силами, чтобы подняться.

— Я бы пошел, дорогой, — проникновенно проговорил Мист. — Но не могу, пока не поднимут. И не поведут.

— Видишь, — вздохнул Рэй и таки собрался. Рывком встал на ноги. — Какая к черту Земля. Мне еще тебя поднимать.

— И Базу строить, — напомнил Мист.

— И Базу строить, — отозвался Рэй.

И тоскливо глянул в окно. В небо, будто в нем могло быть видно Землю. Он бы слетал, только заранее знал откуда-то: никакие бабочки-цветочки и тамошние психологи ему не помогут.

Да и некогда ему. Тут у него Мист.

Там у него — Цитрус.

Глава 13. Мэй

— Наверное, про нас забыли, — пробормотала Гоша сквозь сон. Она крутилась, поудобнее устраиваясь на его коленях, но коленей ей было мало, она то и дело сползала на пол и никак не могла применить в полной мере свой фирменный защитный механизм: забить на проблему и поспать. Авось, сама собой решится как-нибудь.

Вокруг было тихо, как в гробу.

Да они и были в гробу. В огромном таком, каменном. Под землей. И сверху заметала песками буря.

«А если она затянется на сутки? Двое? До нас же не доберутся», - думал Снежок, но молчал. В тишине у Гоши все еще были шансы уснуть.

Гоша была неудобной и твердой. Мелкая, худющая, сплошные кости, когти да зубы. Она давила ему на ноги, стена врезалась в спину, и казалось, на голову вот-вот рухнет потолок.

А Снежок знал, каково это — когда на голову падает потолок. Это Заку хорошо — Зак обо всем, что падало, забыл. А Снежок помнит. Просто никому не говорит, чтоб ничего не усложнять.

Заку вообще хорошо. Ну, было, по крайней мере. Сейчас-то ему вряд ли... хоть как-то. И «хорошо» не совсем то слово. Не тому Снежок завидовал. Не хорошо — просто. Заку было просто.

Все понятно, все расписано, все легко. И на борд встать, и со стены прыгнуть, и тестовые симуляции в реальном времени под запись пройти. Разбомбил пару-тройку недругов, погонял по свалкам, нашел побрякушку для Гоши и прилетел к ним, весь из себя открытый, чуткий, внимательный. Улыбчивый и светлый. И не только к Гоше тянется — если б одной Гоше, это Снежок еще понял бы. Но он же так ко всем. И даже к самому Снежку. Который, вроде как, конкурентом должен был стать. Но нет — еще один его в младшие братья без спросу записал.

Снежок списал бы это на то, что выглядит даже младше, чем он есть. А ребенок — он и на Цитрусе ребенок. Никто его всерьез не воспринимает. Для всех он — мелкий. А значит, в определенной мере проект можно даже назвать удачным.

Но на этот раз дело было не в Снежке с его детским лицом и большими глазами. Дело было в Заке. Зак так не только с ним, Зак так со всеми. Начиная с дорогой ему Гоши и заканчивая его отцом, которого Зак терпеть не может. Но берет себя в руки, и ласково с ним, и нежно. Снежок так не смог бы. Придушил бы старика рано или поздно, пока тот спит. Чтоб старик и сам не мучился, и никого не мучил. А потом Снежок, конечно же, убедил бы себя, что так было надо. Что это он во благо. Даже не убеждал бы — знал бы заранее. Логично же.

А Зак каждый день собирается с силами. И каждый день улыбается Гоше. И каждый день, сволоочь, решает свои тесты и побеждает противников, а потом гоняет на сломанном борде, а свой, целый, отдает. А потом закрывает бункер и в гордом одиночестве мчится спасать всех.

И ты уже не просто завидуешь, не просто злишься, ты ненавидишь его всем сердцем за его долбаную правильность, за идиотский героизм, за то, что он всем старший брат. И тебе — в том числе.

Хоть ты и не просил.

И больше всего ненавидишь за то, что он, скорее всего, не вернется. Что бросил тебя одного. И ее — одну. И всех здесь, потому что без него все останутся одинокими. И перегрызут друг друга.

Был бы нормальным человеком — как хорошо было бы. Ругались бы с ним. Иногда, возможно, даже за Гошу. Подрались бы — и он, скорее всего, победил бы, здоровый кабан. Не разговаривали бы и плевались друг другу вслед. И Снежок не летал бы с ними на этих досках, и Гошу бы не пускал.

И сидели б они сейчас с Гошей на каком-нибудь складе отцовского дрома, пили бы запрещенную гадость, жевали б конфеты. А Зак бы в своем подвале курил бы какую-нибудь шаманскую дрянь. И никто не увидел бы бурю. И все были бы живы.

А с бурей разобрались бы без них. Они в конце концов, просто дети. Почему они должны разбираться с их бурями?

«Сколько можно разбираться с их бурями?» — устало подумал Снежок, откинул голову назад, уперся уже не затылком — макушкой в твердую холодную стену и уставился в темный потолок.

Без Зака они станут злее.

Без Зака Гоша сожрет всех вокруг.

И хорошо. И будут знать, как бросать их посреди бури. Не справились сами с бурей — с Гошей не справятся и подавно.

Возможно, потому их не спешат вытаскивать. Мист умный, так, по крайней мере, все говорят. Значит, Мист догадывается, что его ждет. Мист очень не хочет, чтобы безумная девка-диверсантка, пытаясь отомстить за любимого, расхерачила всю Базу, которую он так старательно возводил.

А если серьезно, ей даже не нужно будет уничтожать Базу физически. Ей достаточно поднять бучу. Она может, она, черт возьми, свидетель. Мист не сделал ничего, чтобы попытаться загнать Зака в бункер. Это можно использовать против него. Гибель в песках подростка по вине либо по халатности Кима Джонса — это настоящий удар и по Базе, и по Мисту, и по самому наварху. По гребаному Флоту в целом.

Так что да, если Гоша захочет, она тут все уничтожит, и это не преувеличение.

И потому о них, скорее всего, не забыли. Их просто не хотят забирать. Мист может сказать всем, что дети погибли втроем.

И запечатать бункер. А для верности пустить сюда еще какой-нибудь газ. Или просто взорвать. И никто ему не помешает — Рэй даже не знает, что они здесь. Рэй наверняка сам где-то среди бури — по такой тихой погоде странно было бы, если б они не поперли добивать Вторую. Хорошо еще, если Рэй сам выживет. А уж им-то он точно не поможет.

Снежок крепко зажмурился, выгоняя из головы параноидальный бред. Зажмурился до цветных пятен перед глазами.

Нет. Всё не так работает. Мист, может, как раз и так, но именно потому у него есть Рэй. И даже не нужно, чтоб Рэй знал о чем-либо. И совсем он Мисту не для координации и организации, и даже не как советник нужен, особо приближенный и самый главный, и даже не как специалист в какой-то сфере — Зак прав, Рэй совершенно не специалист. Ни в чем. Черт, он даже не военный, если на то пошло. По нему ведь видно — он совсем не военный. И вряд ли кого-то там как-то очень героически спас. Нет у него той смерти в глазах, которую несут они все.

Мист держит его рядом совсем по другим причинам. Мисту, так же, как Снежку, нужен

человек без смерти в глазах. Настоящий живой человек. О котором можно мысленно спросить себя: «А что бы сделал он?». Мист умный, и именно потому понимает, что иногда этот вопрос стоит себе задавать. Иногда решение не должно быть рациональным. Иногда решение должно быть человеческим. Добрым. Снежок, старательно копируя Зака, не раз убеждался — это работает. Работает быть человеком. А с этим, с человеческим, у Миста серьезные проблемы, это Снежок тоже давно понял. Рыбак, как говорится, рыбака.

И сейчас он очень надеялся, что прав в своих рассуждениях и выводах. Потому что Рэй никогда не бросил бы в бункере детей. Даже тех, которые потом, выйдя наружу, уничтожат к чертовой матери мир, пытаясь отомстить гребаной планете за потерю своего человека. Человека-то рядом не будет, чтоб их остановить. И они понемногу забудут ответ на вопрос: «Что сделал бы он?».

— Гоша, — сказал Снежок, — если... когда нас вытащат, ты ведь не будешь делать ничего, о чем потом пожалеешь?

— Я никогда не жалею о том, что сделано, мелкий, — пробормотала она и снова принялась крутиться у него на коленях. — И сейчас ударю тебя и не пожалею об этом. Спать мешаешь.

— И что? — спросил Снежок. — Легче станет, если ударишь? Не станет же.

Гоша перевернулась на спину, уперлась твердыми лопатками ему в ноги и с раздраженным вздохом распахнула глаза. Сна в них не было.

— Легче станет, когда я этого мудака убью, — отчеканила Гоша.

— Вот о чем я говорю, — кивнул Снежок. — Не надо никого убивать...

— А ты не говори, — холодно перебила она. — Экономь воздух.

— Воздух здесь на цикле. Ты же сама сказала.

— Я не сказала, — процедила Гоша, — я спросила. У Зака. Зак ответил бы. А ты нихрена не ответишь, потому что нихрена не знаешь. Только мямлишь!

Бессильно рыкнула себе под нос, резко вскочила и прошлась по бункеру.

— Я мямлю? — угрожающе спросил Снежок, поднимаясь. — Я тихо говорил, чтоб ты поспать могла!

— Так ты меня жале-ел, — с деланным пониманием протянула Гоша. И тут же сменила тон. — Мне не нужна жалость, мелкий, ничья и уж точно не твоя!

— Так я и не буду больше жалеть, — пожал он плечами. — Придется прекратить жалеть. Надо ж тебя как-то на место поставить.

— Меня?! — возмущенно задохнулась Гоша. — Кто меня ставить куда собрался?! Ты?!

И бросилась на него.

Снежок перехватил ее руку, выкрутил, дернул, разворачивая Гошу так, чтоб обхватить ее со спины. Она зарычала и вцепилась зубами в руку. До крови. И ногами принялась молотить. И пытаться достать локтем.

— Да... уймись... ты... — цедил он, с трудом ее удерживая.

Но унялась она, лишь когда оба заметили: подъемник опускается. Как тот уплыл вверх, внимания не обратили — не до того было. И вот теперь он плавно и неотвратно полз вниз. На подъемнике возвышалась гигантская темная фигура отца.

Снежок отпустил Гошу, и та отпрыгнула в сторону, тяжело дыша и вытирая окровавленные губы. Снежок прижал ладонь к рваной ране на руке — Гоша не просто укусила, она попыталась нанести максимум ущерба.

В мертвой тишине подъемник опустился вниз. Замер на полу, притих под ногами отца,

и только тогда отец сделал шаг вперед. И грозно спросил, переводя взгляд со Снежка на Гошу:

— Я что сказал? Я сказал не общаться с этим парнем. Он ненормальный, он опасен, хоть теперь вы это видите? Теперь до вас дошло, почему с ним нельзя дружить?

«Так не говорят о погибших», - подумал Снежок и покосился на Гошу. Та как раз глянула на него. И изумрудами сверкнули в полумраке кошачьи глаза. И на окровавленных губах вспыхнула короткая торжествующая ухмылка.

— Они еще переглядываются! — возмутился отец, но был совсем не страшным.

Теперь ничто не было страшным, теперь всё снова было хорошо.

Даже бури больше не были страшны, наверное. Зак ведь, получается, победил бурю? Утер ей нос тем, что выжил, — так точно.

* * *

— Нет, — сказал отец, когда его крейсер пошел на взлет над бункером. Взмыл в небо так резко, будто за ними гнался кто.

Снежок пристегнулся и молчал, поглаживая забинтованную руку. Понимал, чем чревато сейчас завязывать беседу. Гоша же, которая никогда не умела промолчать вовремя, открыла была рот, чтобы что-то сказать, что Чернофф оборвал ее своим грозным: «Нет».

— В молчанку, значит, будем играть, — пробормотала она, надувшись.

Чернофф не ответил.

Так и промолчали всю дорогу. А дома, как только вошли и сбросили покрытую песком обувь, так же коротко кивнул ей, указывая на второй этаж. На ее комнату. Домашний арест, значит.

«Могло быть и хуже», - подумал Снежок, и тут же стало хуже, потому что ему Чернофф сказал:

— Со мной, — и неспешно направился в кабинет.

— Эй! — возмутилась Гоша и схватила Снежка за руку, останавливая от шага следом. Шагнула следом сама, прикрывая его собой, и уставилась отцу в глаза. — Ты что удумал, бать?

— Проясним с твоим братом некоторые вопросы, козочка, — мягче ответил Чернофф. Но мягкость получилась вкрадчивой. Угрожающей.

Гоша приблизилась к отцу вплотную, уставилась в глаза и очень-очень тихо, так, что Снежок едва разобрал, прошептала:

— Он ни в чем не виноват.

— Хорошо, что ты его защищаешь, — кивнул Чернофф, — защищать семью очень важно. Теперь в свою комнату или я позову людей, чтобы тебя проводили.

— Пф, — скривилась Гоша. — Людей! Они ж меня боятся нафиг.

— Меня пока еще больше, — напомнил Чернофф, и Гоша, померившись с ним взглядом еще пару секунд, круто развернулась, размашисто прошагала мимо Снежка и взбежала по скрипучим ступеням на второй этаж.

Чернофф снова кивнул ему, и на этот раз Снежок нехотя поплелся следом.

— Как тебя зовут? — уточнил Чернофф, открывая кодовый замок. Пока его дома не было, дверь в кабинет всегда была заперта. Дверь в кабинет у него была заперта круче, чем

весь их дом. И чем его ангары на дроме.

— Мэй, — привычно отозвался Снежок.

— Настоящее имя, — потребовал Чернофф.

Вошел, вразвалочку добрался до стола, уселся там в кресле и вопросительно уставился на Снежка, который все еще стоял почти что на пороге. Не хотелось идти дальше. Здесь спасительная дверь была в обманчивой близости.

«Но на двери кодовый замок, — напомнил себе Снежок. — И дверь захлопнули. А вот окно за спиной бати открывается одним нажатием на ручку. Так где логичнее находиться?».

— Мэй, — повторил он, подошел к столу и сел в кресло для посетителей.

— Послушай, — Чернофф положил руки на стол и сплел между собой пальцы. — Я ведь не спрашивал у тебя ни о чем, правда? Ты мой пацан, и мне нет дела до того, где и кем ты был раньше. Но дело уже не во мне. Вы все-таки достали... — он ткнул пальцем в сторону, где стояла База. — Всех. Вы достали Миста. И теперь с ним нужно что-то решать.

— Звучит угрожающе, — отметил Снежок.

— Тихо, — оборвал Чернофф, который не был настроен шутить. — Вам повезло, что тот... — он сделал паузу, будто пытался вспомнить имя, хотя прекрасно он знал имя, выпендривался просто, — что тот шаманенок достал его и всех вокруг куда больше. Потому теперь мне придется позаботиться о нем, чтобы вас не трогали. Касательно тебя — Мисту нужна информация. Всего лишь информацию. Я даже не ругаю, как видишь, ни тебя, ни Гошу. Потом вас буду ругать. Пока все это нужно пережить, вместе, как семья.

— Кстати, — сказал Снежок, — насчет семьи. Где, говоришь, ее мама?

— Мист знает, где ее мама, — внушительно ответил Чернофф, четко дав понять, что шантаж тут не пройдет. — А ты... — и погрозил Снежку пальцем. — Ты, малыш, опаснее, чем я думал.

— Я опаснее, — легко согласился Снежок. И уставился ему прямо в глаза. Пора было идти ва-банк, потому что дальше изображать испуганного ребенка было бесполезно. Да и бессмысленно.

— Это хорошо, — неожиданно усмехнулся Чернофф. — Я это сразу понял, малыш. Все ждал, пока ты себя покажешь. Ну, давай теперь. Показывай. Рассказывай.

— Мисту нельзя ничего знать, — тихо сказал Снежок, — Мист меня здесь не оставит.

— А не надо было в Третью лезть, — пожал могучими плечами батя. — Сидел бы тихо, не отсвечивал бы, никто б тебя не тронул. Дурень ты мелкий. Давай, колись, что у тебя. Мисту расскажу потом свою версию.

Снежок молчал, и Чернофф тяжело и глубоко вздохнул. Уперся локтями в стол и подался вперед.

— Слушай сюда, пацан, — проговорил тихо, будто их кто-то мог подслушивать. Мист, конечно, мог, но чисто теоретически. И где-то в поселке. Там у него должны быть уши. В поселке — да, но не в доме. И тем более не в запечатанном семью печатью и кодовым замком кабинете. — Ты еще подрастешь немного и станешь тут всем заправлять. Потенциала у тебя море. Молчать умеешь, когда надо. И выступить тоже, когда надо. Это я уважаю. И никакому Мисту не сдам. Но...

Чернофф поднял толстый палец вверх, выдержал многозначительную паузу и только потом продолжил:

— Но мне нужно знать, что я могу тебе доверять. Что мы с тобой семья. Не хочешь втягивать в это Гошу — без вопросов. Ее, как видишь, тут нет. Но я — я должен знать.

Снежок кивнул, глядя в стол. Собрался с мыслями и поднял взгляд.

— Неочем знать, — глухо ответил он. — Был проект. Накрылся. Сильно накрылся, и там все погибли, а мне повезло, я мимо проходил, меня волной зацепило. Но ты же знаешь флотских, бать. Если проект накрылся, то надо накрыть и тех, кто с ним связан. Потому мне нельзя светиться. А если Мист узнает...

— Значит, не просто так он к тебе привязался, — хмыкнул Чернофф. — Знает что-то? Или чует?

Снежок только плечами пожал. Откуда ему знать, что знает Мист.

— Знал бы, — осторожно сказал он, — не спрашивал бы тебя обо мне.

Чтоб отвлечь Черноффа от мысли, что Мист может просто проверку такую устроить.

— А может, он так мою лояльность проверяет?

Ага, этого отвлечешь.

Снежок устало вздохнул. Опустил взгляд на стол.

— Да... — задумчиво продолжал Чернофф, — только знает же: ни хрена я не лояльный. Ты, малыш, не бойсь. Я корабли с Цитруса уведу, если надо будет, перебазирую, но тебя в обиду не дам. Что нам корабли, да?

— Что ты сделал, бать? — тихо, но твердо спросил Снежок, продолжая глядеть в стол.

— А? — якобы не расслышал Чернофф.

— Что ты сделал, раз так обо мне печешься? — Снежок поднял глаза. — Кого убил? За что хочешь искупить вину?

— Ну, паца-ан... — все так же задумчиво протянул тот, помолчал и решительно хлопнул ладонью по столу. — Давай так. Я тебе на эти вопросы не отвечу, но и тебе их не задам. Останемся при своем, в счастливом неведении. Я тебя понял. А ты меня?

— Понял, — кивнул Снежок.

— Марш в комнату тогда, — скомандовал Чернофф. — Домашний арест на двое суток. Пока я с Мистом разберусь, с заразой нюхастой... И Гошу не трогай. Не разговаривайте вообще ни с кем, ясно?

— Ясно, — кивнул Снежок.

Ему действительно все было ясно. Указания вполне понятны. Другое дело — он никому не обещал их выполнять.

Глава 14. Чужие

Кэриэр завис на подходе к третьей орбите Цитруса.

Рэй нырнул в шлюз, прыгнул в птичку, закрепился в кресле, вырубил свет, маякнул «готовность» и уставился на экран. Перед глазами вспыхнула схема, но динамики молчали — кого-то еще ждали, — и Рэй переключился на иллюминатор. Там тоже ничего не было.

Тьма перед глазами и гнетущая тишина в динамиках. Холодная пустота.

И далеко впереди неспешно плывет поперек иллюминатора небольшой шарик, который отсюда кажется плоским. Но он, конечно же, не плоский, и не он плывет — вращается вокруг своей оси кэриэр, вращаются все они в своих цэшках, закрепленных в гнездах и готовых сорваться по первому же приказу Кима. Но приказа нет. И диск Цитруса уже укатился прочь.

«Почему планету назвали Цитрусом? — внезапно задался вопросом Рэй. — Диск веде — белый отсюда. Оранжевое оно там, внутри. Планеты же сначала называют, а потом заселяют, не наоборот? Откуда знали, что оно там оранжевое?».

Рэй сейчас старательно думал над всякими глупостями, потому что ему стало страшно. Уже через несколько секунд ожидания захотелось нажать на «старт», просто чтобы сделать хоть что-нибудь. Чтоб не задыхаться в холодной черной бездне, куда, казалось, он уже падал.

И где-то на краю сознания, еще не охваченном панической атакой, мелькнула здравая мысль: «Все уже давно по местам. А Джонс, сволочь, ждет момента, когда их всех охватит этот страх. Когда все вцепятся за голос Гайда и рванут навстречу смерти с нечеловеческой радостью лишь бы убежать от бездны. Из одного небытия — в другое».

Все лучше, чем бездна. Даже Ким Джонс.

Динамик щелкнул, и Рэй тихо облегченно вздохнул, потому что понимал: надолго оставлять их, всех их, в таком подвешенном состоянии нельзя. Свихнутся еще чего доброго. Или запаникуют еще больше и откажутся лететь вообще. Будут только и думать о том, чтобы вернуться, уже даже не домой, хотя бы в главный корпус кэриэра, где есть свет, притяжение и обманчивое ощущение почвы под ногами.

— Окей, господа, — прозвучал голос Кима, вновь ровный и бесцветный, с привычными нотками равнодушного презрения, и снова показалось, что все это — не взаправду. Очередные учения. Очень реалистичные симуляторы.

А Ким говорил:

— У меня вас тридцать единиц, я не намерен путаться в ваших именах, потому еще раз внимательно смотрим на цифру на экране.

Рэй переключился на экран, в углу вспыхнула белая девятка.

— С этого момента вас так зовут, — продолжил Ким.

«Как будто нас когда-нибудь у него звали по-другому», - мысленно фыркнул Рэй. И снова подумал, что именно потому Ким обращался к ним исключительно по номерам. Чтоб запомнили. Он прекрасно знал фамилии — сам говорил — всех своих подопечных, но ему нужно было, необходимо было, чтоб они рефлекторно реагировали на присвоенный порядковый номер. Ким Джонс был хорошим Гайдом. Плохим человеком — может быть. Хреновым учителем — ясен пень. Но хорошим Гайдом.

Хотя, если честно, Рэй и человеком его считал хорошим. Несмотря ни на что. Хорошим, просто вечно недовольным.

— Вы все у меня в эфире, — говорил Ким, — то есть я прекрасно слышу каждого, и если кому-нибудь не отвечу, значит, не посчитаю нужным. Вопить о чувствах к вашей мамочке, отпускать едкие комментарии, говорить по душам, девятый, или рассказывать свежие анекдоты, десятый, не вздумайте. Только по делу. Не отвлекайте меня по мелочам. Кодовое имя группы: Арго. Если позывной прозвучит в эфире на вашей частоте, значит, к вам обращается руководство операцией. Слушать и выполнять. Начинаем.

И с легким насмешливым презрением добавил:

— Аргонавты.

И Рэй машинально, продолжая процесс размышления о глупостях, чтоб не думать о насущном, задался вопросом, почему такое дурацкое название. Такое название подошло бы исследовательскому крейсеру первооткрывателей. Телескопу, блин. Но не боевой группе.

Экран погас.

Створки шлюза поползли в стороны.

«Не успели ничего умнее придумать, — решил Рэй. — Привычные позывные а-ля Альфа-Браво растащили боевые корабли Флота. И Первой группе из Академии срочно нужно было придумать чего-нибудь на «А». А им сейчас не до вдумчивого подбора имен».

Рэй медленно выжал тягу, повел рычаг вперед. Птичка пошла.

И Ким тут же заговорил. Говорил быстро, ровно, будто текст по бумажке читал своим фирменным мертвым голосом. Смотрел в свою интерактивную схему и тараторил команды:

— Отражатели на максимум. Фотонная тяга. Первый, второй, прямо, скорость двадцать, третий, четвертый, вверх, угол десять, пятый...

«А ведь у него это откуда-то взялось, — подумал Рэй, — смерть в голосе. С самого начала была. Это он тоже специально? Прятал живого Кима, чтоб приучить к себе такому, мертвой машине, отдающей команды?».

Еще Рэй успел подумать, что интересно было бы услышать, как звучит живой Ким.

Этого он так и не узнал. Если что-то живое и было тогда внутри Кима, оно уж точно расхерачилось о Цитрус насмерть.

А потом услышал свой номер.

— Девятый, десятый, в сторону и вниз, угол пять, вращение десять.

Ким говорил дальше, но Рэй дальше не слушал. Он пошел вниз. И Ивор — рядом.

— Первый, второй, огонь, нырнуть на вращениях, замереть на пять, третий...

— Мать твою! — выдохнули в динамиках, Рэй узнал голос первого. — Я их вижу!

— ...четвертый, — ровно продолжал Ким, — огонь и в сторону петель, обратный курс. Пятый, шестой, минута хода до цели.

Поначалу Ким разбил их на пары: прощупать крейсера Чужих. Те, которые сейчас пытался воссоздать и по аналогии с Мухами обзывал Ласточками. Они были больше цэшек в несколько раз и, несмотря на габариты, маневреннее. Цэшки в сравнении с ними не летели — плыли, увязали в пространстве, как в киселе. И никак не могли пробить силовое поле, чтоб их хоть на мгновение видно стало, поле не глушилось импульсами. Вообще никак не глушилось.

Все, что оставалось, — двигаться. Уходить, лупить бесполезным импульсом, снова уходить и замирать — чтобы полностью укрыться отражателем. В движении отражатели работали плохо, но двигаться было нужно. Перемещаться хаотично — не позволить просчитать траекторию.

— Теперь и я их вижу, — прошептал Рэй на подходе к своей цели.

Они создавали рябь. Едва различимое колебание пространства, заметное только с очень близкого расстояния.

— Девятый, вниз, на девяносто, — тут же скомандовал Ким. — Десятый, аналогично.

К тому моменту еще несколько цэшек сбили на подлете.

Импульсы Чужих глушили все системы, потому пилоты уходили тихо — просто пропадали из эфира. Ни крика, ни слова, ни звука. Раз — и бездна проглотила еще одного. И еще. И еще.

— Ого! — неожиданно обрадовался Ивор. — Тут еще один, внизу, прямо подо мной. Видишь его, Джонс?

— Восемнадцатый, огонь, — не ответил Ким, потому что Киму было некогда отвечать, — девятнадцатый, право, горизонтально тридцать, вниз, вертикально пять, двадцатый....

— Землянин, — позвал Ивор, — а развернись-ка ко мне носом.

Ким снова никак не среагировал, продолжая раздавать команды остальным, и Рэй плавно повел птичку на разворот. Уточнил:

— Зачем?

— Выстрелишь в меня, — сказал Ивор. — А я в тебя.

— И-ив... — неуверенно протянул Рэй, но Ивор перебил:

— Не тупи, землянин, — насмешливо фыркнул он, — они быстрые, так? Сделаем им из этого проблему. Жахнем между ними, пойдет волна. Глядишь, сначала жахнут в ответ, а потом поймут.

— Седьмой, — неожиданно переключился с бубнежа по третьей десятке Ким, — разворот на девяносто, горизонтально, максимальный импульс прямо по курсу, уход на пятьдесят и замереть.

И затараторил дальше, возвращаясь к третьему десятку, точнее, к тем, что от него осталось.

«Черт! — удивился Рэй. — Да он нам шанс дает! Ведет седьмого на отвлекающий маневр для наших Чужих. Только он не сможет отвлечь, если они нас видят. Они и нас, и седьмого сшибут. С другой стороны, заметили б, куда мы нырнули — уже сшибли бы. Может, у них тут слепая зона? Под брюхом?».

Чужие, глушащие всех на подлете, все еще не ударили по его цэшке. Они с Ивором провисели под их экранированным кораблем уже несколько мучительных секунд, выходя на маневр, и до сих пор были в строю. Значит, их не видели.

Правда, куда именно он выходит, Рэй тоже не видел. Видел небольшое искажение пространства прямо над головой — одну птичку Чужих. Ивор якобы видел еще что-то внизу — вероятно, вторую. А они вдвоем болтались где-то между. Самого Ивора, кстати, Рэй тоже не видел, и совершенно не был уверен в том, что разворачивается, куда надо.

А развернуться нужно было точно — чтобы точно ударить.

— Есть вариант, что тут у них слепая зона, — сказал Рэй. — Снимем экраны?

— И задний ход по выходу на цель, — легко согласился Ивор, которого хлебом не корми — дай совершить самоубийственный маневр. Так было на тренажерах, так действовал он и здесь. Сам Рэй, наверное, от него этой самоубийственности нахватался. Да и терять ведь было нечего.

Он щелкнул тумблером, увидел цэшку Ивора. Тот завершал разворот вдалеке, и как только они оказались нос к носу, оба дали полный назад.

— Раз, — сказал Ивор.

— Два, — сказал Рэй хором с ним, мягко нажал на кнопку на «три» и тут же переключил отражатель в рабочий режим. Ивор тоже исчез с монитора. Рэй взял круто вправо и замер.

Что-то продолжал бормотать Ким, переговаривались еще несколько пилотов, и Рэй даже смутно узнавал голоса, но все это стало очень далеким. Потому что сейчас перед ним был только пустое пространство, и где-то в нем — Ивор. И где-то там — импульс, который, столкнувшись с Иворовым даст волну, которая может...

А потом вдруг стало видно птичку внизу.

Огромный темный шар, настолько темный, что и без отражателей мог спокойно ходить в пространстве. Если не всматриваться — не увидишь. Чуть плотнее самого пространства, чуть тяжелее. И торчащие в стороны длинные отростки — то ли пушки, то ли щупальца.

— Фига се амёба... — хмыкнул Ивор, и Рэй облегченно выдохнул. Ивор все еще был в эфире и даже все еще веселился.

— Гайд, — сказал Ивор, — вижу цель, есть выстрел.

— Арго, замереть всем, — сказал Ким. — Перегруппировка.

— Есть выстрел, — настойчиво повторил Ивор.

— Галерка, включите мозги обратно, — устало бросил Ким, — вторая птичка не повреждена. И там уже поняли, где вы. Замрите и не дышите, чтоб они не определили точнее.

— Пош-шел ты, — выдохнул Ивор, и Рэй не увидел, но прекрасно понял: выстрелил. Рэй зафиксировал цель и тоже влупил со всей дури. Вильнул в сторону и влупил еще раз. И вышел на третий удар.

Возможно, на провокацию повелись сразу оба корабля: пальнули друг в друга. И если на первом отказало вообще все, то на втором все еще работали отражатели. Но заклинило оружие. Иначе объяснить тот факт, что Рэй все еще жив и, что самое главное, жива его машина, не получалось никак. Либо им просто повезло, и именно на этом корабле Чужие попались косорукие, и никак не могли по ним попасть. Ким подумал, вероятно, о том же и тихо скомандовал:

— Одиннадцать, двенадцать, право сто семьдесят, вниз на тридцать, максимальный импульс, — запустил сразу двоих отвлекать внимание стрелков все еще экранированного корабля на случай, если те таки попытаются поймать Рэя с Ивором на прицел.

А еще Рэй снова слышал нотки эмоций в его голосе — вселенскую усталость и не менее вселенское презрение. Ким понемногу оживал. Им удалось найти слабое место противника. Слепая зона под брюхом птички и слишком быстрая реакция пилота — неплохо за один присест. Плохо, что потеряли к тому моменту они уже почти половину машин. Рэй все еще надеялся, что потеряли исключительно машины, что пилотов потом подберут.

— Смотри, — замороженно прошептал Ивор.

Рэй и так смотрел, но только через миг понял, на что именно. И почему-то очень осторожно и очень тихо выдохнул. Птичка Чужих разваливалась. Медленно и плавно от корпуса отделился один из отростков. Вращаясь поплыл к Рэю. Сам корпус так же, не спеша, развалился строго пополам.

— Мы его уделали, Гайд! — сообщил Ивор. — Похвалишь? Нет? Грамоту? Орден?

— Ив, — перебил его Рэй — он помнил, ничего лишнего в эфире. Ива просто понесло. Он и так был перевозбужден от самого процесса, а тут еще и победил Чужого.

Ким продолжал чеканить инструкции и, насколько понимал Рэй, теперь выводил парней на точки ударов высчитывая слепые зоны машин противника по их курсам. Но не всегда получалось, потому что хрен их разберет, этих Чужих, носом они вперед вообще летают или жопой. Их ведь нихрена не видно.

— Девять, десять, — проговорил Ким, — разворот сто восемьдесят горизонтально, максимальный импульс. Добивайте.

И отправил одиннадцатого с двенадцатым дальше.

Экран у второго Чужого уже тоже барахлил, видно его было гораздо лучше, и Рэй с Ивором принялись радостно добивать.

На какое-то время появилось ощущение, что они могут победить. Что это в принципе возможно. Ким уверенно вел изрядно поредевшую группу, маневрируя так, чтоб машины оказывались между кораблями противника. Те тоже перегруппировались, и теперь это было нелегко, но еще одну птичку общими усилиями уложили. Ким не говорил, что птичек еще с десяток. Что с орбиты к ним уже несутся огромные боевые крейсеры — поддержать Ласточек. Что Флот катастрофически не успевает за ними, потому что их машины тоже — как в киселе. Что один из гигантов Чужих, именно тот, к которому они пытаются пробиться уверенно пошел на снижение, а их самих осталось от силы десяток из трех.

Остальные монстры все еще висят на орбитах, позволяя своим защитникам принимать бой, а этот, их монстр, как назло — пошел вниз.

Ким не говорил, но знал.

И предположил, что на орбите противнику удобнее держать контроль. Раз вниз пошел только тот, где контроль удерживали хуже, тот, возле которого птичкам нанесли ощутимый ущерб. Они все давно могли пойти на снижение, прорвались бы с боем, но зачем им бой, если удобнее перебить Флот на орбите?

А значит, в атмосфере перебить будет уже не так просто.

Потому, как только огромный корабль двинулся вниз, Ким не предпринимал попыток удержать его здесь.

— Арго, на снижение, — тихо скомандовал он, — встретим их на Цитрусе.

И принялся выдавать координаты.

— Сразу нельзя было так? — пробормотал Ивор, разворачиваясь.

— Мы не знаем их возможностей в атмосфере, — ровно произнес Ким, то ли напоминая всем, то ли отвечая лично ему.

— Зато свои знаем, — фыркнул Ивор, и Рэй снова услышал довольную ухмылку в голосе. А потом понял, что Ивор-то прав. И что Ким это должен был понять давно, с его-то компьютерными мозгами. Сразу должен был понять, как только ему сообщили расклад, а сейчас просто подтверждение получил. И что Киму, если тот выживет, за вот это снижение очень влетит от наварха. Потому что очевидно же: попытка отбросить противника с орбиты провалилась в то время, как из атмосферы их все-таки выгнали. И самым адекватным стратегическим решением было бы занять оборону там, где удобнее сражаться. Но наварх, вероятно, слишком боялся Чужих.

Еще бы: столько лет ими всех пугать — немудрено и самому схватить мандраж. И перестать рассуждать здраво. И бросить на гребаные орбиты всех, даже детей. На гребаные орбиты, и чем дальше орбита, тем лучше. И плевать, что Чужим здесь воюется легче. Академия большая, есть кем жертвовать. А потом памятники поставить. И песни сочинить, героические.

Рэй потом ни разу не изучал карты боя. Во-первых, те были засекречены, что тоже неудивительно: кому охота демонстрировать всем свои ошибки? Во-вторых, ему становилось нехорошо, стоило только вспомнить обо всем этом. Становилось горько и тошно. Будто там не только наварх ошибся — ошиблись они все. Возможно, так и было. И чувство вины Рэй попросту предпочел перенести. Благо, было на кого.

Наверное, ошиблись все. Но победу на Цитрусе, которую воспевали по всей Гряде, и победой-то считать было глупо. Они все проиграли там.

Но об этом Рэй думал потом.

А в тот момент просто решил, что наварх — гребаный параноик. Эгоистичный параноик, прикрывающийся заботой о Гряде и о будущем человечества. Ким же знал об этом лучше всех, наверное, знал, но старательно выполнял приказы.

Почему он пошел не по плану именно в тот момент, Рэй не был уверен. Устал терять людей из-за бредовых установок сверху. Либо просто уверился в том, какой именно путь оптимальный, и двинул по нему. Со всей своей, Джонсовской, мощью.

Все они, оставшиеся, двинули.

Глава 15. Чертова миссия

Зак попытался сглотнуть. Но и во рту, и в горле было сухо, будто туда забился песок. Сознание сразу пришло ясным: Зак вынырнул из тьмы и мгновенно вспомнил всё. Совсем не как после Вторжения. Наоборот — он знал все четко, детально. И теперь не просто ненавидел песок. Теперь Зак его боялся.

И очень хотел проглотить тот, что был во рту. Но горло болело, царапало, а песок не глотался. Зак чуть было не задохнулся, пытаясь сделать это, распахнул глаза, уставился в белый потолок над собой и судорожно вдохнул.

Горло резануло острой болью — по нему с потоком воздуха прокатились тысячи острых песчинок.

Зак тут же зажмурился. И от боли, и от яркого света с белым оттенком. Осторожно потрогал рукой простынь, на которой лежал. Ощупал край кровати. Медленно взялся за бортик.

Лазарет.

Знакомое место. Только в этой палате как будто бы еще светлее, чем в тех, где он бывал раньше. И воздух иначе пахнет. И свет слишком белый — глазам тяжело.

Зак снова осторожно их открыл. Медленно подтянул себя рукой — сел.

— А ну-ка лежать, — вкрадчиво сказали ему, и Зак все так же медленно развернулся на голос. Рэй сидел в кресле у койки и смотрел на него так, что захотелось не просто в койку вернуться, но и одеялом с головой укрыться.

Зак послушно вернулся в исходное положение.

Снова попробовал проглотить сжигающий горло песок и хрипло прошептал:

— Гоша? Снежок?

Получилось тише, чем он думал, совсем невнятно и очень больно.

— Под домашним арестом, — ответил Рэй.

— Поселок? — спросил Зак.

— Все живы, если ты об этом спрашиваешь, — сказал Рэй, — у всех все хорошо. А вот у тебя, юноша, огромные проблемы.

Зак улыбнулся. Все живы. Все хорошо.

— Улыбаемся, значит, — отметил Рэй, поднялся и встал напротив — чтоб его было лучше видно, наверное. — Весело, значит, да?

— Рэй...

— Молчать, мудака! — рявкнул Рэй. — Не дергаться! Доктор сказал лежать — будешь, сволочь, лежать! Ты идиот! Я Мисту уже сообщил, что ты идиот! Я если нужно, официальное заключение напишу, что ты идиот! Со всеми необходимыми подписями и штампами! На Рейну захотелось?! Не полетишь! Там идиотов не любят! Да чего ты лыбишься, Зак?!

Рэй безусловно был страшен в гневе, но Зак его не боялся. Зак знал: Рэй добрый. Пусть на своих солдатиков так кричит. Те, глядишь, и испугаются. А Заку не хотелось пугаться, Заку было хорошо — все живы.

Он даже умудрился заговорить снова, когда Рэй набирал воздуха в легкие, чтобы продолжить на него кричать.

— Я же идиот, — вставил Зак, — мне можно.

Рэй от возмущения выдохнул весь воздух обратно, шагнул вперед и навис над ним.

— Буря прошла мимо! — прошипел он и снова перешел на крик. — Она и шла мимо! Потому ее не зафиксировали! Но нет! Надо было поднять бучу, догнать эту бурю и в нее запрыгнуть! Пр-ридунок!

Резко распрямился, прошагал к двери, обратно. Остановился у кровати и заговорил наконец человеческим голосом:

— Чем ты думал, Зак?

— Я не думал... — начал Зак. Горло, казалось, было уже разодрано в кровь. Но Зак понемногу привыкал к боли. И даже не хрипел и не сипел — почти что человеческий шепот получился.

— Конечно, ты не думал! — рявкнул Рэй, которому и говорить, и кричать ничего не мешало, и он всю этим обстоятельством пользовался.

— Я просто делал, что должен... Рэй... Когда кричать перестанешь... Можешь дать кислородную маску?

— Сам возьмешь, — процедил Рэй.

— Так мне ж лежать... и не дергаться, — шепотом напомнил Зак.

— Пакость ты такая, — устало вздохнул Рэй, протянул руку, стащил со стены маску и швырнул в Зака.

— И воды, — попросил Зак. Осторожно поднес маску к лицу, вдохнул. Боль от этого стала только острее, но Заку был очень нужен кислород, необходим был кислород. Он задыхался, будто бы в горле и впрямь комом стоял песок.

Маска не помогла.

— Конфет, надеюсь, не потребуете? — неожиданно заговорил другой, совершенно незнакомый голос. Тихо, ровно заговорил, но Зак подпрыгнул, как будто его токомшибануло. Он был уверен, что в палате никого больше нет.

Он же видел, что в палате никого больше нет!

Повернулся на голос.

Человек стоял, подпирая стену спиной, руки скрестил на груди, смотрел в глаза пристально, внимательно. Стоял неровно — одно плечо выше другого.

И Зак понял, кто это. Зак сразу понял на самом деле.

Бледный, кривой и помятый. Помялся, как об Цитрус стукнулся, еще бы. Зак вон тоже помялся — а его только буря разок приложила. Ну, и он ее.

Буря прошла мимо, да, Рэй?

Не остановил — не успел. Но подвинул. Подвинул же!

— Потому что конфет вам не дадут, — продолжал Мист, пока Зак таращился на него во все глаза. — Конфеты дают исключительно послушным детям, если я не ошибаюсь.

Зак собрался с силами и заговорил в полный голос, преодолевая боль — почему-то казалось, что Мист не только стоит криво, что он еще и слышит плохо, и с ним нужно говорить предельно ясно, предельно четко, тем более, что это было очень важно.

— Мистер Джонс, я хотел...

— Нет, — качнул головой Мист, перебивая. — Я не буду слушать, что вы хотели, Зак, мне это неинтересно. Вы покинете Цитрус завтра. Мистер Чернофф любезно пообещал доставить вас на Рейну. И менее охотно пообещал доставить вас живым. Документы ждут вас в приемной. Завтра утром вылетаете. На Рейне предупреждены и тоже ждут. Полгода поработаете на подхвате. Со следующим набором — на первый курс.

— С-спасибо... — растерянно заговорил Зак, — но...

— Вы не поняли, — холодно сказал Мист, — я не буду вас слушать. И надеюсь больше вас здесь не видеть. Даже с дипломом Академии. Где угодно — но не здесь.

Развернулся и медленно, хромая, двинулся к двери. Полуразваленный человек.

Зак открыл было рот, чтобы опротестовать, но тут вклинился Рэй. Поднял ладонь, призывая к тишине. Так, в тишине, оба смотрели на то, как мучительно долго Мист полз к дверям.

Рэй подождал, пока тот выйдет, процедил Заку:

— Лежать, — и решительно двинулся следом.

— Это ты меня охранял, чтоб я с ним не заговорил? — уточнил Зак ему в спину, снова шепотом и снова через боль. И прохрипел возмущенно, когда Рэй уже выходил. — Эй! А воды?

— Потерпишь, — бросил сквозь зубы Рэй и хлопнул за собой дверью.

* * *

Мист сидел на диване в приемной. Сегодня ему было особенно трудно ходить. Давление или еще что. Но он дошел до приемной — и сел там на диван. Уставился в полупрозрачную стену перед собой. Не глядя на Рэя, спросил:

— Чего пришел? Снова отстаивать права детей?

— Буря шла прямо на нас, — сказал Рэй, сел рядом и тоже глянул на стену. — Она ведь не шла мимо, да? Она повернула?

— Они все чаще, — сказал Мист. — Внезапнее и сильнее. Их поведение становится непредсказуемым. Мы не успеваем за ними. Как не успевали за Чужими. Мы нигде не успеваем, дорогой.

— Ты ведь не думаешь, что дело в Заке? — уточнил Рэй и покосился на Миста. Тот бросил на него короткий удивленный взгляд, будто хотел переспросить: «в ком?», и Рэй уточнил. — Что Зак заставил бурю повернуть?

— Естественно, я так не думаю, — раздраженно ответил Мист. — Я думаю, что нужно найти реальную причину. Всегда есть причина. Нужно взяться за эту планету. Изучить базовые вводные. Разобрать оранжевые частицы, перепроверить давление, ветра. А пока, возможно, следует накрыть Базу с Зонами куполом. Сделаем купол, Рэй?

— Большой? — устало уточнил Рэй. — И секретный?

— Нам нужны геологи, — не слушал его Мист, — биологи... Кто еще нужен? Составь список, дорогой. Купол с замкнутой экосистемой, с собственным давлением... Его нужно будет как-то закрепить. И тяжелые дроны, чтоб могли идти сквозь бурю, фиксировать показатели...

— Ким, — перебил его Рэй, — ты не сможешь собирать корабли, изучать бури и терраформировать планету одновременно. Ты, конечно, многое можешь, но так расплыться...

— Тогда к черту корабли! — неожиданно резко, непривычно эмоционально перебил Мист. — На кой черт нам будут корабли, если нас планета убьет? И все равно ничего ведь с ними не выходит. Возьми телефон, Рэй, набери...

Рэй вздохнул и с силой ударил его кулаком в плечо.

Мист медленно повернул голову, с холодным удивлением уставился в глаза. Тихо

спросил:

— Решил меня доломать?

— Тебя долوماешь! — фыркнул Рэй. — Тебя прямым из пушки не добьешь. А я тебя просто перезагрузил. Ты снова циклишься, Ким.

— Считаешь, бури — не проблема? — все так же холодно уточнил Мист.

— Считаю, ты необъективен, когда дело касается Зака.

— Не понимаю, при чем здесь...

— Слишком близко к сердцу принимаешь.

— Да при чем здесь...

— Ты не хочешь, чтоб это был он. Чтобы дело было в нем. Ведь тогда это будет означать, что он должен остаться. Потому что он последний из них, из шаманов. И больше останавливать бури некому. А он из кожи лезет, чтобы попасть в Академию. Чтоб не оставаться. Чтоб не идти по стопам отца.

Рэй посмотрел Мисту в глаза. Но тот и бровью не повел. И взгляд был все тот же — очень холодный и слегка удивленный. Будто Мист все еще пытался понять, что именно Рэй пытается сказать.

— Ты пытаешься доказать себе, что Зак здесь ни при чем. Ты даже не предполагаешь, что можно рассмотреть этот вариант, а обычно ты рассматриваешь все варианты. Ты так стремишься найти другие причины, почему буря повернула. Любые другие причины. Вывернуть планету наизнанку, но найти. Иначе тебе придется оставить его здесь. Ты всегда поступаешь так, как необходимо. И если Зак — единственный шанс удерживать бури, никуда он от тебя не денется.

— Тебе не кажется, дорогой, что я просто не склонен рассматривать бредовые концепции? — уточнил Мист. — Зачем мне, по-твоему, доказывать себе то, что и так понятно?

— Но ведь ничего еще не понятно! И ты старательно закрываешь на это глаза, чего ты обычно не делаешь никогда. Зак не хочет иметь ничего общего со своим отцом, но очень вероятно, что он будет должен. Потому что никто, кроме него, не сможет. Сколько раз нам говорил это наварх, когда мы пришли в Академию? Что никто, кроме нас, не сможет. И не представляю, сколько раз это слышал ты.

— Рэй... — устало вздохнул Мист.

— Нет, ты послушай! Я еще на Рейне видел, что тебе там не нравится. Ты не хотел быть там, не хотел быть Гайдом и, конечно, ты не хотел с нами возиться. Потому мы тебя так раздражали! И на Цитрус ты тем более не хотел. И возвращаться, конечно же, не хотел — теперь я понял, что ты мне тогда пытался сказать. Ты схватился за карандаш не потому что захотелось, а потому что больше было некому, Ким. Потому что никто, кроме тебя, этого сделать не смог бы! А тебя — натаскали. Ты был должен это сделать. И теперь старательно убеждаешь себя, что Зак не должен ничего. Что Зак не обязан становиться таким, как его отец. Ты уже стал, но ему еще не поздно помочь, да? Но, Ким, что если поздно? Что если бурю повернул он?

Мист очень серьезно и внимательно выслушал. А когда Рэй закончил, сообщил:

— Шаманы никогда не поворачивали бури. Прежде, чем строить на планете Базу, неплохо было бы изучить минимальный фактаж по ней, дорогой. Я изучил. Шаманы могли только предсказывать. Только. Предсказывать. Якобы. Потому ты сейчас несешь чушь. Если только твой Зак не какой-нибудь результат скачка шаманской эволюции.

— А если результат? — не унимался Рэй.

Мист устало вздохнул. И посмотрел в глаза так, что взгляду стало совершенно ясно: он не намерен больше обсуждать подобные глупости. Рэй взгляд выдержал. И Мист уточнил:

— По-твоему, я вижу в Заке себя?

— В какой-то степени, — неопределенно ответил Рэй, понимая, что сейчас еще одну его теорию разнесут в пух и прах. Мист задумчиво покивал, откинулся на спинку дивана и, глядя в потолок, сообщил:

— Человечеству все-таки очень повезло, дорогой, что ты не подался в психологи.

Потом помолчал, но все же снизошел до пояснений:

— Я не вижу в Заке себя. Я не люблю Цитрус, но, как нетрудно догадаться, я не люблю ни одну из планет Гряды. Предположим, мне просто не нравится этот мир и люди, его населяющие. Не из-за психологических травм, конфликтов с отцом и прочих твоих психологических бредней. Я объективно смотрю на вещи. Это паршивый мир. Тем не менее, он единственный, который мы имеем, и в нем нам необходимо выживать. И его тоже желательно не слить каким-нибудь чужим, потому что после этого он может стать еще хуже. Я не иду по стопам, дорогой. Я пытаюсь сделать так, чтоб мы выжили. Это — моя чертова жизненная миссия!

Он говорил спокойно, ровно, все так же холодно, но впервые Рэй услышал, чтобы Мист от души ругнулся. И впервые зазвенели в его голосе незнакомые ранее нотки: Мист разозлился.

Не был привычно раздражен и не был холоден, собран и нацелен на полное уничтожение противника. Впервые за все время, что Рэй его помнил, Мист разозлился бессмысленно и бессильно. И, кажется, сам себя услышал. Потому что оборвал тираду, сделал паузу. Глубоко вдохнул. И вновь переключился на отстраненный тон.

— Так что не пытайся играть в психолога, Рэй. Я делаю свое дело. Приплетать сюда непослушного ребенка с его проблемами — совершенная глупость. Теперь, если ты унялся в своем рвении меня анализировать, иди к Заку в палату и следи, чтоб он до утра не сбежал. На сегодняшний день это — твоя миссия.

Мист медленно поднялся и, хромая, двинулся к двери. На ходу бросил:

— И про купол подумай.

Рэй проводил его задумчивым взглядом.

С Мистом определено было что-то не так. Ну, кроме того, что с ним всегда было не так, сейчас внутри у него происходило еще что-то. Только понять, что именно, было еще сложнее, чем бурю предсказать. А понять было необходимо.

Слетит с катушек, начнет возводить купола и ловить частицы — точно Совет прикроет лавочку. А Миста в дурдом сдадут. Всех их в дурдом сдадут.

И возможно, будут правы.

* * *

В замке ковырялись довольно долго прежде, чем открыть. Гоша успела проснуться, сесть на кровати, скрестить руки на груди, надуться и сделать вид, что так все время и сидела. Потом дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Снежок.

— Да что ты пуганный такой? — раздраженно спросила Гоша. — Заходи уже

полностью. Следом за головой.

Снежок аккуратно шагнул внутрь, прикрыл за собой дверь. Остановился и уставился в глаза. Что-то изменилось в нем. Во взгляде.

— Ну? — спросила Гоша. — Чего тебе?

— Они увезут Зака, — тихо ответил Снежок. И голос будто бы стал другим, и интонации. Раньше он говорил мягче, и каждую реплику — будто спрашивал, будто не был ни в чем уверен. Теперь звучал так же тихо, но твердо.

Совсем незнакомый мелкий стоял сейчас на пороге. С холодным взрослым взглядом и чеканной уверенностью в голосе.

— Чего? — переспросила Гоша, присматриваясь к нему.

«Глаза у него красивые», - не вовремя отметила она.

Глаза как будто наконец наполнились. Большие и голубые, они казались прозрачными раньше, а теперь, с появлением в них прохлады, стали глубокими, бездонными. Стали казаться еще больше.

И только через несколько мгновений до Гоши дошло, что именно сказал Снежок.

— Чего?! — переспросила она еще раз.

— Отец свалил на дром, — объяснил Снежок. — По срочному делу. А до этого сказал, что для того, чтоб нас прикрыть, он позаботится о Заке.

— Так и сказал? — напряженно уточнила Гоша. Знала она, как ее батя умеет заботиться.

— Он позаботится о Заке по просьбе Миста, — попытался объяснить Снежок.

— А Мист типа добрейшей души человек, — фыркнула Гоша. — Еще одна дрянь, только в профиль.

— Чего? — пришла очередь Снежка переспрашивать.

— Того! — огрызнулась Гоша и решительно вскочила. — Погнажи, мелкий!

И решительно прошагала к двери.

— Куда? — запоздало спросил Снежок ей в спину.

— Зака спасать! — отозвалась она. Вышла за дверь и уже начала сбегать по лестнице, когда услышала сзади неуверенное:

— Но отец запретил...

Раздраженно подумала: «Опять мямлит... А ведь только что нормальным человеком был...». И прокричала, не оборачиваясь:

— Отец на дроме! Хочешь попробовать меня остановить?

— Нет, — обреченно вздохнул Снежок и — она услышала шаги — двинулся следом. — Хочу помочь...

Гоша улыбнулась.

Глава 16. Цитрус

— Ныряем, господа, — тихо сказал Ким перед входом в атмосферу. Тихо и очень спокойно. — Надеюсь, угол помним.

Рэй помнил.

Но цэшку тряхнуло так, что начал сомневаться. Или так получилось на фоне тихого и спокойного Кима. На мгновение показалось, что ты на тренажере, а тренажер внезапно затрясся больше обычного.

— Но-ормально идем... — протянул Ивор, будто себя убеждал, и Рэй вдруг расхохотался. Следом за ним нервный смех разобрал и остальных.

После холодной бездны, после плавания в черной пустоте, мучительно медленного, растянутого на тысячи секунд, спокойного, как голос долбаного Кима, даже тряска при входе была радостным событием. Признаком того, что они все еще живы.

А потом все заткнулись, потому что Ким снова заговорил. Пока крейсера трясло, а в смотровом мониторе пылало, Ким говорил.

— Арго, — говорил он, — потренировались. Теперь серьезно. Теперь не успеете выйти из машины в капсуле, и если погибнем, некому будет подбирать тех, кто в капсулах наверху. Теперь вы будете видеть противника, а противник — вас. Потому слушать меня, но и глаза разуть. Работать на максимальных скоростях. Они быстрые, но здесь и сейчас мы будем почти наравне. Основная цель — центральная машина противника. Сейчас идем под нее и даем максимальный залп, рассыпаемся, работаем по ситуации и — еще раз — слушаем меня. Пошли.

Ким бросил координаты, и на них даже успели выйти, успели оказаться под брюхом гиганта, идущего на посадку. Но не успели нанести удар. Сначала Ким отрывисто скомандовал: «рассыпались», а потом Рэй увидел птичек. Центральный корабль снижался неспешно, пустив перед собой крейсера: пять огромных черных теней падали им прямо на головы, шли носами вниз.

Рэй влупил ракетой, завалился набок, ушел на вращениях, рванул вверх. За спиной грохотало, в динамиках отрывисто матерились, что-то выкрикивали, и Рэй очень четко различил среди всего этого шума, как Ивор очень ласково и зловеще протянул:

— Приве-ет, — а потом пошла новая волна грохота.

Рэй крутанулся, уходя от ракеты, дал еще залп, разворачиваясь к цели, ушел в петлю, и несколько ракет противника полоснули по воздуху близко, почти вплотную. Пробивались Ласточки с трудом даже без защитных экранов, и та, по которой прошел выстрел, рванула к нему. Рэй толкнул рычаг и ушел носом вниз, поднырнул, выстрелил снова, и снова вильнул в сторону. С ними только так можно было: петлять кругами и пытаться провести несколько прямых ударов. В наушниках все еще что-то выкрикивали, тихо и отрывисто командовал Ким, но Рэй отключился: голос Кима больше не был единственным ориентиром. Он видел, кто и где, и прекрасно понимал, что происходит.

Ивор мчался вверх, уводя за собой одну из птичек, еще двое обрабатывали вторую, и та не успевала реагировать сразу на двоих, но потом в кого-то таки попала. Где-то снизу грохотало — там пытались сбить оставшихся.

«Слишком кучно, — подумал Рэй, — так и друг друга недолго снести».

Уводить надо было в разные стороны, но вниз было опасно — слишком близко к

поверхности, вверх — глупо: там земным птичкам куда труднее, чем Чужим. И отходить от квадрата тоже нельзя: центральный корабль, по данным штаба, шел на снижение именно здесь, и его нужно было гасить снизу. Рэй завалился набок, разворачиваясь носом к своему Чужому и дал импульс. И только потом понял, что сделал это зря: импульс замедлял крейсер, замедлял все процессы, и будь сейчас рядом еще один Чужой либо не пробей он этого с первого раза, в следующий миг его бы снесли мгновенно. Он бы даже катапультироваться не успел. Но удар прошел, импульс попал в цель, Ласточка медленно завалилась набок, ушла в неконтролируемое падение, и Рэй выдохнул.

— Ракетой, Рэй! — неожиданно рявкнул Ким. — Добить!

Рявкнул так, как не рявкал никогда, даже по имени назвал. Рэй выпустил вслед ракету, и корабль взорвался далеко под ним.

— Если глушите импульсами, добивайте потом, — процедил Ким. — Чтоб до Цитруса целыми не долетели.

— Двое на хвосте! — отрапортовал Ивор.

— Левый движок заглох, — напряженно сказали почти хором с ним.

— Девятый, к десятому, — Ким снова включил скучающий безжизненный голос, — пятый, снижаюсь к вам, возвращайтесь на кэриэр, открываю шлюз для стыковки.

Рэй даже удивился: с чего это Ким решил вдруг спасти раненых. И понял это несколькими минутами позже.

А пока — рванул к Ивору. А тот зря времени не терял: за ним шли сразу двое, а он несся строго вниз, носом к земле, отклоняясь то в одну, то в другую сторону от выпущенных ракет.

Рэй рванул вперед, перпендикулярно их падению, дал несколько залпов. Одна из Ласточек вильнула, вышла из пике и помчалась навстречу.

— Снял одного, — сказал Рэй и завалился набок. Мимо просвистели ракеты.

Рэй кувыркнулся и ударил под брюхо. Ласточку чуть снесло с траектории, она восстановилась, но Рэй был уже сзади, уже выстрелил и ушел в сторону. Ракета взорвалась, не долетев до цели, и Ласточку лишь снова слегка качнуло взрывной волной. Объяснение этому могло быть одно: ракета наткнулась на снаряд, выпущенный навстречу.

— Они жопой тоже стреляют! — обиделся Рэй.

— Откуда ты знаешь, где у них жопа? — заинтересовался Ив.

— И это вместо «спасибо»? — фыркнул Рэй.

Примерно к тому моменту он окончательно уверовал в то, что они прорвутся. Что они с Ивором — точно. Что они бессмертные.

Ивор, вероятно, тоже, потому что уже несся вверх, шел прямо на Ласточку Рэя и вел за собой вторую, которую так и не сбросил с хвоста.

Рэй понял: Ивор пытается повернуть в атмосфере трюк, подобный тому, что прошел на нижней орбите. Сманеврировав, уничтожить противника его же средствами. Рэй выпустил еще одну ракету, а потом — еще. Отвлечь, не дать сориентироваться, пока Ивор идет на лобовое.

— Ив, — напряженно сказал Рэй.

Ему пора было сворачивать.

— Ву-ух! — выдохнул Ивор и, вместо того, чтобы повернуть, погнал еще быстрее.

Рэй все еще думал, что он уйдет. Шансов уклониться от столкновения уже почти не было, но Рэй продолжал надеяться до последнего. Идущий за Ивом корабль, вероятно, был готов к тому же маневру. Именно потому у них была необходимая секунда, когда свернул не

Ивор, а Ласточка, избежав столкновения в последний момент. Вторая начала разворот, но не успела — и снесла отростком нос первой. Ивор к тому времени уже развернулся и влупил по первой ракетами. Рэй помчался ко второй и почти успел, но те выстрелили на опережение.

И все было, как в замедленной съемке. Рэй видел ракету, которая идет к нему. Тянул рычаг, но понимал, что не успевает. Что развернется, но не до конца. И что надо, наверное, не разворот выполнять, а к катапульте тянуться, но рука слишком сильно вцепилась в рычаг. И слишком поздно ее отрывать. Да и не поможет катапульта — высоко для парашюта.

А потом ракета взорвалась в воздухе, и на этот раз Рэя снесло взрывной волной закрутило, и пока он выравнивал, за спиной загрохотало. И Ким очень холодно и привычно раздраженно проговорил в наушнике:

— Внимательнее.

А потом мимо пронеслась пятая цэшка, погнала вверх, заваливаясь на левый борт, и только спустя еще мгновение до Рэя дошло: Ким был в ней. Снес выстрелом ракету Ласточки, добил ее и умчался еще кого-то спасать. Или добивать. Рэй не успел понять, чего это он: времени не было. Рэй ушел от очередного удара в сторону — к нему шла еще одна Ласточка. Ивор дал залп по ней, а Рэй уже привычным манером нырнул.

И только потом на выдохе и выстреле возмутился:

— Ким, с ума сошел?!

— Оригинальный способ поблагодарить, — отозвался тот.

— Вернись в кэриэр! — потребовал Рэй, оттарабанив залп по Ласточке и заваливаясь в сторону — очередной вираж на вращениях. — Группе нужен координатор!

— Какой группе? — холодно уточнил Ким, и время снова потянулось, как тогда, с ракетой. Рэй выходил из виража. Ивор где-то рядом лупил по их Ласточке. Ким был вверху, и там тоже грохотало, но это было — всё. В эфире стояла мертвая тишина, и на мониторах отчетливо светились три точки. Всего три.

— Нужно подкрепление, — выдохнул Ивор.

— Нет подкрепления, — спокойно сообщил Ким. — Соберись, десятый.

А потом здешнее светило заслонила тень. К Цитрусу шел центральный корабль Чужих. И в тени Ласточки были совершенно не видны. Будто снова отражатели заработали. Просто еще пару кусочков чуть более плотной тьмы.

— Твою мать! — процедил Ив. — Рэй, вниз!

Рэй пошел вниз, и за спиной громыхнули ракеты: Ивор стрелял наугад и приблизительно, потому Рэю нужно было уйти — чтоб его не зацепило.

— Импульс! — сказал Ивор.

И только когда Ласточка начала падать, вышла, вывалилась из тени, Рэй увидел ее. И влупил ракетой.

— Группа Арго, — вновь ожил эфир, и на мгновение Рэю показалось, что это Ким — так ровно и уверенно звучал голос. И что греха таить — похоже. Очень похоже. И только потом понял: на связь вышел наварх.

— Миссия провалена, — все так же ровно говорил наварх, — запускаем зачистку.

— Нельзя... — начал Ким, но наварх жестко перебил.

— Нельзя было пускать их ниже, Ким, — отчеканил он. — Ты пошел вниз и потянул их за собой. Теперь они снижаются все, и мы не можем их остановить. Омега на подходе, готовность десять минут. Они не успеют сесть. Кроме вашего. Потому, Арго, слушать задачу. Уничтожить центральный корабль Чужих либо удержать его в воздухе в течение десяти

минут. Не дайте им сесть.

И отключился.

Потом в эфире была тишина. Потом Ивор фыркнул и пробормотал:

— Идиотизм! Как мы должны удержать эту хреновину? Втроем! И как мы уйдем из-под зачистки, если будем удерживать? Джонс, алле! Что делать будем?

— Подержите моих, — спокойно, слишком спокойно скомандовал Ким, а через миг его машина вынырнула из тени. С тремя Ласточками на хвосте.

- «Подержите»?! — возмущенно переспросил Ивор, но рванул навстречу, дал залп, и Ким ушел от ракет в последний момент. Ласточки — тоже. Рэй помчался следом за Ивором — нужно было оттянуть внимание на себя.

— В кого целился? — уточнил Ким.

— А ты как думаешь? — пробормотал сквозь зубы Ивор.

— Ким, какой план? — спросил Рэй, нырнул под Ласточку, задрал нос вверх. Ракета, еще одна, очередь.

— Я попробовал пробить его со дна, — сообщил Ким, — ракеты не берут. Нужно потряхнуть сильнее.

— Чем? — выстрел, уход, закрутка, выход, еще выстрел.

— Кэриэром.

— Это бессмысленно, — процедил Ивор. Очередь, ракета, разворот.

— Это логично, — спокойно возразил Ким, и Рэю показалось, что голос у него немного дрогнул, но потом он понял: Ким уже не сидит в кресле — Ким состыковался и бежит по коридору кэриэра к центру управления. — Наша ошибка — нам исправлять.

— Твоя ошибка, — напомнил Ивор, кувырок, петля, выстрел.

— Моя, — согласился Ким, скомандовал в сторону, не заботясь уже о том, чтоб отключить связь. — Пятый, в птичку и на первую орбиту, пошел, быстро! Там замереть и дать SOS. Бегом!

— Девять, десять, — говорил дальше Ким, и Рэй увидел на мониторе — кэриэр тронулся вперед. — Нужен прямой удар ракетой в двигатель кэриэра, точно в момент контакта с их машиной, точно по команде и точно туда, куда я... Импульс!

Ким перебил сам себя, и Рэй почти на опережение, только заслышав смену интонации, заслышав вдох, рванул в сторону, завалившись набок, и погнался прочь. А потом за спиной раздался грохот — взорвалось сразу несколько кораблей.

— Что за хрен! — выдохнул Рэй.

— Взяли на вооружение вашу тактику, — отозвался Ким. — Решили, что ради избежания удара под брюхо можно пожертвовать и своими кораблями. Разнесли всех, кто был под ними. Не учли, что ты не в эпицентре... — и в очередной раз себя перебил. — Десятый. Десятый, на связь. Ивор!

И снова тишина была ответом. Рэй машинально рванул рычаг, уходя от выстрела ближайшей Ласточки, тоже не попавшей под импульс, и как-то отстраненно отметил: цэшка потеряла маневренность. Ее дергает и кренит в сторону. И увернуться удалось почти что чудом. Ударил в лоб идущей к нему машине, потому что понимал: не факт, что уйдет. Ким добил ее снизу. И когда Ласточка взорвалась, рассыпаясь на обломки прямо перед носом, так, что его машину снова качнуло и отбросило взрывной волной, Рэй впервые за бой почувствовал приступ тошноты.

И снова всё стало нереальным.

Перед глазами на мгновение потемнело, а в ушах почему-то звенело, негромко, на грани слышимости, но звон был, и кроме этого звона не было ничего. Ни единой связной мысли в голове — так же пусто, как в эфире.

— Рэй, — сказал Ким. И настойчиво повторил. — Рэй! МакКейн! Ты нужен мне сейчас.

— Да, — глухо отозвался он.

— Задачу помнишь? — Ким тут же снова переключился на холодный отстраненный тон, чем вызвал привычное легкое раздражение. Только теперь — с горьким привкусом. Примерно таким, какой был сейчас во рту.

— Да, — почти бездумно повторился Рэй, пропустил под собой кэриэр и направил машину следом.

— Они все правильно рассчитали, — сказал Ким. — Их там не пробьешь ни выстрелом, ни крейсером, если пойти в лобовое. Их кораблем — можно. Они поняли вашу тактику врезать их друг в друга, и...

Рэй не слишком слушал — прекрасно понимал, что Ким отвлекает его сейчас от мыслей. Любых мыслей. Кому нужно, чтоб Рэй действовал, а не думал.

«Как-то не в духе Кима — тратить силы на то, чтоб отвлекать человека от горьких мыслей, — подумал Рэй. А потом мысленно выругался. — Естественно, не в духе! Он не от того, мудак такой, отвлекает!».

— Ты выйдешь в капсуле? — спросил Рэй, перебивая его.

— Нет смысла, — отозвался Ким. — Мы в атмосфере, МакКейн. Тут притяжение, если ты забыл. Капсула уйдет на планету, которую зачистит Омега.

— До Омеги минут семь, — пробормотал Рэй, покосившись на часы. — Я спущусь за тобой.

— Высота не для прыжка, — напомнил Ким. — Убьюсь. Капсулу снесет. Не найдешь. После выстрела в двигатель уходишь вверх. Выходишь на орбиту, выходишь на связь. Тебя подберут.

— Иди нахрен, Ким, — процедил Рэй.

— Даже если ты найдешь меня внизу, даже если я выживу после удара об землю, я вряд ли буду в состоянии открыть капсулу, — убеждал его тем временем Ким. — И вместе с капсулой ты меня на птичку не затащишь. И взлететь под зачисткой — невозможно...

А Рэй отчаянно думал: «Мудак, мудак, мудак».

У него только Ким остался. И Ким не планировал оставаться надолго.

И чисто из эгоистических побуждений Рэй сейчас лихорадочно перебирал варианты убедительной речи. Чтоб уговорить его хотя бы попытаться выжить.

И смутно догадывался: он не слишком хочет выжить. Ему же нигде и ничего не нравится.

«Ну и что, что миссия провалена? — мог спросить Рэй. — Ты не виноват. Ты — единственный, кто действовал разумно. Многие тут разумные, но ты — единственный, кто попер против наварха. И наварх злится не на тебя. Он просто сорвался на тебя. Но все это глобально, это его лажа. Его, не твоя».

На это Ким не ответил бы. Никак. И все равно не использовал бы капсулу.

Еще Рэй мог угрожающе, в духе Ивора, пообещать:

«Я пойду вниз. И буду тебя искать. И если ты, мудак, не прыгнешь, Омега накроет меня из-за тебя. Я потерял всех. Я не хочу потерять еще и тебя. Герой сраный».

На что Ким ответил бы — или подумал бы, времени говорить уже не хватит, — что

такой поступок будет осознанным выбором Рэя. Потому если Рэй, идиот, пойдет вниз, то на его примере следующим поколениям будут потом объяснять, что такое естественный отбор.

Времени придумать речь не хватало. И Рэй сказал то, что потом почему-то прочно засело у Кима в голове. Наверное, сильно головой стукнулся, и эта мысль туда каким-то образом вбилась. Закрепилась. Стала навязчивой идеей.

— Они вернутся, — сказал Рэй. — Если мы сейчас справимся с ними, они вернутся. Кто их остановит, когда они вернутся, Ким? Я?

Ким Джонс просто не мог умереть, зная, что кто-то другой будет воевать с Чужими. Тем более, если это будет Рэй.

— Выхожу на удар, — проговорил Ким после секундной паузы. — Наведение на двигатель.

Попытки уговорить Кима отвлекли его, выдернули из состояния тягучего кошмара. И Рэй сосредоточился на этом чувстве — что он все еще жив. И что все происходит здесь и сейчас. И ничего не тянется, время летит мимо со скоростью цэшки на фотонах. И действовать надо быстро.

— Энергетик вколи, — напомнил Рэй. Энергетик должен помочь не вырубиться от снотворного — обязательного ингредиента коктейля жизнеобеспечения, который в капсулах вводится автоматически. — Есть наведение.

Капсулу можно открыть только на земном корабле или изнутри. Чтоб никакие Чужие сволочи в нее не влезли. Капсула — непробиваемый сейф, который в случае слишком упорных попыток пробить самоуничтожается. Капсулу Рэй не утащит. И достать Кима из нее не сможет. Ким должен не просто выжить после падения — он должен остаться в сознании.

— На «пять», - сказал Ким. — Один. Два. Три. Четыре...

Рэй мягко нажал на кнопку на «пять». Ракета пошла. Рэй ушел в сторону. За спиной загремело, и Рэй завалился сначала набок, а потом пустил машину носом вниз. И уставился в мониторы, пытаясь увидеть капсулу хоть где-нибудь. Высоко над головой продолжала грохотать взрывами и разваливаться огромная махина Чужих.

— Рэй, группа «Арго», - сказал Рэй, переключившись на общий. — Поле Чужих пробивается полем кэриэра. Стоп Омеге, наварх. Мы можем их пробить. Мы можем...

Лампочка ретранслятора погасла — сигнал пропал.

Рэй до сих пор был уверен — пропал не сам по себе. Его убрали из эфира. Потому что Омегой было проще. Будь Омега побыстрее, наварх сюда и Флот не бросал бы. Увидел бы Чужих над планетой — и сразу — бабах!

А население — сопутствующие потери. Зато от Чужих избавились.

Сыпались обломки, и гремело за спиной — Рэй переключился на динамики, надеясь, что они помогут в поисках, — и было тихо в эфире. От тишины снова мутило — казалось, бездна догнала его. В нее хотелось кричать, в эту тишину, перекричать ее, нивелировать. Но Рэй не кричал.

Он, стиснув зубы, мчался строго вниз.

Потому что к Цитрусу уже подходил комплекс Омега.

Зак осторожно поднялся на локте и глянул на окно.

— Лежать, — лениво предупредил Рэй в очередной раз. Зак со вздохом снова опустился на подушку. Рэй, зараза, сидел в наушниках и демонстративно не смотрел в его сторону. В руке у него был небольшой мониторчик, и что-то там происходило, что интересовало его куда больше Зака.

Рэя сейчас и стена напротив интересовала куда больше Зака. Разговаривать он точно не собирался, но прямо как будто чувствовал, когда Зак начинал помышлять о побеге.

Окно занимало всю стену, а за ним были рыжие пески, спокойные сегодня. Окно было цельным, кроме подвижной створки сверху. Если песок не летал тучами по воздуху, ее можно было открыть. В лазарете этой конструкцией редко пользовались. Говорили, тут воздух мягче, чем снаружи.

Зак пользовался. Каждый раз, когда оказывался здесь, пользовался. Ему внешний воздух был привычнее. И только сейчас Зак понял то, что чувствовал всегда. Воздух лечил его. При любом ушибе, переломе, вывихе ему катастрофически был необходим воздух, живой и рыжий.

А теперь при всем его желании окно ему открыть не позволят. Рэй явно не склонен к переговорам. И прекрасно понимает, что Заку только дай в окно выпрыгнуть — выпрыгнет.

Что будет потом делать — другой вопрос. Что-нибудь. То, что должен.

Он все еще, черт побери, хотел на Рейну. Он завить был готов, так хотел. Он все еще хотел научиться летать и на Мухе, и на цэшке, и чтобы поближе к небу, чтобы подальше от песка.

Но буря ведь повернула.

А Мист категорически не хотел этого признавать. И Рэй с ним за компанию. У него и впрямь своего мнения нет вообще. Сидит вон. Сторожит. Сказали ему «сидеть» — он и сидит.

— А если я в туалет захочу? — спросил Зак. Рука Рэя, которая металась над монитором, сбивая какие-то запросы, листая страницы и переключая картинки, замерла.

— А? — Рэй оторвался от монитора и вытащил один наушник.

— В туалет, — сказал Зак, — тоже со мной пойдешь?

— Ага, — кивнул Рэй.

— Тебе Мист доплачивает, чтобы ты таким послушным был? — спросил Зак.

Рэй затолкал было наушник обратно в ухо, но Зак пробормотал на опережение:

— Стой-стой-стой!

Рэй снова достал наушник, уставился на Зака, и Заку показалось, что на него смотрит чужой человек. Незнакомый ему и очень взрослый. Он был как будто бы все тем же дядькой с широкими плечами и светлыми глазами, но взгляд стал другим. Уставшим и выцветшим.

Он не был расположен беседовать сейчас.

Оставалось окно.

— Воды, — сказал Зак.

— Ты ее под койку выливаешь? — спросил Рэй и нехотя поднялся. — Третий раз уже. Тебе нравится сам факт того, что можешь меня куда-то послать?

— Это тоже, — согласился Зак. — А еще мне кажется, что у меня в горле до сих пор

песок.

— Заслужил, — пожал плечами Рэй и вышел за дверь.

Зак не соврал — ему и правда до сих пор казалось, что дышать нечем. Но естественно, сейчас посылал Рэя за водой не потому. Он уже несколько раз шевелился и переворачивался, чтоб убедиться — в теле все работает. Теперь можно бежать.

Окно так окно. А там разберется. Главное — достать как-то до той створки. Собраться с силами и прыгнуть.

Как только дверь за Рэем закрылась, Зак сел. Опустил ноги на холодный пол и осторожно поднялся. Шагнул вперед, и его повело. Пошатнулся, уперся ладонью в стену. Голова кружилась, кружилась перед глазами комната, и Зак, сосредоточив взгляд на окне, медленно побрел к нему вдоль стены.

К головокружению прибавилась тошнота. Зак подумал, что он, должно быть, еще на каком-то коктейле. Ничего не болит, зато симптомы отравления налицо.

Он почти дошел до окна, когда о прозрачный пластик, из которого оно было сделано, ударился камень. Прилетел с той стороны, глухо стукнул и упал, утонул в песке.

А через мгновение к окну подгребли эти двое. Он их видел, они его — нет. Такая система: односторонние окна во всю стену. Гоша, непривычно серьезная и очень напряженная. Тоненькая, угловатая, с огромными темными глазами. И Снежок за ее плечом — светлое пушистое чучело.

Зак вздохнул, привалившись к стене и глядя на них. Силы ушли внезапно. Все сразу. Он даже пошевелиться не мог — только смотреть. Навалилось все сразу. Облегчение, потому что одно дело знать, что они в порядке, другое — видеть. Усталость. И понимание того, что никак не допрыгнет он до той чертовой створки. Но хоть открыть ее — сможет.

Он дополз по стене до подоконника и нажал на кнопку. Ничего не произошло, и он нажал еще раз. Потом еще один. Что-то зашуршало, но створка не сдвинулась с места, и Зак ударил по кнопке ладонью, уже со злостью, с размаху. Створка наконец сдвинулась, медленно поползла вниз. Снежок посадил Гошу, та ухватилась за нижний край образовавшегося окна, перевалились через него и приземлилась уже в палате. Как положено кошке, на ноги. Поднялась, отряхнулась.

Подняла взгляд, и Заку показалось, что она приземлилась слишком близко. Так близко к нему Гоша и не стояла никогда. И глаза у нее — подумал Зак — правда, будто бы больше стали. Бездонные темные глаза.

Гоша не шевелилась долгое мучительное мгновение, а потом вlepила ему звонкую пощечину примерно с той же силой, с которой он только что бил несчастную кнопку. Зак пошатнулся, ухватившись за подоконник.

И Гоша тут же подхватила его под локоть, глядя в глаза все с той же непробиваемой темной злостью.

— Гоша, — тихо и ласково сказал он. Он не знал, что еще говорить. Да и не хотелось ничего говорить, ее имени было достаточно. И того, что с ней все хорошо. И со Снежком, который маячил за окном, едва различимый в тучах вновь поднявшегося песка. Он отошел на пару шагов, будто брал разгон, хотя без посторонней помощи ему было никак не допрыгнуть до створки. Отошел дальше и стал казаться совсем мелким. Все в этом песке становилось меньше, потому что песок был больше. Сильнее. Зак уже понял. Песок был сильным и жестким. С ним нужно так же, как он: твердо и уверенно.

Иначе с ним не справиться. Никто не сможет с ним справиться, кроме Зака.

Гоша все ждала, что он продолжит фразу, начатую ее именем, но фразы не было, и, устало вздохнув, она заговорила сама.

— Ты идиот, — сказала Гоша.

— Мне уже сообщили, — усмехнулся Зак и легонько потрепал ее по волосам. Она злобно блеснула глазами и оттолкнула от себя. — А вы под домашним арестом.

— А кто нас удержит? — хмыкнула она, уже не так сердито. Она быстро остывала. — Батя собирается на вылет. Трамбует грузы. Весь день будет на дроме.

Помолчала и добавила невпопад:

— Борды забрал.

— А мой сломался, — сказал Зак. — Наверное.

Там все ломалось. Борду там было никак не уцелеть.

Гоша снова полоснула по нему недобрым взглядом, прошла по палате, села на койку.

— Батя тебя заберет, — тихо сказала, глядя в стену.

— Никто меня не заберет, — отмахнулся Зак. — Кто тебе это сказал?

Гоша покосилась на окно.

— Снежок? — спросил Зак и фыркнул. — Ты его слушай больше! Он же перепуганный до сих пор. Он с перепугу и несет всякую чушь.

И медленно двинулся вдоль стены, стараясь поменьше шататься. Собрался для еще двух шагов без опоры — от стены до койки. И наконец сел рядом с ней. Глянул в ту же стену, что и она, и уточнил:

— И куда Чернофф дел ваши борды?

— Это тебе интересно? — уточнила Гоша, делая ударение на «это». — Где борды? Об этом ты хочешь поговорить?

— Сейчас сюда вернется Рэй, и мы уже ни о чем не поговорим, — пригрозил Зак.

Гоша с тяжелым вздохом оторвалась от стены, развернулась на койке и снова уставилась ему прямо в глаза. И спросила тоже напрямик:

— Зачем тебе борды?

— На Свалку же надо как-то попасть, — пожал плечами Зак, и плечо тут же отозвалось глухой болью. И голова закружилась. Зак прикрыл глаза на секунду, а когда открыл, у Гоши снова поменялся взгляд. Теперь она смотрела встревоженно.

— Придурок, — почти нежно сказала она — насколько умела говорить нежно, — какая тебе Свалка. Тебе лежать надо.

— Надоело лежать, — соврал Зак. Лечь ему сейчас хотелось невероятно. Лечь, закрыть глаза и вырубиться часов этак на двадцать.

И проснуться на Рейне. Чтоб его Чернофф вот так, спящего, и доставил.

— А жить не надоело? — угрожающе спросила Гоша.

— Да в порядке я, — продолжал напропалую врать Зак, — размяться хочу...

И даже попытался подняться, но Гоша перехватила за локоть и рывком усадила обратно. И тут же помутнело в голове, перед глазами поплыло.

«Не делать резких движений», - сказал он себе.

Ну, на борде ведь не и обязательно резко катать. На борде можно и плавно. Он не Гоша — он умеет и плавно.

— Я тебе разомнусь, — все тем же тоном пригрозила она тем временем. — Не дергайся. Я серьезно.

— И я серьезно, Гош, — проникновенно сказал он. — Где борды? Достать их сможешь?

— Дались тебе эти борды, — процедила Гоша. Вздохнула и наконец ответила. — Батя, вроде, в гараже закрыл. Там замок магнитный. Покрутить можно.

— Покрути, а? — попросил Зак.

Она устало покачала головой, не сводя с него взгляда.

— Гош, покрути, — говорил он, лихорадочно соображая, что дальше врать. — Снежку ведь теперь не просто плата, ему новый нужен. А мне — мой.

Врать было нужно, потому что вывалить сейчас на нее свой безумный план означало подписать плану приговор. А заодно — и всем им. Тем, кто останется на Цитрусе, когда его увезут.

Еще недавно ему казалось, что она пойдет на любое безумие, чтоб оставить его рядом с собой. А теперь вот, глядя на то, как она беспокоится за него, он уже не был уверен. И рисковать было нельзя.

— Ну, допустим, покручу, — сказала Гоша. — Допустим притащу тебе доску. Протащим мимо твоего Рэя, и спрячешь ты ее где-то под койкой. Дальше что?

— Видишь Снежка за песком? — спросил Зак. — Я почти не вижу. Вот и датчики движения на дронах Свалки меня не увидят, если правильно пойду.

— Сильно головой ударился? — с деланным сочувствием уточнила она. — Аллё! Придурок! Тебе лежать надо! И лечиться!

— Да послушай! — настойчиво сказал Зак. — Сейчас самое время. Песок поднялся надолго. Дроны плохо видят. Все после бури приходят в себя. Батя ваш занят. Мист тоже — Мист после бури всегда занят. А я типа болен. И когда на свалке пропадет что-то — кто на меня подумает? У меня ж постельный режим...

— Тебе и нужен постельный режим! — неожиданно рассердилась она.

— Да откуда тебе знать, что мне нужно?! — еще более неожиданно для себя рявкнул он в ответ.

Гоша задохнулась от возмущения и вскочила. И во второй раз за сегодня вlepила ему пощечину. Зак закрыл глаза и сосредоточился на руке, которая упиралась в койку. Всем весом — туда. Чтоб не шататься.

Гоша тем временем воспользовалась вынужденной паузой, тяжело вздохнула над ухом и тихо сказала:

— Слишком умный, чтобы я могла о тебе что-то знать, да? Так давай, умный, страдай фигней дальше, катай в бурю, ломай борды, хватай чужие борды, падай и бейся! Обязательно бейся головой обо все подряд! Глядишь, опустишься такими темпами до нашего уров...

— Гош, — он унял головокружение и тошноту, поднял на нее взгляд, взял за руку. Улыбнулся и повторил. Просто снова повторил ее имя. — Гоша.

А потом легонько потянул за руку и усадил рядом с собой. Подался вперед и поцеловал. Осторожно коснулся ее губ своими, готовый отпрянуть, если она вдруг укусит — кто ее знает, что там у нее на уме. Но она не укусила.

Замерла на несколько мгновений, а когда он отстранился, уставилась в глаза совершенно растерянно. Впервые в жизни он видел ее такой. У нее даже губы задрожали, будто она вот-вот заплачет.

А потом она собралась, выдохнула и очень жестко спросила:

— Пытаешься борд поцелуйчиками выманить?

— Нет, — он качнул головой и отметил — меньше кружится.

Где-то он читал, что она от любви должна кружиться, а у него, выходит, все наоборот. У

него так, блин, всю жизнь. Все наоборот.

Зак попытался улыбнуться, но стало вдруг так обидно, так себя жаль, что улыбка получилась кривой. И даже губу он закусил — чтоб не расплакаться.

Гоша приподняла бровь, пристально глядя в глаза. И неожиданно деловито уточнила:

— Рэй тут постоянно?

— Если ты достанешь борд, я его куда-то дену, — тут же с готовностью отозвался Зак. — В туалете закрою.

— Опасная идея, — отметила Гоша. — Рэй сломает туалет.

Зак тихо рассмеялся, сдерживаясь, чтоб не начать всхлипывать. Гоша была доброй девочкой, где-то в глубине души. И непонятно, каким образом, но сейчас ему, кажется, удалось до этой глубины достучаться.

— Достану, — с очередным тяжелым вздохом сказала она. — Мне нужна пара часов.

И будто оправдываясь, добавила:

— Без бордов мы с мелким медленные.

— Гош, ты даже не представляешь, какая ты умница, — прошептал Зак и потянулся ладонью, чтобы коснуться ее щеки, но она отпрянула. Подозрительно прищурилась и уточнила:

— Головой сильно бился?

— Бился, — честно отозвался Зак, — но приземлился на косичку. Она смягчила падение.

Гоша с чувством двинула его кулаком в грудь. Зак вполне естественно застонал от боли.

В палату вошел Рэй.

Из окна, рассыпая вокруг себя тучи рыжего песка, ввалился Снежок. Поднялся, отряхнулся, коротко глянул на Рэя и спросил у Зака:

— Как ты?

Зак показал ему большой палец. Снежок по-гошински злобно сощурился в ответ и показал Заку средний. Снежок становился все больше похожим на нее.

И даже Рэя не испугался.

— А Мист меня предупреждал, — мрачно сказал Рэй.

— Что мы придем? — тут же уточнил Снежок.

— Что вы как тараканы, — процедил Рэй. — Как ты вообще туда залез? — и ткнул пальцем в открытую створку.

— Подпрыгнул, — виновато пожал плечами Снежок. Взъерошил волосы, и из них посыпался еще песок.

— Все, — решительно сказал Рэй и распахнул дверь палаты. — На выход.

— Да он только что влез! — возмутилась Гоша. Столкнулась взглядом с Рэем и слегка стушевалась. Коротко покосилась на Зака, и он легонько кивнул. Она знала, что делать. Ему осталось разобраться с Рэем. Что, конечно, сейчас, глядя на него, уже не представлялось сколь-нибудь выполнимой задачей.

Он стал у двери, подперев собой стену, выжидательно скрестил руки на груди и неожиданно стал похожим на Миста.

«Они, наверное, и впрямь давно дружат, — подумал Зак, — раз уже неосознанно занимают одни и те же позиции для наблюдения».

И даже взгляд у Рэя был сейчас совсем не его. Холодный и очень усталый взгляд, Зак уже видел такой, у Миста.

Но как бы Рэй ни пытался быть другим. От себя не уйдешь. Это Зак уже понял. И теперь собирался использовать.

Гоша гордо прошагала мимо Рэя в дверь. Снежок — следом за ней. Он всегда ходил следом за ней.

Рэй запер за ними, уселся в кресло и снова уставился в свой монитор.

Он пытался сделать вид, что ему нет ни до чего дела. Но только теперь Зак понял — он просто делал вид. Это же Рэй МакКейн, ему есть дело до всех и до всего. И всем он старается помочь. И даже наушники в уши не сунул.

Надо не через окно от него бежать — надо с ним говорить.

— Насколько сильно ты боишься Миста? — спросил Зак.

Рэй раздраженно покосился и попросил:

— Не бери на понт. Я никого не боюсь. Смелый очень. И тебя не выпущу. С друзьями попрощался. Чего тебе еще надо?

— С отцом, — нашелся Зак. — Что вообще будет с отцом, если вы меня вот так выпрете?

— О нем позаботятся, — ровно, будто заученно, отозвался Рэй.

— Рэй, — сказал Зак, — ты же понимаешь, что я должен здесь остаться?

— А мне плевать, — равнодушно пожал огромными плечами Рэй. — Я не решаю. Мист умный, он решает.

— Ты же понимаешь, что Мист просто разозлился?

- «Понимаешь»! — передразнил Рэй и с тоской глянул на Зака. — Заладил со своим «понимаешь»... Я много чего понимаю. Например, отлично понимаю, что если Мист сказал что-то сделать, лучше это сделать. Потом узнаешь, почему. Или не узнаешь. Возможно, это просто не твое дело.

— Он разозлился на меня, — упрямо сказал Зак, — что я полез под бурю. Но буря сдвинулась. Она не шла стороной. Я это знаю, потому что я ее сдвинул. И он злится сейчас, но потом поймет, что я ему нужен.

— Ребенок, — очень серьезно обратился к нему Рэй, — Мист никогда не злится. И ему до тебя нет дела. Хоть ты убейся в этой буре.

— Потому он зашел меня проведать? — уточнил Зак. — Документы можно было передать, как и приказ улетать. Через тебя, он так всегда делал. Но он пришел лично. А ему непросто ходить.

Рэй какое-то время смотрел на Зака. Долго, задумчиво. Потом снова пожал плечами и снова уставился в свой монитор.

— Приказ ты должен был услышать от него, — сказал Рэй наконец. — Чтоб осознать, что у тебя нет вариантов. Осознал? Нет? Осознавай. Вся ночь впереди.

— Это у него нет вариантов, — не согласился Зак. — Я ему нужен.

— Да никому ты нахрен не нужен, — отстраненно отозвался Рэй — он был увлечен чтением чего-то своего. — Тут — так точно.

Зак молчал, пристально глядя на Рэя. Тот чувствовал взгляд. Потому что потерпел пару секунд, потом поднял на Зака глаза и твердо отчеканил:

— Ты путаешься у него под ногами. Совершенно не слушаешь, что тебе говорят. Чем старше — тем больше не слушаешь. И компанию нашел подходящую. Вы мешаете ему здесь, понимаешь?

- «Мешаете Ему»! — передразнил Зак и нарисовал в воздухе пальцем заглавную букву

«Е». Огромную букву «Е». — Что это за хрень? Зачем ты превозносишь его? Куда ты его превозносишь? А может, это он нам мешает, а? Может, вы нам мешаете?!

— Убиться — да, мешаем, — вставил Рэй. — Я бы сказал, что не на моей смене, но тут всегда моя смена, так что... — и развел руками. — На Рейне убьешься, ладно?

— Что он такого сделал, что ты ему поклоняешься? — продолжил давить Зак.

— Спас Гряду, пожертвовав собой, — напомнил Рэй.

— И что дальше было? — Зак сощурился точно, как Гоша. — Когда он в себя после этого пришел, ты его тоже в палате закрыл и нотации читал? Хобби такое? Или Поселок — не Гряда, не считается? За скольких людей нужно попытаться погибнуть, чтобы ты выслушал?

— А может хоть кто-нибудь из вас пытаться выжить? Ради людей, которым он важен? — спросил Рэй. — Ну, так, для разнообразия?

Он начинал злиться. И все меньше походил на скучающего робота-охранника. И в монитор после последней реплики не уставился. Продолжал смотреть в глаза.

Надо было давить.

— Дай мне шанс, Рэй, — попросил Зак, вцепившись в бортик койки. Держаться было трудно — хотелось лечь. Разжать пальцы, упасть на койку и ни о чем больше не думать. И вылететь все-таки завтра на долбаную Рейну.

Он же, черт побери, так мечтал о Рейне...

— Что-что тебе сделать? — недобро прищурился Рэй.

— Только не начинай снова кричать, — попросил Зак, — у меня от криков голова болит, честно. Мне нужно будет выйти из палаты, ненадолго. Просто поспи немного, а к утру я вернусь.

Рэй фыркнул, снова уставился в монитор.

Зак тяжело вздохнул и таки рухнул на спину. И тихо зашипел от боли — не надо было так картинно падать. Мог бы потихонечку лечь. Зато голова больше не кружилась. Анестезия, чем бы они ни была, прекращала свое действие.

Теперь волнами находила боль.

— Я могу справиться с бурями, — пробормотал он, глядя в потолок. — Сколько жизней я могу спасти? Сколько уже спас? Это сделал я, Рэй. Если бы я просто в нее въехал, я бы выжил? Вот ты знаешь, как я выжил?

— Знаю, — отозвался Рэй. — А знал бы я, что с тобой нужно будет так много говорить, ты бы не выжил. Тебя головой сильно приложило. И у тебя сейчас навязчивый бред. Ты не шаман, Зак. Шаманов, таких, как в сказках, не бывает. Шаманы предсказывают бури, не поворачивают. А ты к ним вообще не имеешь отношения. Ты — будущий курсант Академии Флота. Давай, начинай соответствовать.

Зак обреченно вздохнул. И сердито пробормотал себе под нос.

— Я, блин, начну соответствовать...

— Ты сейчас придумал план саботажа Академии? — уточнил Рэй.

Он уже не злился. И даже попытался пошутить, как будто пытался извиниться за свои предыдущие выпады.

Нужно было давить дальше.

— Да что ее саботировать, — фыркнул Зак. — берешь Гошу, говоришь ей, что на Рейне ее назвали толстой. И всё. И нет больше Рейны. Или берешь Миста, — сделал небольшую паузу, покосился на Рэя, но тот не протестовал, и Зак продолжил. — Говоришь, что на Рейне

Чужие.

— Назвали его толстым, — подсказал Рэй.

— И перепутали с папой, — добавил Зак. — И всё. И опять нет больше Рейны. И Чужих

И папы.

Подумал и спросил:

— А он толстый? Папа-то?

— Папа — нет, — честно ответил Рэй, — мама — немного.

— У Миста есть мама?! — изумленно вытаращился на него Зак.

— Ну, должен же был его кто-то родить, — пожал плечами Рэй. Зак надолго задумался,

а Рэй ответил на незаданный вопрос:

— Нет. Он не андроид. Он настоящий.

Зак фыркнул. И серьезно спросил после паузы:

— Зачем он пытается казаться хуже, чем он есть? Зачем весь этот... имидж?

— А чтобы все боялись, — объяснил Рэй. — И слушались. Если все начнут вести себя, как ты, он ничего не сможет контролировать.

— Все контролировать невозможно, — сказал Зак, — те же бури...

— Не начинай, — предупредил Рэй.

— Но все контролировать невозможно! — настойчиво повторил Зак и даже снова сел для убедительности. — Из песка нельзя построить стену — песок можно только подвинуть, понимаешь? Перенаправить!

— Ему об этом скажешь, — пожал плечами Рэй, а потом деланно спохватился. — Ой! Ты же не сможешь сказать. Ты же улетаешь завтра утром.

— Издеваешься? — прищурился Зак. — Издевайся-издевайся. Но он и правда не сможет контролировать Цитрус. И чем больше будет пытаться, тем большим будет отпор. Цитрус рассердится. И всей кампании здесь придет конец.

— А ты меня сердитой планетой не запугивай, — попросил Рэй. — Помнишь? Я очень смелый. Герой я или как?

И Зак замолчал.

И отвел наконец взгляд.

И неожиданно подумал о том, что хотел бы, чтоб его отец был таким, как Рэй. Чтоб да, стоял на своем, пожалуйста, пусть стоит на чем угодно, но чтоб было понятно, что Зак ни в чем не виноват, что не должен никому и ничего. Может, тогда он смог бы поверить в этом сам. Чтобы было понятно, что отец его любит. Так, как любит их всех Рэй. Рэю нужно было становиться главным — не Мисту.

Может, он и был главным. Мист ведь — что может? Только запугивать всех и может. Запугать — и тихонько хромать, чтоб обратно закрыться в своем кабинете.

— Рэй, — тихо сказал Зак.

— А, еще не всё, — понимающе кивнул Рэй и с преувеличенным вниманием уставился на него.

— Я не хочу оставаться здесь, — осторожно начал Зак. Рэй молчал, не перебил на первой же фразе — уже хорошо. — Я очень хочу улететь. Черт, я так хочу улететь...

Он помолчал, потому что говорить было трудно.

— У тебя было такое — видишь машину и уже, заранее будто бы чувствуешь, как она идет? Или смотришь на тестовую карту — и весь бой перед глазами? Чтоб не думать на ходы вперед, чтобы видеть сразу всю доску, бывало?

Зак лег на спину на этот раз медленно. Уставился в белый потолок. Он не убеждал больше никого и ни в чем. Он жаловался Рэю так, как пожаловался бы отцу, если бы тот захотел послушать.

— Мне даже Гоша толком не нравится, — с нервным смешком продолжил он. И исправился. — Не нравилась. Она какая-то... — поднял руки, чтобы показать, но не смог и отмахнулся, — злая. Но здесь же больше нет никого...

И рассмеялся тихо и нервно.

— А на безрыбье и Гоша...

— Стоп, — Рэй поднял ладонь, перебивая. — Я не буду работать твоим психологом. У нас есть специалист, если тебе нужен. Ему душу изливать будешь, не мне.

Помолчал, потом душераздирающе вздохнул, отложил монитор, уставился ему в глаза и неожиданно потребовал:

— Выкладывай.

— Душу? — растерянно спросил Зак.

— Нет у тебя души, — припечатал Рэй, — ни у кого из вас. План действий выкладывай.

— К-каких? — растерялся Зак.

— Таких! — раздраженно ответил Рэй. — Ты хочешь свалить из палаты. Я хочу знать, что ты задумал. У тебя минута, чтоб изложить. Время пошло.

— Да секунды хватит! — сказал Зак и снова сел — торжественный же момент. — Я на Свалку залезу!

Рэй внимательно посмотрел ему в глаза. Уточнил:

— И каким образом это нам поможет?

А Зак подумал, что Рэй слишком молод, чтобы быть отцом. Старшим братом, скорее. Это он выглядит таким взрослым и серьезным. Выглядел, пока в монитор таранился. А сейчас — даже глаза блестят по-другому. Почти как у Гоши со Снежком, когда подбиваешь их на очередной вылет.

На сколько лет он старше? От силы десятков.

— Подумай сам, — сказал Зак, и так воодушевился, что даже сел ровно, не держась за бортик. — Я засвечусь на камеры как нарушитель. Меня на Рейне не примут с таким резюме. Нигде не примут. Меня придется оставить здесь.

— Почему не примут? — удивился Рэй. — В карцер тебя примут. С распростертыми объятиями. И Мист тебя с радостью туда сдаст, чтоб увезли подальше, в какую-нибудь камеру. И заперли на подольше. Более разумных, хоть немного разумных планов у тебя нет?

— Никуда меня Мист не сдаст, — уверенно ответил Зак. — Он пришел меня проведать. Он вел за мной дрон. А когда я испугался и остановился, он повел дрон дальше. Вперед, в бурю понимаешь? У меня не было вариантов, если бы я отступил, буря накрыла б меня. Он знал это — и повел дрон вперед. Значит, он хоть немного, но верит в меня, разве нет?

— У дрона длинный тормозной путь, — отрезал Рэй. — А тебя приходили не проведывать, а лично выгнать, потому что ты уже всех достал. Ты уже и меня достал, Зак. У тебя талант.

— На что спорим? — прищурился Зак.

— Спорим? — переспросил Рэй.

— Я останусь на Цитрусе, — уверенно припечатал Зак. — На что угодно могу поспорить. Только для того, чтобы проверить, кто из нас прав, тебе придется дать мне шанс.

Глава 18. Расклад

Рэй вышел из палаты. А потом по коридору, через холл — и на улицу. Под рыжие лучи Медузы.

Понять, кто из них всех больше сошел с ума, он никак не мог.

Сейчас бы с Ивом поговорить, с настоящим Ивом, а не с нарисованной Мистом десяткой. Чтобы тот ответил. Тот бы быстро определил, кто свихнулся.

А сам с собой Рэй и так прекрасно умел беседовать. Ему никакие пирамиды для этого не нужны. Но чем дальше беседовал — тем больше путался.

«Еще раз», - сказал он себе.

Есть факт: буря повернула. Есть мальчик, который утверждает, что это сделал. Так уверенно утверждает, что Рэй склонен его поддержать. И есть Мист, который категорически отрицает все, что связано с Заком. А где тот холодный и расчетливый человек, которой перепроверит все вероятности, даже самые невероятные? Куда он пропал? Сейчас Мист больше похож на папу-Джонса — его что-то напугало, и он это что-то пытается оттолкнуть подальше. Убрать с глаз долой.

И Рэй никак не может понять, что именно такое страшное, что Мист шарахается, а Рэй упор не видит.

Но что-то происходит, и Мист от этого не в себе. А у Зака есть план. Пусть безумный, но хоть какой-то план.

Пускай пробует. И посмотрим, что будет дальше.

Рэй не позволит засунуть ребенка в карцер. А уж сам Зак не позволит отправить его куда-нибудь еще. Останется здесь. Пусть изучает бури.

«Делегируем бури Заку, Ким, — подумал Рэй, — хочешь ты того или нет».

Конечно, Рэй боялся. Но не Миста, как предположил Зак. Он боялся за Миста. Он уж очень давно за него боялся. И наверное, слишком активно взялся оберегать, выполняя все прихоти.

Ну, а что с ним было делать? Он не подпускал к себе больше никого. Не бросать же его было, поломанного.

* * *

В его теле переломалась половина костей, а он открыл глаза уже на следующий день.

Рэй, сидящий у койки, в очередной раз потянулся к капельнице — дать еще дозу болеутоляющего, но Мист неожиданно уставился на него мутным от боли взглядом и твердо сказал:

— Нет.

И голос, в отличие от взгляда, у него был необычайно чистый, четкий, ровный. Папин голос. Будто он предыдущие двенадцать часов распевку какую-нибудь делал и горло прочищал, а не в отключке валялся.

А потом прояснился и взгляд.

— Нет? — переспросил Рэй.

— Я невнятно сказал? — все так же ровно уточнил Мист.

— Очень внятно, Ким, — заверил Рэй, — просто глупость.

— Никакой обезболки, — твердо заявил Мист. — Мешает думать.

Закрыв глаза и замер, и Рэй подумал было, что он отключился, но через мгновение понял: Ким прислушивается к своему телу. И заметил, как тот пытается пошевелить пальцами на руках. И те понемногу начинают его слушаться. Ким выдохнул, открыл глаза, глянул на Рэя и скомандовал:

— Карандаш.

— Каран... — начал было переспрашивать Рэй, но возмущенно перебил сам себя. — Нормальные люди просят воды, когда в себя приходят! Если не лекарства, то воды! Я могу дать тебе карандаш, но сначала я вызову врача, пусть скажет, что у тебя нет обезвоживания, и ты не помрешь мне тут от болевого шока!

Мист подождал, пока он закончит, и ровно продолжил:

— Когда найдешь карандаш и бумагу, возьми телефон. Узнай имена всех, кто выжил после битвы на орбите с крупными крейсерами. Обзвони, мне нужен максимум информации о кораблях. Все детали, все мелочи, все...

— Секретаря не хочешь нанять? — спросил Рэй.

— Зачем? — Мист так удивился, что даже глаза открыл. И в упор уставился на Рэя. — Ты тут все равно ничего не делаешь. Тебе не скучно ничего не делать?

— Я тут тебя поддерживаю, — напомнил Рэй.

— Об этом я тебя не просил, — напомнил Ким. — А помочь мне сейчас — прошу.

— А-а, — понимающе протянул Рэй. — Это называется «прошу»...

— Тебе волшебное слово сказать? — холодно уточнил Мист, и Рэй до сих пор не был уверен, это он так пошутил тогда, или действительно не знал, как правильно о чем-либо просить человека. Ну, потому что — кто ж его, Миста, разберет.

— Где я? — спросил он и уточнил. — Планета.

Наверное, чтобы Рэй не подумал, что ему совсем плохо, и он забыл, что такое больница.

— Земля, — ответил Рэй.

— Меня нужно перевезти, — сказал Мист. — Найди ближайшую к Цитрусу рекреацию, и...

— Там хреновые рекреации, — предупредил Рэй, — здесь и аппаратура, и персонал...

— Найди, — упрямо повторил Мист.

— Послушай...

— Транспортировку организуй в ближайшие сроки. И чтобы без наркоза.

— У меня все еще есть шанс задушить тебя подушкой, — отметил Рэй, — пока никто не узнал, что ты проснулся...

— И никого ко мне не пускай, — добавил Мист. — Понял? Никого.

А потом отключился, и Рэй пошел за карандашом с бумагой. И звонить. И организовывать перевозку. И никого не пускать.

* * *

Мист яростно и упорно не хотел видеть в своей палате никого. Он и Рэю, кажется, был не слишком рад, но ему нужен был кто-то для связи с миром. Рэю казалось, Мист воспринимает его как необходимое зло. А с необходимым злом он умел мириться.

Что за отчаянное желание никого не видеть, Рэй понять не мог. То ли так сказывалась какая-то посттравма, то ли — что более вероятно — Мист наконец достиг статуса, при котором мог себе позволить ни с кем не контактировать.

И с огромным рвением не контактировал.

Даже с родителями.

Ну, ладно наварх, думал Рэй. Наварх допустил там ошибку, а Мист не прощал ошибок Тем более — таких. А вот чего у него с матерью не заладилось — этого Рэй не знал. Но не заладилось очевидно всерьез, потому что когда она, большая такая и мягкая женщина, появилась в коридоре, а Мист увидел ее на мониторе — о да, у него в палате первым делом после карандаша появился монитор, не мог он без мониторов, — он очень тихо спросил:

— Как думаешь, если долго не шевелиться, есть шанс, что она нас не почует?

Она шла плавно, медленно, и Рэй понял, от кого в нем была та медлительность, равнодушная разморенность морской черепахи.

Она была очень похожей на черепаху. Пухлощекую беловолосую черепаху.

— Это кто? — спросил Рэй, хотя ответ был очевиден.

— Миссис Джонс, — со странной интонацией ответил Мист и неожиданно потребовал. — Убери ее, дорогой.

— Куда я ее уберу? — удивился Рэй.

— Скажи, что я в другом месте. Скажи, что умер. Но чтоб я ее не видел. Убери.

Мист смотрел прямо в глаза. Холодно и твердо. В нем больше не было ничего от матери. Ничегошеньки не осталось.

В нем и от Кима Джонса мало чего осталось. Чисто физически. Его собирали по косточкам. И никак не верили Рэю, что Ким смог открыть капсулу изнутри. Что он в принципе был в сознании. Рэй уже не говорил, как долго Ким был в сознании. И что сознание его было ясным.

Что Ким продержался на чистой силе воли.

— Полгода ты здесь, — тихо напомнил Рэй. — Полгода я никого к тебе не пускаю. Я наварха к тебе не пускаю, Ким. Знаешь, как трудно его удержать? Но это — твоя мать! Тут я ничего не сделаю.

— Убери. Ее, — отчеканил Мист, глядя Рэю в глаза. — Я не хочу ее видеть.

— А мне опять внезапно надоело тебя слушать, — пожал плечами Рэй и поднялся. Мист все еще не мог встать с койки. Поднимался, если его держать, делал шаг или два и обвисал на руках тряпичной куклой.

Потому сейчас он даже не попытался встать. Только запустил в спину Рэю ручкой. Ручка была тяжелой и опасно свистнула мимо уха. Рэй надеялся, что Мист так и целился — мимо. А то такой ручкой да с таким броском — и убить недолго.

Рэй захлопнул дверь, вышел в коридор. Она как раз выплыла из-за угла, плавно повернула и скользнула по нему безразличным взглядом.

— Миссис Джонс, — кивнул он ей.

— Вы кто? — с прохладным недоумением осведомилась она, глядя на него так, будто он какая-то дрянь, прицепившаяся к ее обуви, и она никак не может понять, где именно ее подхватила. Рэй понял, что и манера общаться с людьми у Миста — от нее.

— Рэй МакКейн, — представился он, шагнул к ней, хотел было протянуть руку, но по взгляду понял — не стоит.

— Врач? — спросила она.

— Друг, — исправил Рэй, и она вопросительно, очень по-кимовски, приподняла бровь. — Пойдемте. Ким ждет вас.

— Сомневаюсь, — прохладно бросила она, но поплыла за Рэем, вошла в палату, а он остался ждать в коридоре.

Выплыла она минут через пять. И впервые Рэй увидел, до какого состояния Мист почти мгновенно может довести человека, если человек ему не нравится. Она была бледной, растерянной, и плыла уже совсем не так уверенно. Рывками. Пошатываясь. Рэй даже испугался, что сознание сейчас потеряет. Но она не потеряла, понемногу пошла к выходу, а Рэй подумал: «больница же, если упадет — ей помогут».

И вернулся в палату.

— Ким... — осторожно начал он, еще не до конца понимая, пришел он сочувствовать, или отругать, потому что нельзя так с матерью. Ни с какой матерью так нельзя. Но Миста хрен отругаешь.

— Еще раз сотворишь такую фигню... — ровно начал тот хором с ним.

— Пущу мать навестить сына, который едва не погиб? — уточнил Рэй.

— Еще раз ослушаешься приказа, — тон сменился внезапно — в нем, деланно спокойном, появились явные нотки холодной ярости. — И я буду вынужден прекратить наше сотрудничество.

— Сотрудничество?! — возмутился Рэй.

— А ты хотел дружить? — удивился Мист.

Рэй устало вздохнул.

А Мист неожиданно переключился и заговорил, будто Рэй только что вошел:

— Дорогой, помоги встать.

— Ты вставал сегодня, — напомнил Рэй. — Перенапрягаться не стоит.

— Помоги. Встать, — твердо сказал Мист. И уставился в глаза так, что Рэй понял: не поможет — его уволят. Мист даже потенциальных друзей умел увольнять. А настоящих у него и не было.

Рэй снова вздохнул, но помог.

* * *

А вот сегодня решил послушаться приказа. Впервые с тех пор. По крайней мере, впервые так явно.

«Что, Ким, — думал он, — как теперь насчет того, чтобы прекратить сотрудничество?».

* * *

Гоша ковырялась с замком дольше положенного. Снежок стоял на стреме, но это не помогло бы, вернись отец сейчас домой. Отцу хватило бы увидеть, что они не сидят по комнатам. Оба получили бы.

— Все равно это глупость, — тихо пробормотал Снежок. — Это опасно.

— Кто-то бои-ится, — протянула Гоша и дернула проволоку вверх, но замок не поддался. Она хмыкнула. Батя явно его перекроил. Знал, с кем связался. Или точнее — кого

воспитал.

— Ничего я не боюсь, — ответил Снежок и потер кулаком глаза. Глаза слезились. Он сидел на крыше дома и смотрел в сторону дрома, в воздухе металась тучи рыжей пыли, оранжевое светило уже скатывалось за горизонт, и небо понемногу окрашивалось лунами, а мистер Чернофф со своей командой должен был вот-вот появиться вдали. Снежок кутался в шарф и дергался от песчаных миражей.

Но черных пятен, идущих к дому со стороны дрома, все не было. Только пятна перед глазами — от перенапряжения.

— Я говорю, что это опасно, а Зак еще не здоров. А ты же вроде умная. Так что я даже не представляю, как он тебя на это уговорил.

Гоша коротко стрельнула глазами в его сторону, но, не дожидаясь встречи взглядами, вновь уставилась на замок.

Дело было нечисто.

— Ты чего-то не говоришь мне? — спросил Снежок и спрыгнул с крыши, мягко приземлившись напротив Гоши. Замер напротив, глядя ей в глаза.

— А ты? — спросила Гоша, прищурившись. — Чего не говоришь ты?

— Не я с Заком в палате на полчаса закрылся, — отметил Снежок.

— Не, — качнула головой Гоша. — Не ты. Ты только что с крыши спрыгнул. Забыл, что боишься высоты?

— Уже не боюсь, — пожал плечами Снежок, — перебоюсь.

— Откуда ты? — спросила Гоша.

— Что у вас с Заком? — спросил Снежок.

— Не твое дело! — огрызнулась она.

— Если Зака увезут...

— Он сказал, что не увезут.

— ...тебе же будет больнее.

— Но он сказал, что не увезут! — неожиданно выкрикнула она, и в темных глазах блеснули слезы.

— А батя сказал, что увезет. И не только мне сказал — Мисту пообещал. Ты понимаешь, что сейчас у нас выходит нехороший расклад? Твой Зак против Миста и бати. Кто победит?

— А мне плевать! — фыркнула она, но голос опасно задрожал. — И на батю, и на Миста! И на тебя!

Вскочила и решительно зашагала прочь по присыпанной песком дорожке, размазывая слезы.

— Знаю, — тихо сказал Снежок, глядя ей вслед.

Потом осторожно опустился перед замком, приблизился к нему вплотную, разве что носом двери не касался. Медленно потянул на себя ее самодельную отмычку, застрявшую там.

— Ты что делаешь? — пробормотала Гоша издали, глотая слезы.

— То, чего ты не можешь, — процедил Снежок. — Давай на крышу. Посмотришь за дорогой.

Он ни разу не видел, чтоб Гоша плакала. Сердилась — это да, это постоянно. Дралась и кусалась — тоже каждый день. Иногда в глаза поблескивала влага, но Гоше нужно было только моргнуть — и ее не было.

А теперь вот она решила поплакать. Как будто без этого у них у всех проблем мало.

А проблемы было не мало. Проблемы было, наоборот, много.

Нехороший у них получался расклад.

Но так уж ему везло, на нехорошие расклады.

Замок почти щелкнул, но звякнул ком, и Снежок, тихо выругавшись сквозь зубы, глянул на Гошу. Она как раз собиралась лезть на крышу, но замерла и удивленно выгнула бровь, будто спросить хотела: «Ты еще и ругаться умеешь?».

Снежок не ответил, щелкнул ком на спикер и сообщил:

— Зак, мы в процессе.

— Давайте, завершайте, — попросил Зак, и голос у него был очень хриплым, уставшим. Снежок многозначительно глянул на Гошу, пытаясь взглядом сообщить, что идея все-таки не очень хороша, что не нужно Заку сейчас борд нести, что на борде он убьется. Но та не обратила внимания на его взгляд. Смотрела в спикер, будто бы могла рассмотреть в нем Зака, если постарается.

— Времени в обрез, — продолжал Зак. — Рэй на дроме с внеплановой проверкой, но вашего батю с компанией долго держать там не сможет...

— Погоди, — растерялась Гоша. — Еще раз. Ты Рэя завербовал что ли? МакКейна? Мы о нем сейчас говорим?

— Ага! Я с ним поспорил, — гордо отозвался Зак. — Взял на понт.

— Ты бы еще Миста на понт взял, — пробормотала Гоша. — Чувствую, сейчас явится к нам карательный отряд из сердитого руководства.

— Какая ты сегодня нервная, Маргарита, — рассмеялся Зак, и Гоша растерянно покосилась на Снежка. А тот тут же вернулся к изучению замка.

Зак редко смеялся так легко и весело, а еще — никогда не звал ее настоящим именем. Зак никогда не звучал так странно, никогда не был таким усталым и счастливым. Будто сбросил какой-то тяжелый груз с плеч, но груз был такой тяжелый, что, сбрасывая, он надорвался. Сорвал что-то в себе, и теперь почти шептал. И смеялся тоже хриплым, но до предела счастливым шепотом.

Хорошо ему. Свой груз он мог сбросить.

Снежок подцепил наконец заново рычажок в замке и плавно повел отмычку вверх.

Замок щелкнул.

* * *

Гоша поднялась на своем борде к открытой створке и втокнула Заку вторую доску. Та скользнула внутрь, и Зак подхватил ее у самого пола. Осторожно встал на нее. Плавно повел на подъем.

У распахнутой створки вверху присел на борде, вглядываясь в пески. Те вновь становились кровавыми — Медуза нырнула за горизонт, и красными светом напитывались висящие высоко в небе луны.

И Гоша смотрела снизу вверх бликующими красным глазами, сжимая свою доску под мышкой.

— Ну? — спросила она. — Взлетел?

— Да, — улыбнулся ей Зак. — Спасибо.

— Я домой, придурок, — она швырнула на свой борд себе под ноги, прыгнула на него и

плавно невысоко поднялась над песком. — Снежка закрыла в комнате, еще самой успеть закрыться.

— Погоди секунду, — попросил Зак.

И довольно долго пытался пролезть в окно вместе с бордом. В конце концов извернулся так, чтобы сначала запустить ноги, и борд естественно скользнул в сторону. А Зак грохнулся на песок прямо к Гошиным ногам. И тихо застонал сквозь зубы, потому что боль нахлынула с новой силой. Почти захлестнула. Почти потемнело перед глазами.

Он стиснул зубы, рванул из кармана украденный шприц с коктейлем и всадил себе в ногу.

Боль отступила, Зак медленно поднялся. И только потом вспомнил, что надо выдернуть шприц.

Гоша, держащая его рухнувший борд, мрачно констатировала:

— Все хуже, чем я думала.

И по по блестящим темным глазам было видно, как ей хочется сцапать сейчас борд и рвануть подальше, чтоб у него не осталось других вариантов, кроме как вернуться в палату.

Он не дал этой мысли оформиться в намерение — шагнул к ней и осторожно, но настойчиво выдрал из тонких пальчиков свою доску. Гоша держалась за нее крепко, потому Гошу пришлось притянуть к себе, и Зак сделал очередную за сегодня глупость.

Поцеловал ее в лоб. Мягко, легонько, одним касанием.

Она отшатнулась и уставилась на него возмущенно, будто хотела спросить: «Сколько можно меня целовать?», но понимала, как глупо это будет звучать.

Столько, сколько нужно.

— Что за фигня на тебе? — неожиданно спросила она, окинув его все еще сердитым, но уже прояснившимся взглядом.

Он был не в больничном халате. Успел мотнуться в раздевалку, но своих шмоток не нашел, разжился тем, что увидел. Чужой курткой, в которой он почти тонул, широкими штанами, из которых тяжело было не вывалиться, и старыми потертыми ботинками по размеру.

Маскировка, конечно, так себе. Но ему и не маскироваться нужно было. Ему нужно было не упасть с борда, что куда привычнее делать в штанах и в ботинках, нежели в халате. Даже если из штанов ты слегка выпадаешь. Ботинки-то — впору.

— Шаманские одежды, — подмигнул ей Зак.

Вскочил на борд и рванул в сторону Свалки. И услышал, как она тихо повторяет, глядя ему вслед:

— Придурок.

С невообразимой — особенно для Гоши — запредельной нежностью.

Он даже чуть не затормозил. Чуть не повернул обратно. Но вовремя остановил себя. Он повернет и проведет с ней одну ночь. Или она подождет его этой ночью — и он останется здесь навсегда.

Она ведь этого хотела? Оставить его рядом с собой навсегда?

Во рту была странная горечь. Из-за коктейля, наверное. И Зак старательно не думал о том, чего хотел бы он.

А потом отключился от посторонних мыслей — перед ним выросла стена Свалки. Зак нажал пяткой на борд, поднимая нос вверх. Борд встал на дыбы, и пришлось почти что прижаться к нему, чтоб удержаться.

Под ним темной с красным, в свете лун, отливом неслась стена Свалки. За стеной валялись горы ценного барахла.

И жужжали еще более ценные для него сейчас дроны.

Зак замер на мгновение над стеной, окинул беглым взглядом их все, просчитал траектории, прошептал: «Ну, привет» — и нырнул вниз, на Свалку. Рыжие тучи песка сомкнулись над ним.

Глава 19. Право на ошибку

Зак вернулся домой под утро. Осторожно шагнул с опустившего его вниз подъемника и наткнулся на отца. Тот сидел в кресле у стены, безвольно уронив голову набок. Рука свисала с подлокотника, и на мгновение Заку показалось, что отец не дышит. Что умер, дожидаясь его здесь, пока Зак пытался побороть бури, валялся в лазаретах и проникал на Свалку. Короче говоря, занимался какими-то глупостями вместо того, чтобы сделать что-то важное.

Дать отцу стакан воды, например.

Но потом он вспомнил, что и воды, и еды в доме хватает, а сил у отца обычно достаточно, чтобы не только пообедать, но и в подвал за куревом успеть сгонять пару раз за день. А потом отец захрапел, и Зак с обреченным вздохом шагнул к его креслу — старика нужно уложить в постель. Искупать еще неплохо было бы, но этого Зак сделать не мог, не сейчас. Сейчас он и кресло толком подтолкнуть не мог — руки не слушались, ноги были ватными от усталости, хотелось просто упасть на пол и отключиться.

— Что ты делаешь? — спросил отец, когда кресло таки подалось вперед.

— Везу тебя в комнату, — ответил Зак.

— Не нужно, — сказал отец. И взмахнул рукой за головой, будто пытался отогнать его, как назойливое насекомое. Зак отпустил — только потому, что сил ругаться и спорить не было. Отец развернулся в кресле, уставился ему в глаза и сухо скомандовал. — Иди спать. На ногах не стоишь.

— Не спросишь, где меня носило? — удивился Зак. — Не будешь ругаться?

— Иди спать, — повторил отец, окинул его взглядом с ног до головы, потом снова глянул в глаза. — Что-то изменилось. Ты изменился. Меняться трудно. Отдыхай.

И укатил в свою комнату.

А Зак, с трудом переборов невероятное желание лечь на пол прямо здесь, заставил себя сделать шаг в сторону кровати.

До рассвета оставалось несколько часов.

Зак не спал. Лежал и смотрел в потолок, чувствуя иногда, как волнами находит ноющая боль в костях, в мышцах, как боль плывет по венам и артериям вместе с кровью, как скребет в горле фантомный песок, и как все-таки это хорошо — жить. А еще его трясло перед встречей с Мистом.

Мист на Базе почти всегда, Рэй не раз говорил, что он почти не уходит. И спит там. Но Зак все же хотел дождаться утра — он слишком устал, чтобы совершить еще один безумный поступок. Как например, разбудить Миста среди ночи.

И Зак ждал. Следил за болью в теле, следил за вдохами и выдохами, слушал шорох песка. Раньше он не замечал, что слышит его — шорох был привычным фоном. И только теперь задумался: а почему он слышит?

В бункере под землей — как можно слышать песок? Отец установил какую-то аудиосистему? Так нет же — Зак давно изучил устройство дома. Скорее всего, просто где-то дырку какую-то не заделал, пока строил, и шум долетает через нее.

«Хорошо, что хоть песком через нее не засыпает», - подумал Зак, который откуда-то уже знал: в помещении даже он не справится с песком. Тут и свет другой, и воздух. И силы брать неоткуда.

Перед рассветом он поднялся наверх. Сидел на борде у подъемника, подняв борд на

метр в воздух. Откинулся назад, уперся ладонями в гладкую теплую сталь, запрокинул голову и закрыл глаза. Волны теплого воздуха омывали его, песчинки чиркали по лицу, перекатывались, бормоча что-то друг другу, тяжелые барханы вдали.

Цитрус все еще был беспокоен. Но Заку дышалось легче.

С рассветом на крыльцо поднялся отец.

И Зак, надышавшись, решил, что время пришло. Сел на борде ровно, одним движением вскочил на ноги и глянул на отца.

Тот был непривычно молчалив. И смотрел странно — будто на войну провожал. Будто боялся, что Зак не вернется, и так странно, по-своему, прощался.

— Я вернусь, — сказал Зак.

Отец кивнул и ответил:

— Я знаю, — а потом едва заметная улыбка тронула его давно пересохшие губы, и Заку показалось, что на мгновение он вновь увидел настоящего отца, а не безумную развалину в кресле.

— Я же вижу, мальчик, — сказал отец. — Я все вижу.

Губы у него были оранжевыми. У Зака — глаза, а у отца все остальное. Губы, щеки, руки. Он весь уже давно пропитался Цитрусом.

Зак кивнул ему и плавно нажал пяткой на кнопку запуска. Пролетев с десятков метров, обернулся через плечо, чтоб еще раз глянуть на отца, но тот совсем слился с наполненным воздух рыжим песком. Растворился в нем. Показалось, будто в кресле на площадке сидит не отец — кресло занял вихрь из песка. Оно стояло там, за спиной, пустым, в песчаных тучах.

И Зак отвернулся. Ему только миражей сейчас не хватало. Цитрус был щедр на них. Всегда слишком, всегда несвоевременно щедр.

Зак присел, пригнулся пониже, разгоняя борд до максимальной скорости. Зак тоже стал вихрем. Он мчался над песками, и пески мчались вместе с ним, и на мгновение, как раз на то мгновение, когда Медуза вынырнула из-за горизонта и щедро швырнула лучи, и песок снова стал теплым-оранжевым, Заку показалось, что все вокруг застыло, запеклось в рыжем янтаре.

Песок несся рядом с ним всю дорогу, но только сейчас он наконец поймал ветер, он наконец согласовал скорости, и косматые рыжие тучи по обе руки как будто замерли рядом с ним. И теперь не движутся относительно него — находятся в полном покое. И он не движется, и он — в покое.

И очень тихо, и тепло, и светло.

Мгновение потянулось сладкой липкой патокой.

А потом Зак выдохнул, борд дернулся под ногой, а песок снова погнал по своим делам, то перегоняя, то замедляясь, то бросаясь наперерез.

Впереди выросла стена Базы.

Стена стремительно приближалась, и он заранее поднял нос борда, поймал очередной порыв ветра и взмыл вместе с ним вверх. Перемахнул стену, ухнул вниз затормозил над песком, двинул вдоль смутно видимой под рыжей поземкой дороги.

Двинул уже медленно и осторожно. И даже руки поднял, демонстрируя, что безоружен. На крыльце у главного входа стояли двое в форме. Один из них вскинул оружие, стоило ему перепрыгнуть стену, второй сделал шаг вперед и приложил руку к глазам, чтобы было лучше видно.

Зак плыл бесконечно медленно, его держали на мушке, но не стреляли. А как только он

оказался на расстоянии, достаточном, чтоб докричаться, человек, рассматривающий его, скомандовал:

— Поворачивай!

— Не могу! — крикнул в ответ Зак.

— Назовись! — потребовал тот.

— Зак! — прокричал Зак. — Шаман! Я к Мисту!

Человек убрал руку от глаз и тоже рванул из-за пояса оружие.

— Ага, — напряженно сказал он: Зак был уже достаточно близко, чтоб не кричать — говорить. — Сейчас. Разбежался. Разворачивай борд и лети отсюда, шаман.

— Это я могу, — легко согласился Зак, подплывая все ближе. — Только Мист расстроится, если улечу. Он меня очень ждет.

— Ну да, — подал наконец голос второй, но пушку опустил. Не совсем — просто чуть ниже, чтоб не на уровне лица. — Ждет. Ты себя видел? Штаны у кого украл? Спадают же. Мистом он нас пугать будет.

— А можете ему позвонить? — доверительно спросил Зак, оказавшись совсем рядом.

На него посмотрели странно и недоверчиво.

— Зак, — напомнил он в ответ на взгляды. — Скажите ему, что пришел Зак.

— Ну да, — недоверчиво хмыкнули ему в ответ.

И пока первый продолжал сверлить его взглядом, сжимая в руках пушку, второй отошел в сторону и что-то забормотал в ком.

Потом вернулся, посмотрел еще страннее, кивнул напарнику — и дверь главного корпуса базы мягко поехала в сторону. Зак подмигнул им, подхватил борд под мышку и вошел.

Остановился и осмотрелся. Дверь за ним закрылась. Назад пути не было. И Зак сделал первый шаг вперед.

Ему казалось, главный корпус будет выглядеть иначе. Красивее, масштабнее. Секретнее, блин.

Но здесь был просто пустой коридор и много дверей. А еще — свет был другим. Как в лазарете. Мягче и спокойнее, чем снаружи. Очень непривычный свет — под него прямо так и хочется лечь на койку. К тому же все как раз очень сильно болит — окончательно закончилось действие обезболки, и Зак кусал губы, чтоб не выть от боли. И чтоб отвлечься, думал о том, какие все-таки ненормальные идеи лезут в голову под лекарствами. И какие ненормальные люди его окружают — раз такие идеи поддерживают. И что надо бы идти по центру коридора, а то вдоль стены получается как-то совсем некрасиво. И медленно.

А потом створка двери в торце коридора бесшумно поехала в сторону, и навстречу ему вышла очень красивая женщина. Дверь оказалась лифтом.

— Зак, — произнесла она и решительно двинулась к нему.

— Здравсьте, — улыбнулся он помахал ей бордом — второй рукой держался за стену. — Я тут... решил стены потрогать. У вас такие ровные стены...

— Пойдем, — она подошла, отобрала у него борд, пошатнулась, не ожидая такого веса.

«Не Гоша, — определил Зак. — Женщины тут, как свет. Тоже мягче».

Она была невысокой — ниже Зака и даже, кажется, Гоши. Вот как Снежок примерно, вот какой она была. Телосложение ребенка и длинные темные локоны. А когда подняла руку, чтобы поднести ладонь к панели — вызвать лифт — на запястье зазвенели браслеты. Она источала цветочные ароматы. И когда они вошли в лифт, не отводила взгляд —

смотрела прямо на Зака со странной жалостью, с такой, что ему даже обидно не было. С такой, с которой на него никто никогда не смотрел.

Разве что, может быть, мама когда-то. Но маму он совершенно не помнил.

Он отвел взгляд и принялся старательно — лишь бы больше не смотреть в глаза — вытряхивать из одежды песок. А когда тот посыпался на пол, уставился на него изумленно — песок был желтого цвета.

Зак присел, провел пальцами по песчинкам на полу. Он никогда не видел такого желтого песка. Даже в палате песок был нормальным — его красил льющийся из окон свет, перекатывал по ровному гладкому полу ветер из открытой створки.

А здесь, желтый и спокойный, он и впрямь стал мягким. Неподвижным. Мертвым.

Из него ушла жизнь.

Дверь открылась, женщина шагнула из лифта, и теперь Зак внимательно уставился на ее обувь. Очень неудобную обувь — на высоких тонких и страшно изогнутых каблуках.

«Может, у нее что-то с ногами? — задумался он. — Это какие-то протезы?».

Потом наткнулся на ее внимательный взгляд, отвлекся от обуви, с усилием поднялся и вышел из лифта.

Она пристально оглядела его с ног до головы, качнула головой и потрепала рукой по волосам. Песок посыпался на этот раз на пол коридора. Потом она отряхнула его плечи. Даже на странных каблуках она была маленькой, миниатюрной — ей приходилось тянуться к нему.

Но несмотря на это, показалась Заку очень сильной — от нее так и веяло уверенным спокойствием. От нее веяло мамой.

— Иди, — сказала она, отряхнув еще и спину. Кивнула в сторону большой двери. — Мист ждет.

— Он один? — тихо спросил Зак, голос дрогнул. — Рэя не вызывал?

— Он один, — сказала женщина.

Это было плохо. Зак думал, что готов к беседе один на один, а сейчас, в этой полной убийственного света приемной, испугался.

— Позвони Рэю, — попросил он. — Пусть придет.

— Будешь мне указывать? — хмыкнула она, заглянув ему в лицо. — Еще один.

— Пожалуйста? — полувопросительно добавил Зак.

— Иди, — со вздохом сказала она.

И легонько подтолкнула к дверям.

Заку хотелось бы, чтоб она пошла следом. И вообще перехотелось идти. Сесть бы с ней рядом за стол. Отдохнуть немного. Рэя подождать.

— Иди, Зак, — сказала она и легонько хлопнула его по плечу маленькой ладошкой. — Я позвоню Рэю. Но это, — предупреждая подняла тонкий пальчик, — первый и последний раз, когда я выполняю твое указание. И то — потому что ты явно очень испуган.

— Ничего я не испуган, — обиженно пробормотал он и двинулся к двери. Успел заметить, что на двери — ни ручки, ни щели. И подумал, что если продолжит так решительно шагать, и дверь не поедет в сторону, то он в нее врежется. Но дверь поехала — и Зак вошел.

— Да? — напряженно спросил Рэй, когда Кейра бросила вызов ему на ком.

— Не знаю, что ты затеял, — сказала она, — но здесь Зак. И Мист не в себе. И пришло странное сообщение из Центра, адресовано лично Мисту.

— Ты же не показывала его? — спросил Рэй.

— Мист и так не в себе. Разберитесь сначала с Заком.

— Умница, — похвалил Рэй, и дверь лифта двинулась в сторону. Рэй шагнул в приемную, но продолжал говорить в ком. — Я должен тебе уже много, Кейра. Как я с тобой рассчитаюсь?

Она растерянно глянула на него, потом — на ком. А он наконец отключился и сел на стул рядом. Стул был на колесиках, и Рэй, толкнувшись ногами, заехал к ней за стол, глянул через плечо в монитор.

Рэй всегда так делал — вел себя очень по-свойски, очень нагло, как будто они были близки. Как будто все ему были близки. Будто все были ему друзьями, семьей, будто все так и мечтали видеть его рядом с собой. И он совершенно никому не мешает, не нарушает ничьего личного пространства своими огромными плечами.

И глаза у него зеленые. Нежные.

— Там тебя ребенок ждет, — напомнила ему Кейра и кивнула на дверь в кабинет.

— Дам ему время для соло, — пожал плечами Рэй. — Открывай.

— Что открывать? — спросила она.

— Секретный документ от навареха, — ответил Рэй.

— От наварха? — переспросила она, но в почту вошла.

— То, что пришло из Центра, — пояснил Рэй. — Это не Мисту, это мне. Я вчера целый день провел, пялясь в монитор, искал один их проект, пробивал по датам. Мне потом сам папа Джонс звонил, возмущался, — и передразнил, копируя чеканный голос наварха. — «Делать вам что ли там нечего, МакКейн! Кораблями занимайтесь своими, что за дурацкие запросы по закрытым проектам!». Так красиво ругался, я даже записал, хочешь послушать?

— Наварх ругал тебя по телефону? — уточнила Кейра. — Тогда конечно, Рэй, читай личное письмо от него, адресованное его сыну!

— Но в итоге он согласился дать информацию, — пожал плечами Рэй и снова передразнил. — «Прекрати копаться в системе, МакКейн, и дай внятный запрос». И кому они отправили ответ на него? Естественно, Мисту! А Мисту оно сейчас не надо...

— Ага, — кивнула Кейра и вторила наварху. — Так а что за дурацкие запросы по закрытым проектам?

— Искал одного человека, который пропал, — доверительно сообщил Рэй. — Пропал, а его никто не ищет. Его вообще как будто не было. Он ни живым, ни мертвым не числится, нигде. Но в Гряде так не бывает — чтобы человека будто не было. Зато я знаю, у кого так бывает. У тех, у кого все секретное.

— Мы сейчас о каком человеке? — уточнила Кейра.

— О гипотетическом, — ответил Рэй.

— Так наварху и сказал? Что у тебя гипотетический человек пропал?

— Не, — качнул головой Рэй, — наварху вообще о человеке говорить не стоит. Ни наварху, ни Мисту. С ними проще датами и данными изъясняться. Я ему вообще сказал, что ради интереса изучаю проекты. Вдруг и мы себе такой захотим.

— Совсем ты изоврался, МакКейн, — покачала головой Кейра. — Влез в какие-то дебри и меня с собой пытаешься утащить.

— Древний инстинкт, — улыбнулся он и подмигнул, — тащить прекрасных женщин к себе в пещеру.

Кейра с неодобрительным вздохом покачала головой и потянулась к монитору, но Рэй,

мягко перехватил ее запястье, доверительно сказал:

— Никуда я тебя не утащу. Без спросу так точно. Ты ничего плохого не делаешь.

Сам провел пальцем по монитору, бросил письмо на печать, а потом удалил. Трижды, отовсюду.

— А ты что делаешь? — сердито спросила Кейра и вырвала руку. — Ты сейчас хочешь, чтоб я его, — кивнула на дверь, — обманула?

— В каком смысле обманула? — удивился Рэй. — Ты о чем?

— О документе!

— О каком документе? — еще больше удивился Рэй, поднялся, оставив за спиной крутящийся стул, и подхватил распечатанный лист.

Кейра успела заметить только название проекта: «Майские бабочки». И земной год — позапрошлый. И место — Орха. И грифы «секретно» и «лично в руки».

А Рэй стал у стены, пробежал документ глазами, хмыкнул, старательно порвал его на куски, скатал из них шарик и точным броском зашвырнул в утилизатор. Тот довольно заурчал в ответ, переваривая секретный документ.

— Ты совсем рехнулся? — отчаянно прошептала Кейра.

— Очень может быть, — согласился Рэй, задумчиво слушая урчание. — Очень может быть...

* * *

Когда Зак вошел, Мист некоторое время вообще никак не реагировал на его появление. Сидел за огромным столом, в тишине, пустоте и мертвом желтом свете, который даже песок убивает. По стенам и даже под потолком висели экраны, но все были черными. Тоже мертвыми.

Руки держал перед собой, сплел пальцы и внимательно на них смотрел, будто ждал от них какого-то своевольного действия. Но пальцы ничего не делали, да и Зак тоже не шевелился. Только пальцами уже тоже заинтересовался. И тоже принялся чего-то ждать. Ну, что может, он сейчас ладонью по столу ка-ак стукнет!

Но он не стукнул. Помолчал еще, тяжело вздохнул, откинулся в кресле, потер переносицу. И наконец поднял на Зака пристальный взгляд. Зак судорожно сглотнул — и горло снова обожгла боль.

Ему стало страшно.

То ли дело было в свете, то ли сегодня Мист был другим. И этот Мист был ничуть не лучше собственного имиджа. И мог уничтожить одним взглядом.

«Зачем он на кэриэре в Чужих врезался? — растерянно подумал Зак. — Он мог просто на них посмотреть — улетели бы сразу. Хотя... Это в глаза смотреть надо. А откуда ему знать, где у Чужих глаза?».

— Я так понимаю, — заговорил Мист подозрительно спокойно, — МакКейну вы каким-то образом объяснили логику своих действий. И теперь пришли объяснить ее мне?

— Я думаю... — хрипло начал Зак, собрался и прокашлялся. — Думаю, вы и без меня все понимаете, мистер Джонс.

— А вы все равно попробуйте, — предложил Мист.

— Ну, смотрите, мистер Джонс, — Зак все-таки двинулся вперед, потому что стоять

долго не мог. Только поэтому. Иначе не шевельнулся бы. Хотелось не к Мисту двигаться — от него. И подальше. — У меня есть копия видеозаписи с дрона. Той видеозаписи, которую вы, как мне кажется, уже видели...

Он дошел до стула и медленно, осторожно, будто Мист там ножку подпилит, и стул вот-вот развалится, опустился на него. Выдохнул, позволяя себе немного расслабиться. Тело уже не держало. Падать так падать, если что.

Мист молчал, терпеливо ждал продолжения. И глаза у него были холодными. Мертвыми.

«Где Рэй? — панически думал Зак. — Он же меня сожрет тут без Рэя!». И даже чуть было не решил тянуть время. Начать монолог и не завершать, пока кто-нибудь не заглянет сюда и не спасет его.

Но потом вспомнил, что кашу-то эту заварил он сам. И с Рэем поспорил. И спор надо бы выиграть.

С огромным трудом закинул ногу на ногу и продолжил:

— Вы же помните запись, да? Я на ней проникаю на Свалку. Отправьте меня на Рейну — копия окажется у тамошнего руководства. И естественно — у наварха. Я не буду учиться в Академии — мне не разрешат. К тому же пострадает ваш имидж — вы ведь меня им подсунули.

— Худший ультиматум из всех, что я слышал, — отметил Мист. — А слышал я их много, поверьте. Мой имидж меня не интересует. А вас как нарушителя отправят куда-нибудь, где условия содержания будут гораздо хуже, чем на Рейне. Вы сами решаете сейчас Зак, рыть себе могилу, или нет.

— Вы этого не допустите. Чтоб меня отправили куда-нибудь.

— Почему? — холодно удивился Мист.

— Я вам нужен, — пожал плечами Зак. — А еще — вы хороший человек.

— Ваши умозаключения поражают, — хмыкнул Мист. — Определенно, я был более высокого мнения о ваших умственных способностях. Вероятно, к лучшему, что всё прояснилось сейчас. Вы закончили вторжение в мой кабинет?

— Мистер Джонс, — Зак поставил ногу на пол, подался вперед и уперся ладонями в стол, — не совершайте ошибку. Я не блефую, я покажу запись. И тогда, когда я понадобится вам здесь, я буду очень далеко. Вы меня просто не достанете! Из карцера вытащить — это не с Рейны вызвать!

— Я совершил достаточно ошибок, Зак, чтобы научиться их распознавать, и не нуждаюсь в ваших подсказках, — холодно отчеканил Мист, и взгляд у него поменялся, ожил, но от этого легче не стало, стало страшнее. — Я не планирую их больше совершать, а вам не место на Цитрусе. Я сказал это вчера, я повторю это сегодня. Каким образом вы хотите уйти — решайте. И несите ответственность за свои решения. Но сюда вы не вернетесь.

— Да какого черта?! — Зак вскочил и ударил ладонями по столу. Мист не шелохнулся. Даже бровью не повел. Все так же пристально смотрел в глаза. — Что вы делаете, Джонс?! Зачем?! Вы думаете, я мечтаю сидеть в этих песках?! Да глаза б мои их не видели! Но я здесь нужен! Я вам нужен! Чем я вам не угодил?! Что я вам сделал?!

Мист молчал.

И когда Зак выдохнул, уточнил со все тем же ледяным безразличием:

— Закончил истерику? В коридоре тебя ждет Кейра. У нее успокоительное в тумбочке. И всякие чаи на травах. Посиди, отдышись, попей. Мы не спешим. Один из кораблей

Черноффа барахлит, так что у тебя еще есть время на чай. Но больше времени нет. Не вздумай уходить никуда, Зак. Дернешься — мои люди тебя остановят. Посиди. Выпей чаю. Отдышись. Потом тебя заберет МакКейн.

— Пош-шел ты, — выдохнул Зак и развернулся.

Створка двери открылась, в кабинет шагнул Рэй.

— А, — кивнул ему Мист и сделал приглашающий жест, — входите, мистер МакКейн. Зак попьет чай с Кейрой, а мы с вами обсудим вопрос недостающей гайки на корабле, который вы вчера так внезапно инспектировали. И термины «предательство» и «саботаж». Вам знакомы эти термины?

Рэй насмешливо вздернул брови, перевел взгляд на Зака. И Заку захотелось разрыдаться прямо у него на груди. Прямо сейчас.

Потому что Рэй был настоящим, теплым и человечным. А Мист, как оказалось абсолютно соответствовал имиджу. И все оказалось зря. И Гошу он поцеловал зря. Дважды. И отец будет ждать его напрасно. И на понт Мист не брался. Конечно, у Зака не было никакой записи. У него вообще ничего не было — только шорох песка, который теперь слышался совсем иначе, и желание остаться. Не желание даже — необходимость.

Но Мист был против.

Зак шагнул навстречу Рэю и сунул руку в карман. Протянул ему кулак, Рэй машинально, глядя все с тем же насмешливым удивлением, подставил под кулак широкую ладонь, и Зак ссыпал в нее горсть монет.

Ладонь была теплой. И взгляд у Рэя был теплым. Сочувствующим.

Отцовским.

Зак вышел.

— Иди сюда, милый, — сказала Кейра, поднимаясь из-за стола.

Зак понял, что он все-таки разрыдается.

* * *

— Хорош драматизировать, — посоветовал Рэй, как только дверь за Заком закрылась.

— Это что? — спросил Мист, кивнув на все еще зажатые в кулаке монеты.

— Взятка, — ответил Рэй, прошагал к столу и высыпал их перед Мистом. — Только что получил. За предательство и саботаж. И прочие термины.

— Ты... — Мист очень долго молчал, глядя на монеты. — Вы что... — потом откинулся в кресле и принялся тереть переносицу. Пробормотал. — Естественно. Вы поспорили... Вся эта глобальная глупость была еще и на спор.

Поднял на Рэя усталый взгляд и спросил:

— Дорогой, ты все основополагающие решения в своей жизни принимаешь на спор?

- «Дорогой»? — переспросил Рэй. — А что случилось с «мистером МакКейном»?

— Знаешь, в чем проблема? — спросил Мист.

— Ты не мог бы конкретизи...

— Я на тебя даже не злюсь, — говорил дальше Мист, не слушая. — Я на себя злюсь. Что оставил тебя его охранять. Ты всегда очень легко поддавался на провокации. Ты отлично работаешь, когда тебе никто не мешает. Но с завидным постоянством связываешься с ненадежными людьми. А этого, — он кивнул на дверь, — доставь, пожалуйста, лично к

Черноффу. И отдай ему гайку или что ты там открутил. Мне не нужны с ним проблемы.

— Я не понимаю, — честно признался Рэй. — Дело в Черноффе? Ты боишься его? Когда тебе были не нужны проблемы с кем-нибудь, Ким? Что происходит?

— А тебе не надо понимать...

— Надо, — перебил Рэй. — А то еще что-нибудь где-нибудь откручу — и все здесь развалится к чертовой матери. Пацан от тебя полумертвый вышел. У него такое лицо, будто он завтра на своей Рейне повесится...

— Хорош драматизировать, — напомнил Мист. Передразнил, но получилось, будто просто напомнил. Мист был не силен в передразнивании. — И прекратите ставить мне идиотские ультиматумы. Один угрожает в карцер сесть, второй планету развалить...

— С Цитрусом делай что хочешь, — твердо сказал Рэй. — Детей не трогай.

— Не трогать щенков, естественно, — кивнул сам себе Мист, надолго уставился на ногти, а потом со странной, совершенно незнакомой интонацией спросил. — Даже если я пытаюсь их спасти? Щенков? Оставить в покое? Пусть тонут?

— Да от чего ты их пытаешься спасти-то? — слабо возмутился Рэй, потому что громко возмущаться он очень устал. — Ты свою зону комфорта пытаешься спасти! Убрать из нее раздражающие объекты! Ты необъективен! Понимаешь, Ким? Ты всегда объективен, а сейчас — нет! Поэтому я тебя не слу...

— С чего ты взял? — перебил Мист.

— Что? — растерялся Рэй.

— С чего ты взял, что я необъективен? Допускаешь ли ты вариант, что у тебя просто нет всех вводных данных, и твои выводы могут быть ошибочными?

— Так почему у меня их нет, гребаный ты параноик?! — рявкнул Рэй и ударил кулаком по столу.

— Хватит ломать мой стол, — холодно попросил Мист, чрезмерно внимательно уставившись на поверхность стола. И даже пальцем поковырял. — Сначала твой щенок по нему бьет, потом ты. Щенок, допустим, не понимает, какая это тонкая система, но ты...

Он снова поднял на Рэя ледяной взгляд. Рэй взгляд выдержал, и Мист припечатал после паузы:

— Все бы тебе микроскопом гвозди забивать, дорогой...

И приложил ладонь к столешнице — идентифицировать. Провел рукой по ней, как только включилась подсветка — вызвал меню, пробежал пальцами по кнопкам.

Вокруг вспыхнуло. По комнате разлился яркий свет, полоснул по глазам. Разбился на кусочки, перестроился, превратился в трехмерную картинку — голограмму помещения в натуральную величину. Они были в самом ее центре, и вертящийся стул пришелся как нельзя кстати — очень удобно осматриваться. В шаге находилась огромная труба в несколько обхватов, труба уходила ввысь и растворялась у потолка Мистового кабинета. Стены помещения стояли близко — оно было небольшим. Под одной из стен лежал подозрительного вида черный контейнер.

— Так, — пробормотал Рэй, продолжая крутиться на стуле. — Теперь у нас — секретный подземный бункер?

— Ты до сих пор не осмотрелся, или в детстве не накатался на карусели? — спросил Мист. — Тяжелое детство, дорогой? Мало каруселей и щенков?

Когда Мист начинал о щенках и переходил на личное, дело было плохо.

Рэй схватился рукой за стол, останавливая вращение. Стол по инерции проехал за ним

пару сантиметров.

— Я только что попросил про стол, — напомнил Мист.

— Что в ящике? — спросил Рэй и кивнул на контейнер.

— Условие существования Цитруса, — ответил Мист, — в том виде, в котором он существует. Так мне казалось. Вероятно, я ошибался. Я слишком часто ошибаюсь в последнее время.

А вот это было что-то новенькое. Мист не признавал своих ошибок. И права на ошибку — тоже не признавал. Ни за собой, ни за кем-либо еще.

Глава 20. Условие существования

Куски корабля все еще валялись на Цитрус, а Рэй уже пошел кругами от точки отсчета.

«Должен был успеть, — лихорадочно просчитывал Рэй. — Секунда после пуска ракеты — чтоб нажать на кнопку выброса. Полсекунды — чтоб загерметизировать и отстрелить. Ты не мог оставить меня за главного, Ким. Куда ты упал?»

Рэй уворачивался от обломков, а они все падали на землю, бесконечно падали, рушили все под собой, догорали, взрывались. Чужие уничтожали планету, даже будучи уничтоженными.

Оранжевый свет резал глаза, пробиваясь через смотровой монитор. И Рэй часто моргал. Старался делать это быстро — чтоб ничего не упустить. И все равно чуть не упустил.

Увидел капсулу в последний момент — открыл глаза, а та уже почти исчезла с монитора. Угол черного ящика, торчащий из песка — все, что он увидел.

Но этого хватило: Рэй круто затормозил, разворачивая машину. Выпрыгнул из нее еще до полной остановки — та, завершая тормозной путь, вздымала за спиной тучи оранжевого песка. Рэй прищурился — оранжевый свет выжигал глаза, а песчинки будто пытались засыпать их, застрять в глотке и заставить рыдать — и бросился к капсуле. Ударил кулаком. Ударил еще раз. И еще раз. Вскочил и ударил ногой.

И Ким будто услышал — крышка тихо зашипела и медленно поехала в сторону.

Рэй схватился за ее край, будто мог ускорить движение. Заглянул внутрь.

Крови было мало, совсем немного под носом и чуть заметная струйка — из угла губ. Но лицо Кима уже приобретало синюшный оттенок, а широко распахнутые глаза подернула незнакомая ранее пелена. Он не шевелился. Не мог пошевелиться.

Вполне возможно, его держал исключительно коктейль, и если не оказать необходимой помощи до окончания его действия, Кима уже ничто не удержит здесь. Ничто и никто. Да он и не хочет. Рэй уже знал это — чуял спинным мозгом. Ким совершенно не хочет жить. Обязан — да. Но не хочет.

Он с видимым усилием сосредоточил взгляд на Рэе.

— Говорил же, — произнес одними губами, с трудом разлепив их, — слишком... высоко.

— Заткнись, — поднял указательный палец Рэй и угрожающе ткнул им под нос Киму. — Я сейчас тебя буду вытаскивать.

— Угрожаешь... — прошептал Ким, и Рэю показалось, что он даже попытался улыбнуться. — Я оч... очевидно не могу встать. А ты... не знаешь... как меня поднять... чтоб не убить. Вернись в маш... шину. Девятый.

— Ким...

— Слушай. Меня.

— Хватит! — сказал Рэй. — Наслушался.

Наклонился над ним, осторожно просунул руку под его плечи и, задержав дыхание, медленно начал поднимать.

И во второй раз за сегодня их накрыла тень: подошел комплекс Омега.

Им повезло, что тяжелая артиллерия шла медленнее. Пока по участку работали простыми ракетами. Дальше должны были полететь атомные заряды. Сравнить тут все с землей.

Загрохотало со всех сторон. И взметнулся песок. Не только в местах попаданий, успел заметить Рэй — взметнулся весь песок, поднялся вверх, будто Цитрус пытался защититься, отогнать от себя угрозу бурей.

Рэй рывком вытащил Кима и поставил его на ноги. Уже не было времени думать о том, выдержат ли ноги. Ким безжизненно повис на нем. На ноги не встал.

Взорвалось еще что-то неподалеку, и Рэй уже не видел, что, — перед глазами оранжевой стеной стоял песок. И ничего не слышал в грохоте. Просто тащил за собой Кима и шел в ту сторону, откуда вроде как пришел. Помнил, что там немного, несколько шагов, и даже как будто видел очертания машины перед собой, но никак не мог пройти. Как бывает в кошмарах, когда тебе очень нужно поскорее прийти на место, а воздух вокруг вдруг становится тягучим и зыбким, и как ты ни старайся, все равно не доберешься. Не пробьешься через него. Не продохнешь.

Невыносимо захотелось проснуться, и если бы не Ким, будь Рэй здесь сейчас один, он был наверняка сел бы на песок, обхватил бы голову руками и убеждал бы себя, что скоро проснется. А если нет — тоже не страшно. Потому что — смысл возвращаться с войны, если возвращаться некуда?

А потом он наконец дошел. Выдохнул, когда уперся в гладкую стену. Ким висел на нем, не подавая никаких признаков жизни, и Рэй подумал, что может, и нет уже Кима. Что тащит за собой труп.

«Ну, нет, — подумал он, — ты не умрешь, Джонс. Ты живучий, как мы все здесь уже догадались».

Открыл люк, вытащил его внутрь, уложил его на пол и понял, что был прав. Что Ким живучий и даже в сознании. Что просто берег силы, как мог. И теперь вполне внятно прошептал:

— Нет, — как только Рэй, метнувшись к своей капсуле, рванул оттуда шприц с коктейлем. — Надо быть. В сознании. Без Гайда. Не выйдет.

Рэй замер над ним, а Ким умудрился посмотреть вопросительно, мол, чего ждешь? И сказал:

— За... штурвал.

Он уже не задыхался на каждом слове. Просто говорил медленно. Будто громкость кто-то убавил до минимума, а интонации — все остались.

Рэй сунул шприц за пояс, упал в кресло, сообщил:

— Видимость нулевая. Взлететь можем, но далеко не улетим. Движок поврежден. Есть прыжок. Возможно, полтора.

— На орбиту не прыгать, — тихо приказал Ким. — Рас... плющит об Омегу. Еще... полезные советы будут? Тогда слушай. Иди вперед. Из исходного. Полпрыжка — на выход из зоны... поражения. Потом... прыгай на полной... тяге. Подашь SOS с ор... биты.

— Чужим? — фыркнул Рэй.

— Полпрыжка... не спасет... от Чужих. Делай. Выберемся.

И в очередной раз Рэй поверил даже не Киму — его голосу. Твердому. Очень уверенному. Рэй понимал, что Ким говорит так, потому что умеет. И считает сейчас необходимым использовать этот навык. Но поверить очень захотелось. И по-настоящему захотелось выбраться.

Он выжал максимум для старта и мягко толкнул вперед рычаг. Птичка пошла, и теперь от Рэя больше ничего не зависело. Они мчались над самой землей между летящими с неба

ракетами. А Рэй даже не видел, куда и как они летят. Дергаться из стороны в сторону, вилять наугад было бы глупо, потому оставалось только сидеть и ждать — сшибут их или нет. Ким наверняка уже подсчитал шансы успешного прохода. Но ничего об этом не сказал. Значит, с шансами дело было плохо.

А может, Ким не считал. Просто пытался удержаться в сознании, потому что — куда Рэю без Гайда? Цэшку по прямой пустить над песками — это ведь так трудно!

А может, теперь он умер. Накомандовался напоследок — и умер.

Рука дернулась, чтоб отстегнуть ремень. Развернуться, проверить, как он. Но в этот момент Ким снова заговорил:

— Набок, — тихо сказал он. — Ложись.

Рэй вывернул штурвал, и машина пошла боком. Кима швырнуло на стену, Рэй удержался в кресле исключительно на ремне. Обернулся. Ким приподнялся на локте, и Рэй подумал, не пошутить ли, что это такая терапия, ударная. Будь дела у Кима получше — он бы пошутил. А Ким поднял расфокусированный взгляд, с трудом нашел им Рэя и прошептал:

— Напомни мне... не садиться больше... с тобой в машину.

— Ты силы береги, а не шулки шути! — процедил Рэй, и Ким, возможно, ответил, но Рэй уже не услышал — они вошли в новую стену грохота и песка. Точнее — новая стена упала им на головы.

«Как много песка, — подумал Рэй, глядя в мониторы, — тут задохнуться недолго. Как тут жили люди? Зачем тут жили люди?».

Несколько раз их потрянуло. И даже накренило, почти уложив плашмя, и пока Рэй выравнивал, мотнуло из стороны в сторону пару раз — поврежденные системы с трудом тянули машину. Несмотря на плотный корпус, было слышно, как глухим эхом катятся гулкие взрывы. И Рэй старался не думать о том, что раз слышит их, вполне вероятно, где-то полетела герметичность. И стоит им выскочить на орбиту — помрут прямо здесь. На мониторах все еще был сплошной песок. А запасы энергии стремительно падали.

— Ким, — сказал Рэй после нескольких минут хода, — мы уже на инерции. Нужно давать тягу. Либо горизонт, либо прыжок.

— Иди, пока есть ход, — отозвался Ким. — Вышли из зоны... поражения, но... погрешность.

— Вышли? — недоверчиво хмыкнул Рэй.

Ким не просто тут лежал и помирал. Он что-то высчитывал. И теперь высчитал, что они уже не под Омегой. Но грохочет-то все равно отовсюду. Что же тут тогда грохочет, если не она?

— Омега... громкая, если ты... не в курсе, — напомнил Ким, — а песок... поднимается не только... в месте удара. Есть... бури.

Рэй снова покосился на Кима — слишком уж живо прозвучал его голос. Но вынужден был признать: голос все еще живет отдельно от Кима. Ким лежит на спине, бледный до синюшности. Глаза закрыты, а губами едва шевелит, так, что даже странно, что вот этот голос идет оттуда, из него.

— Нужно прыгать, — сказал Рэй после паузы.

— Так прыгай, дорогой! — проникновенно и с совершенно нескрываемой на этот раз издевкой посоветовал Ким.

И Рэй прыгнул. Рванул рычаг на себя, поставив машину на дыбы, дал полную тягу. Его снова швырнуло, Кима — тоже. Рэй даже почувствовал неуместную мстительную радость,

что приложил Кима — тот даже при смерти умудрялся выводить из себя одной интонацией. Которая у него, такого из себя умирающего и шепчущего из последних сил, даже появилась, чтоб Рэя задеть.

И что он не переживет еще одной встряски, Рэй больше не боялся. И в очередной раз думал, что его еще Омегой не добьешь.

Атмосферу прошли успешно. Вышли на орбиту, и там замерли. Больше лететь они не могли. Да и некуда было.

— Дай связь, — прошептал Ким.

— Не хватает энергии, — пробормотал Рэй. — Все ушло на прыжок.

— Энергии полно, — даже шепотом Ким умел быть раздраженным. — Свет... тепло, кислород, грав... витация. Системы работают. Перебрось... со света. А... да. Ты не знаешь, как.

— Помрешь ведь, пока трепаться будешь, — процедил Рэй. Ким и впрямь прервал поток сознания и переключился на команды. И почти не запинаясь.

— Тумблеры один, два, восемь... На положение пять. Пятый и шестой — положение три. Замкни провода. Под приборной... панелью...

Рэй старательно выполнил все указания. Провода треснули, и свет погас.

— Ну? — с нетерпеливым раздражением спросил Ким. — Связь, Рэй.

Рэй врубил связь, и динамик отозвался тихим треском. И больше ничего не было.

Ким помолчал. А потом раздраженно спросил:

— Каналы... переключил... гений?

Рэй выругался сквозь зубы. Он уже совершенно ничего не соображал. Он был вымотан. Истощен. Ему уже было не больно, не страшно, ему было все равно. Он очень устал.

— Рэй! — настойчиво повторил Ким.

Ну, да. Надо переключить канал. Нет смысла вещать на канале группы, от которой ничего не осталось. Рэй просто пока не смог осознать этого — от их группы ничего не осталось. А Ким осознавал. Ким всегда и все осознавал. Не чувствовал нихренашеньки, но прекрасно осознавал.

— Рэй! — в третий раз потребовал он. И Рэй щелкнул тумблером.

— Ким Джонс — Флоту, — сказал Ким в эфир, и голос прозвучал совсем, как обычно. Тихо — да, но без запинок. — Крейсер класса «цэ» группы «Арго», первая орбита. Кто-нибудь нас слышит?

А потом динамик щелкнул и им очень спокойно, уверенно, буднично ответили:

— Оставайтесь на месте, вас подберут.

— Мы при всем желании не сдвинемся, — пробормотал Рэй.

Панель искрила. Динамик тихо хрипел. И что-то подозрительно свистело в прошивке.

Потом динамик захрипел еще громче, потом затрещал, а потом там неожиданно заговорил наварх.

И голос у него был странным, растерянным. Он-то видел всё. Должен был видеть в свои радары и мониторы.

Или его так искажил эфир.

— Ким, — сказал наварх. — Ты...

— Мистер Джонс, — перебил Ким, и только позже Рэй понял — это он не к наварху обратился, это он исправил. — Они не приземлились.

Он смотрел на динамик даже не со злостью — с отвращением. И добавил:

— Приказ выполнен.
— Они ушли, Ким. Ты справился. Они ушли.
— Повторите, — сказал Ким. Рэю тоже показалось, что он ослышался.
— Кэриэр Флота идет по вашей орбите, мы подбираем капсулы.
— Омега? — спросил Ким.
— Точечная работа по участку. До других Чужие не дошли. Омеге дали отбой.
— Не понимаю, — прошептал Ким.
— Ким, — мягко заговорил наварх, но Ким перебил.
— Не Ким, — твердо сказал он. — Мистер Джонс, наварх. Мист...

И все-таки отключился.

Рэй шепотом выругался, прыжком оказался рядом, на ощупь ввел коктейль, проверил пульс.

— Ким! — выдохнул наварх.

— Он на коктейле, — ответил за него Рэй. — И если я правильно понимаю, он попросил не называть его по имени.

— А вы кто? — удивился наварх.

— Рэй МакКейн, номер девять, группа Арго.

— Отлично, — ровно произнес наварх, — в таком случае, Рэй МакКейн, вы мне сейчас разъясните, что там у вас произошло, и...

Рэй решительно шагнул к передатчику и вывернул ручку до упора. Динамик захрипел и заглох.

— Связь полетела, — сказал Рэй Киму, вернулся к нему, сел рядом.

Было темно. Становилось холоднее.

Цэшка умирала. И здесь же, на холодном полу, умирал Ким Джонс.

И все чаще Рэй думал, что Ким и правда умер там. Осталось в живых нечто другое. Кусок слова, который подхватили — на общем канале ведь прозвучал — и понесли в массы. Остался Мист.

* * *

— Они вернутся, — сказал Мист.

— О-о... — протянул Рэй. Пластинка «они вернутся» была у Миста любимой. А ведь это Рэй подал ему идею.

Идея пустила корни.

— Нет, — поднял Мист руку, призывая помолчать. Сейчас разговор был серьезным. Только что мы про щенков шутили, а теперь, значит, стали серьезными. — Вспомни, Рэй, как все было. Подбери сопли, чтоб не мешали, и хорошенько вспомни. Вспомнил? Мы не нанесли им существенного ущерба, правда? Они побеждали. Несмотря на все наши старания. Но стоило сломать один большой корабль — и они отступили. Почему?

— Испугались тебя? Увидели, что ты неадекватен, предположили, что у нас все такие...

— Потому что нечто важное было в больших кораблях. Нечто такое, чем они не могли пожертвовать. Нечто, ради чего стоило отступить. А им очень хотелось опустить это нечто на планету.

— И что там было?

— Да хрен его знает, дорогой. Мы с тобой так постарались уничтожить ту дрянь, что теперь ее никак не определишь. Да и не важно, что именно там было. Что-то, что они хотели бы видеть на планете. Системы для терраформирования, предположим. Может, они пытались начать тут жить. Вот представь, дорогой, понравился тебе дом. Там никого, только мелкие шавки во дворе гавкают. И ты заходишь. Но одна такая шавка вдруг берет — и кусает тебя за ногу. Что ты сделаешь?

— Обращусь к врачу, — пожал плечами Рэй. — Вдруг бешеная?

— Глупая идея спрашивать у тебя про собак, — вздохнул Мист. — Ты их обнимешь и пожалеешь, даже если они хотят тебя сожрать. Другой подход: если нор-маль-ный человек попадет в такую ситуацию, что он сделает? Он вернется домой, Рэй, и возьмет ружье, придет к собакам и перестреляет их к чертовой матери. Понимаешь? Чужие пошли за ружьем. И вернутся. И гиганты у них будут теперь не стратегические объекты перевозить, а оружие. Знаешь, сколько оружия можно затолкать в такого гиганта? Им на эту планету хотелось — не сразу ушли, как собак слышали. Нет, пытались войти. Они вернутся, а у нас даже подобия ружья нет. Выводы, Рэй?

— Надо уходить, — тихо ответил Рэй.

— Да, — кивнул Мист, — надо уходить, — и повторил, глядя в стену. — Надо уходить...

Перевел взгляд на Рэя и чуть заметно улыбнулся.

— Это я сказал наварху, дорогой. Написал, если быть точнее. Но наварх ответил: нельзя. Ты подготовил план работ по Цитрусу, Мист? Вот и работай. И тогда я поставил условие. Там, — он кивнул на контейнер, — возможность закрыть чревоотчину. Когда они вернутся, ее нужно будет закрыть. Отрезать нас с ними от Гряды. Так в выигрыше все. Наварх получает результаты исследований, а Гряда в относительной безопасности.

— Но это же... Тебе не кажется, что об этом стоит знать остальным?

— Нет, — уверенно сказал Мист. — Это ведь не самая мотивирующая информация, не так ли?

— Ким, черт возьми!

— Отбрось этику, Рэй. Речь сейчас о выживании человечества, если ты не понимаешь. И о потенциальной возможности дать отпор Чужим. Ориентируясь на кнопку в этом ящике, я собирал здесь людей. Строил Базу.

— Он строил! — тихо возмутился Рэй.

— Я выбирал, кого пускать сюда, — продолжал Мист. — Знаешь, почему Чернофф? У него пушки на кораблях — самые мощные. И флот немаленький. И маневренный. Плюс здешние цэшки. Плюс полная база ребят с Рейны. Плюс поселок — там нет ни одного человека, который ни разу не летал. Они все у меня полетят в случае чего, дорогой. И все научены слушать команды. Мы закроемся тут с Чужими и попытаемся укусить еще раз. Вот и весь план. Был.

— И Зак тебе его нарушил? — удивился Рэй.

— Нет, Зак был последней каплей. Вы все его нарушили. Вы расслабились. Вы принялись шутить шутки, таскать у Черноффа бутылки и пить его бадягу, откуда-то тут появились бабы, семьи и контрольный — дети. Что дальше, Рэй? Свадьбы, пляски у костра и барбекю по выходным? Кружки танцев и пения? — Мист перевел на него сверлящий взгляд. — Дети играют с бомбой, которая вот-вот взорвется. Не будем трогать их, как ты предлагал? Пусть играют? Или мы хорошенько подумаем и отправим Зака на Рейну? И

найдем семью мальчика Мэя?

— Да не надо искать его семью, — раздраженно ответил Рэй. — Здесь его семья, как ты не понимаешь... А что насчет Гоши? Ей теперь тоже будем семью искать?

— Я бы поискал, — качнул головой Мист, — но она от Черноффа ни на шаг. А он мне нужен. Ему нельзя перебазироваться. У нас половина огневой мощи — черноффская. К тому же Гоша не опасна. Пока она не сдружилась с Заком, проблем не было. Она почти взрослая. И вполне боеспособная единица.

— Ты странно рассуждаешь, — отметил Рэй и уточнил. — Кроме того, что бесчеловечно, еще и странно. Гоша, значит, боеспособна, а Зак — нет?

— А ты не видишь разницы? — удивился Мист. — Гоша слушается. Сейчас ее расштало, потому что связалась не с той компанией, но в боевых условиях она будет работать. Чернофф ее хорошо выдрессировал.

— Это люди, не роботы, — напомнил Рэй.

— А мне нужны роботы! — неожиданно разозлился Мист. — Я собираю тут роботов! Потому что с твоими людьми — много мы навоюем?! Мне необходимо, чтобы меня слушали! — резко поднялся на ноги и ударил ладонью по столешнице.

— Стол... — неуверенно напомнил Рэй.

— Чтобы если я скажу «огонь», открывали огонь! — продолжал кричать Мист. — Чтоб если я скажу: «нахрен мудака с этой планеты» — его молча вышвыривали нахрен! Чтоб если я скажу «импульс» — уходили от удара! А не шли в его эпицентр с Чужими на хвосте! Он же услышал, Рэй! Он услышал, но — нет! Решил сделать по-своему! Потому что! Сильно! Дохрена! Самостоятельный!

Он выдохнул, ошарашено уставился на Рэя, будто это Рэй только что впервые в жизни сорвался на самый настоящий крик.

А Рэй растерянно открыл и закрыл рот несколько раз подряд, пытаясь найти слова, чтоб ответить. Хоть какие-нибудь слова. Но в голове крутилось лишь одно: «Конечно!».

Конечно, Мист видел в Заке не себя. Себя бы он не спасал. Себя бы он максимально эффективно использовал.

Он все еще пытался спасти Ивора.

— Я просто... — Ким устало вздохнул, рухнул обратно в кресло и принялся в очередной раз тереть переносицу. — Я просто устал терять непослушных детей, дорогой.

Рэй молчал. Заговорить было трудно.

«Соберись, землянин», - сказал бы Ивор.

И Рэй собрался.

— Он не был ребенком, Ким, — сказал Рэй, проглотив ком в горле. — И я не был. И Зак — уже тоже не ребенок. Ты не должен отвечать ни за кого из нас. Не должен был тогда, не должен и сейчас. Вот не надо сверкать на меня глазами! Ты не виноват в тех смертях. Ты ни в чьих не виноват!

— Да? — очень тихо спросил Ким, и взгляд его стал совсем недобрый.

— Люди погибают, — сказал Рэй. — И всё. Просто. Так. Произошло. Всегда что-то происходит. Это не повод трястись над кнопкой и запрещать детям быть собой.

— И если Чужие вернуться, и дети погибнут тут, с нами, — в этом, следуя твоей логике, тоже никто не будет виноват?

— А если твои Чужие возьмут ружье и пойдут к соседнему дому, Ким? — спросил Рэй. — Это мы, мелкие шавки, сидим в своем дворе и не знаем, что есть путь к соседнему

дому не через дыру в заборе. А они — знают. Они идут по улице, и им видны двери. Что тогда? Кто тогда будет нажимать кнопку? Или по всей Гряде военное положение объявим? И детей запретим. А тех, которые уже есть, соберем и закроем в каком-нибудь супер-бункере? Погрузим в криосон? До какого года? Какого века? Когда, по-твоему, станет безопасно?

Мист молча смотрел в глаза. Молча, холодно и равнодушно. У него всегда отлично получалось изображать отстраненное равнодушие.

— Везде опасно, — припечатал Рэй. — Везде и всегда. Но дети хотят играть в своей песочнице. Так дай. Им. Играть.

Мист не отводил взгляд очень долго. А потом неожиданно по-человечески заговорил.

— Это ведь не я их выгнал... Чужих... — сказал он и уставился на ногти. — Это Ивоф придумал. Придумал, что с ними делать. Куда и как бить. Чем напугать. Он мог придумать и как ружье сломать, да? — и улыбнулся.

— О, да, — с чувством согласился Рэй. — Сломать — это он всегда умел.

— Я не умею, — сообщил Мист. — Ни сломать, ни построить, ни восстановить по чертежам. И теперь, когда они вернуться с ружьем, я не буду знать, что с ними делать. Просто потому что тогда он меня не послушал...

— Придумаем что-нибудь, — сказал Рэй.

— Кто придумает? — Мист поднял на него раздраженный взгляд. — Ты, дорогой?

— А веришь ты в меня все так же, — вздохнул Рэй. Поднялся и сгрел в ладонь монеты со стола. Посмотрел Мисту в глаза и твердо сказал. — Я отдам их Заку.

— Чернофф, — медленно проговорил Мист, и Рэй хотел было возмутиться, что пусть валит отсюда, если единственный шанс с ним договориться — это убрать Зака, но Мист продолжил после паузы. — Скажи ему, что Зак переходит под мой личный контроль. И отдай, ради бога, гайку. Или что ты там открутил.

Мист вздохнул, задумчиво уставился в стол, активировал очередную программу. И когда Рэй был уже у двери, бросил ему в спину:

— Нужен другой стол.

— Большой? — спросил Рэй.

— Крепкий, — отозвался Мист. И задумчиво поковырял пальцем небольшую трещинку на нем. И выдвинул ящик — это Рэй услышал, когда дверь поехала закрываться за ним.

Кейра вскинулась и уставилась на Рэя неодобрительно, будто это он заставил ребенка на Свалку летать. И продолжила успокаивающе поглаживать ребенка по плечу.

Тот сидел, уронив голову на сложенные на столе руки. И поднял взгляд только, когда Рэй остановился напротив и высыпал на стол рядом с ним монеты.

Глаза у Зака покраснели от слез и вкупе с натуральным оранжевым цветом получилось пугающе. Он всхлипнул. Посмотрел на монеты, на Рэя, снова на монеты. И снова на Рэя.

— Ч-что... — начал он.

— Остаешься, — сказал Рэй, и красно-оранжевые глаза очень по-детски широко распахнулись. — Миста слушаешься. Слово Миста — закон, уяснил? Скажет прыгать со смотровой башни — пойдешь и прыгнешь. Хотя... Ты ж и так уже оттуда прыгал, да?

— Как ты это сделал? — недоверчиво спросил Зак и неуверенно протянул руку к монетам. Осторожно сгрел.

— Сам не знаю. И не сбивай меня с боевого настроения. Мне еще к Черноффу. Корабль ему чинить.

— А что ты там сломал? — всхлипнув напоследок, заинтересовался Зак, и Рэй вдруг

понял: а ведь он и правда похож, очень похож. Странно даже, что заметил только сейчас. Тяга к разбиранию вещей на части, манера ухмыляться, вечно спорить, забрасывать ногу на ногу, фыркать и никого никогда не слушаться. И крайне интересоваться тем, что и где Рэй сломал, а еще больше — что и где еще можно сломать.

«Намучается еще с тобой Мист, — подумал Рэй. — Все намучаемся. Шаман хренов».

— Темно было, — пожал он плечами. — Сейчас пойду и посмотрю.

Сделал было шаг на выход, но передумал, круто развернулся и глянул на Кейру.

— Сегодня вечером, — сказал он, — свидание. Заеду за тобой.

Зак ухмыльнулся сквозь слезы. Кейра хлопнула огромными карими глазами. Рэй подмигнул ей. Сбежал по лестнице, прошагал по коридору, вышел на порог. Прыгнул на крыло Мухи и пустил ее вперед на низких.

Поднял повыше в воздух.

Чтобы подальше от земли.

Был хороший день. Песок все еще летал в воздухе, но не тучами — легкой пеленой, и каждая песчинка была сама по себе, и каждая — отражала лучи, сверкала, сияла, купалась в свете Медузы. Оранжевые песчаные змейки струились по поверхности далеко внизу.

Рэй проплыл над поселком, всмотрелся в темную точку на горизонте — дром, где его давно ждал Чернофф. Вынул из кармана окровавленный значок, размахнулся и зашвырнул подальше в песчаные дюны.

— Группа два, — сказал Мист, — минута хода до точки.

— Зна-аем, — отмахнулась от динамика Гоша.

Рэй коротко глянул на нее и прокашлялся.

— То есть так точно, — исправилась она.

Ехидна.

Гоша вела груженный крейсер класса А. У папы одолжила. Очень удобная штука, чтобы перевозить материалы для бункера. Пятая Зона еще не была оборудована и укомплектована, но периметр очистили, и первым делом его нужно было обеспечить бункерами.

Мэй сидел в кресле второго пилота и изучал панель управления. А потом, шурясь, смотрел вперед. Там уже виднелись громады грузовых самоходов. А потом — на Гошины руки. Та щелкала тумблерами не хуже Миста. Правда, Мэй не знал, как это делает Мист — Миста ему до сих пор так и не показали. Потому что секретный.

А входить, открывая двери с ноги, — это только Гоша обычно. Ну, в самых крайних случаях — Зак.

По крайней мере, Рэй ни разу не видел, чтобы Снежок практиковал подобное. Хотя догадывался — этот может и не такое.

— Первый, — сказал Мист, — что у вас?

— Чихает немного, может слегка тряхнуть, но прорвемся, — донеслось сквозь хрипы и шорох песка в эфире. Если далеко зайти, казалось, эфир тоже забивается песком. А Зак зашел очень далеко. Ровно до центра Пятой.

— Человеческим языком, — раздраженно потребовал Мист.

— Странное у вас понимание человеческого, мистер Джонс, — сообщил Зак.

— Открытие века, блин, — фыркнула Гоша, и Рэй снова строго посмотрел на нее.

А Зак отчитался:

— Сигма-вибрация Б-класса. Шестидесятипроцентная вероятность встряски в секторах с первого по третий.

— Сможете держать все три?

— Как два пальца...

Мист прокашлялся.

«Так точно», - свистящим шепотом подсказала Гоша. И гордо добавила. — Меня МакКейн научил!

— Группа два, — сказал Мист. — Стоп машинам. Вы на месте. Начинайте работы. Девятый, на личный канал.

Рэй щелкнул тумблером. Гоша затормозила свою громадину и спрыгнула в песок. Снежок, прежде, чем выбраться следом, старательно намотал на лицо шарф. И тоже легко спрыгнул — прошли времена, когда он, в отличие от друзей, пользовался выдвижными трапами и лестницами. Он привык к тому, что прыгать можно — Цитрус их поймает. Ну, или перестал так старательно маскироваться под испуганного ребенка. Несколько Мух плавно затормозило позади. Группа двинулась разгружать материалы. Техника была на месте — грузовики доставили еще вчера.

Зак держал бури под контролем.

Можно было начинать строить бункер.

— МакКейн, — сказал Мист Рэю на отдельном канале, — с твоими щенками невозможно работать.

— Моими?! — удивился Рэй.

Щенки были общими.

Мист, конечно, постоянно жаловался на них. Но это было уже в порядке вещей, привычкой, традицией, и Рэй перестал обращать внимание на брюзжание Миста в их адрес. Он знал: это Мист не всерьез. Впервые о чем-то на Цитрусе он постоянно напоминал не всерьез.

«Стареет», - с насмешливым сочувствием думал Рэй, но вслух не говорил. Еще недостаточно постарел, чтоб об этом можно было ему шутить.

Рэй глянул на Гошу. Та как раз за что-то пнула Снежка, но почуяла взгляд и, замахнувшись было для второго пинка, подпрыгнула на месте, развернулась вторым прыжком и попрыгала вперед. Помогать разгружать. Снежок почесал голову, глядя ей вслед, и даже в полном песка воздухе было видно, как из его волос высыпается еще песок. В его волосах вечно было полно песка.

— Ты хоть чему-нибудь их учишь? — спросил Мист. Он тоже все это видел — над ними мирно жужжал дрон-наблюдатель. Один висел где-то над Заком, второй — здесь.

- «Так точно» научил, — напомнил Рэй, и Мист тяжело вздохнул.

— Мне кажется, — сказал он, — теперь и Чужих не надо. Они сами все здесь развалят. Сначала на Цитрусе, потом в Гряде.

— А может, они как раз всех спасут, — сказал Рэй. — Может, хоть у них получится спасти мир.

— Интересная формулировка, — отметил Мист.

— Ну, — пожал плечами Рэй и поднял взгляд на дрон, — мы-то не справились.

Мист не ответил. Ему было нечего отвечать. У него были щиты, бункеры, была техника и безграничные свалки обломков в ржавых песках, взбесившаяся планета и очень ограниченный, хрупкий ресурс, чтоб ее успокоить.

В единственном экземпляре.

«Нужно было его выгнать тогда, — говорил иногда Мист. — Мы расслабились с ним. Он знает, что делать с бурями, но когда-нибудь буря его убьет. И тогда мы останемся ни с чем против Цитруса».

Все трещало по швам. Мист ничего не мог склеить, как не мог собрать единственную Ласточку — та стояла в секретном ангаре и никак не хотела взлетать.

Так что да, они не справились, крыть ему было нечем.

И потому что Рэй смотрел на дрон, потому что единственный из всех не был занят делом и крутил головой, он заметил, как на миг потемнело. С неба рухнула черная тень.

Рэй вздрогнул, рука метнулась к поясу, будто ручное оружие могло что-то изменить, окажись сейчас у него над головой корабль Чужих. Но корабля не было — просто плотная туча песка пронеслась высоко над головой, и рыжее светило вновь пронзило лучами сочащееся песком пространство.

Бури все еще не предвиделось.

Больше книг на сайте - Knigolub.net